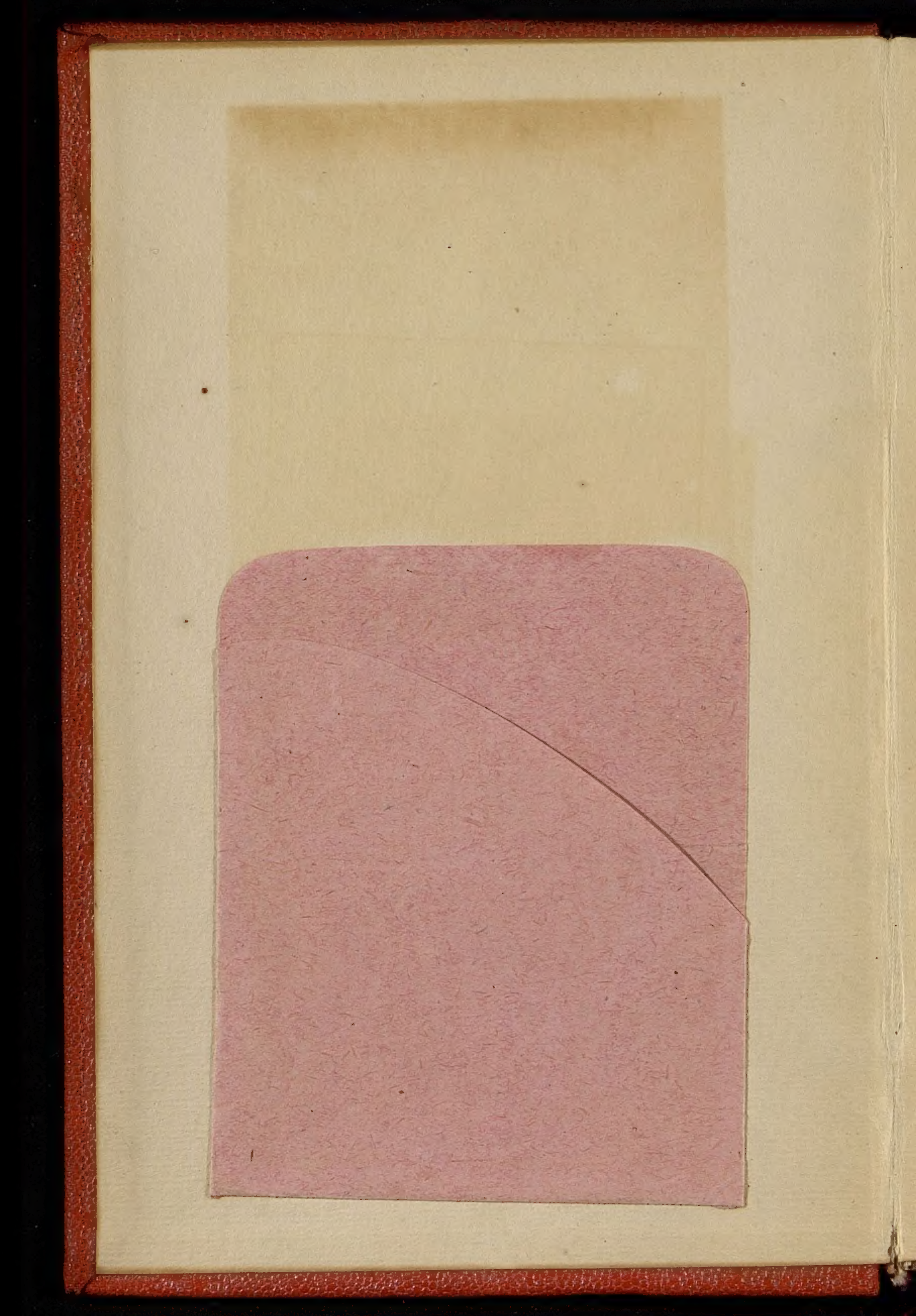
ТОВАРИЩ КИРОВ

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ
КИРОВ

ТОВАРИЩ КИРОВ

РАССКАЗЫ
РАБОЧИХ, ИНЖЕНЕРОВ,
ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ,
УЧЕНЫХ, КОЛХОЗНИКОВ
И ДЕТЕЙ О ВСТРЕЧАХ
С СЕРГЕЕМ МИРОНОВИЧЕМ
КИРОВЫМ

ПРОФИЗДАТ
МОСКВА 1935

Ответственный редактор
В. Топор
Составитель — редактор
Р. Нечепуренко
Редактор
Э. Менджерицкая
Технический редактор
Г. Рогинский
*
Рисунок переплета, титул,
заставки и концовки
работы художника
В. Резникова
*
Корректура выполнена под
руководством Н. Федоровой
бригадой в составе:
Р. Герман, Е. Каракаш
и Ю. Савиной

АВТОРЫ КНИГИ

АБДУЛАЕВ Асадулла, студент бакинской Промакадемии, бывший печник нефтеперегонного завода им. Сталина в Баку.

АБРАМОВ И., заместитель главного инженера Стальпроекта.

АВКСЕНТЬЕВ А., инженер компрессорного хозяйства Ленинского района в Баку.

АГАФОНЦЕВ А., инструментальщик на промыслах им. Кирова, Баку.

АДАМОВ, бригадир-полевод колхоза «Петровское» Псковского района.

АЙРАПЕТОВ Карапет, шофер Азторга, бывший шофер С. М. Кирова в Баку, член АКП(б).

АЛЕКСАНДРОВА М., директор швейно-трикотажной фабрики КУЖД, бывшая работница фабрики им. Володарского, член ВКП(б).

АЛЕКСЕЕВ И., секретарь Кировского райкома ВКП(б) Ленинграда.

АЛЕКСЕЕВ И., шорник завода им. Энгельса в Ленинграде, производственный стаж 25 лет.

АМЕЛИН В., старший зоотехник Красногвардейского района Ленинградской области, член ВЛКСМ.

АМЕЛЮШКИН Н., начальник механического цеха № 1 Кировского завода в Ленинграде, производственный стаж 10 лет.

АРИСТОВ М., персональный пенсионер, член ВКП(б) с 1905 г.

АРТЕМЬЕВА Е., работница завода «Красный треугольник», Ленинград.

АСКЕРОВ Эйбат Кули, старший инженер 11—12-й группы эксплоатации Ленинских промыслов, Баку, производственный стаж 25 лет, член ВКП(б).

АСОНОВ А., инструктор школы ФЗУ завода «Динамо» им. Кирова, Москва, производственный стаж 40 лет.

АТАМАНОВ Б., бывший красногвардеец, бывший начальник 1-й сводной кавалерийской дивизии 11-й армии.

БАБКИН И., начальник строительства Целлулозного завода в Архангельске, в 1919 г. чрезвычайный уполномоченный Совета труда и обороны, член ВКП(б) с 1903 г.

БАЛАНДИНА Н., помощник директора столовой на фабрике «Скороход» в Ленинграде, бывшая работница этой фабрики, производственный стаж 21 год, член ВКП(б).

БАРАНОВ С., старший инженер Центральной лаборатории Кировского завода в Ленинграде, награжден орденом Ленина, сочувствующий ВКП(б).

БАРИНОВ М., начальник Главнефти, бывший управляющий Азнефтью, член ВКП(б) с 1904 г.

БАРКОВСКАЯ М., колхозница колхоза «Ударник» Псковского района.

БАСАЛОВ А., машинист депо Москва, Октябрьской ж. д., производственный стаж 19 лет, член ВКП(б).

БЕЛЕНКОВИЧ А., директор завода им. Авиахима, бывший командующий группой терских революционных войск, член ВКП(б).

БЕЛЯЕВ С., начальник политотдела совхоза им. Казакского ЦИК, станция Шортанды Омской ж. д., член ВКП(б).

БЕБЕШИНА Н., экономист управления Ленинградского порта, производственный стаж 14 лет.

БЛАЗАР Ися, пионер, ученик 11-й школы Володарского района, Ленинград.

БОБРОВ В., директор ленинградской фабрики «Скороход», член партии с 1914 г.

БОГАНОВ В., управляющий Азрыбтрестом, бывший Чусоснабарм 11-й, член ВКП(б).

БОЧАРОВ П., бывший красногвардеец и красный партизан.

БРЕЗГУНОВА Тамара, пионер отряда им. Кирова в Ленинграде.

БРОДСКИЙ С., технолог инструментального цеха 1-го ГПЗ им. Кагановича, член ВКП(б).

БУЛИН Н., инженер Ижорского завода, Ленинград, производственный стаж 40 лет.

БУТЯГИН Ю., бывший командарм 11-й, член ВКП(б) с 1903 г.

БУХБАНД Я., начальник Управления милиции Крымской АССР, краснознаменец, почетный чекист, член ВКП(б).

ВАВИЛОВ Н., академик, директор сельскохозяйственной академии им. Ленина в Ленинграде.

ВАСИЛЕНКО М., заместитель начальника Уральского военного округа, бывший командарм 11-й, кандидат ВКП(б).

ВАСИЛЬЕВА А., домохозяйка, второй раз избрана членом Петроградского райсовета.

ВАСИЛЬЕВА Е., мастер завода «Красная заря» в Ленинграде, производственный стаж 32 года, член ВКП(б).

ВИНОГРАДОВ А., секретарь парткома завода «Электросила» им. Кирова.

ВИНОГРАДОВ И., мастер завода «Светлана» в Ленинграде, производственный стаж 15 лет, член ВКП(б).

ВИТМАН В., заместитель главного архитектора архитектурно-планировочного отдела Ленинградского совета.

ВИШНЕВСКИЙ Всеволод, писатель.

ВЛАСОВ Н., главный инженер по машиностроению на Ижорском заводе, производственный стаж 23 года.

ВОЛОВИК Л., врач в Баку.

ВЯЗАНКИНА М., работница Балтийского завода, производственный стаж 10 лет, кандидат ВКП(б).

ГАСАН-ХАН, бригадир на Ленинских промыслах в Баку, краснознаменец.

ГАТУЕВ Дзахо, писатель.

ГЕБЕР Г., заместитель управляющего трестом «Апатит», г. Кировск, член ВКП(б).

ГИКАЛО Н., секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, кандидат в члены ЦК ВКП(б).

ГЛЕЗЕРОВ М., бывший заместитель начальника строительства Пущинской пересечки в Ленинграде[1].

ГЛОТОВ И., рабочий Уралмаша в Свердловске, бывший путиловец.

ГОРБУНОВ В., студент Харьковского автодорожного института, член ВЛКСМ.

ГРОМОВ П., начальник ремонтно-монтажного цеха Ижорского завода, производственный стаж 34 года, член ВКП(б).

ГУСЕВ Л., секретарь парткома Пролетарского завода в Ленинграде.

ГУСЕВ И., проводник 8-го вагонного участка Октябрьской ж. д., член ВКП(б).

ГУЛИН Н., механик теплохода «Киргиз», производственный стаж 37 лет.

ГУСТОВ Коля, ученик 21-й школы Василеостровского района, пионер.

ГЯЧ Ф., рабочий Кировского завода, Ленинград, производственный стаж 22 года, член ВКП(б).

ДАНИЛОВ П., заместитель управляющего промкомбинатом в Луге Ленинградской области, бывший рабочий Кировского завода, член ВКП(б) с 1914 г.

ДВОРЯНИНОВ М., инструктор ФЗУ им. Володарского, Баку, производственный стаж 42 года, член АКП(б).

---

[1] Материал записан рабочим-автором В. Скроденисом.

ДЕГТЯРЕВ Б., секретарь Волховского райкома ВКП(б) Ленинградской области.

ДЕНИСОВА М., бывшая работница завода им. Шмидта в Баку.

ДИЙКОВ В., рабочий Кировского завода в Ленинграде, производственный стаж 26 лет, орденоносец, член ВКП(б).

ЕГОРШИН В., рабочий Кировского завода в Ленинграде, производственный стаж 46 лет.

ЕРШОВ Ф., бригадир полеводческой бригады в колхозе им. Ярославского Задорожского сельсовета Псковского района.

ЖАКОВ П., профессор Казанского химико-технологического института.

ЖБАНОВ Н., пом. зав. 1-й группы эксплоатации промыслов им. Сталина в Баку, производственный стаж 26 лет, член ВКП(б).

ЖИХРИНА Валя, ученица 5-й средней школы Петроградского района в Ленинграде.

ЖУРАВЛЕВ Н., медник завода им. Марти в Ленинграде, производственный стаж 31 год, член ВКП(б).

ЗАБОЛОТНИКОВ И., инженер 3-й группы эксплоатации промысла «Бухта Ильича» в Баку.

ЗАВАДСКИЙ Вова, пионер, ученик 11-й школы Володарского района в Ленинграде.

ЗАХАРОВСКИЙ В., мастер термического цеха завода им. Рыкова в Баку, производственный стаж 41 год, член АКП(б) с 1905 г.

ЗЕЙЛИКОВИЧ И., управляющий трестом Моссельпром, бывший помощник машиниста Минераловодского депо, член ВКП(б) с 1912 г.

ИВАНОВ Г., второй секретарь Выборгского райкома партии.

ИВАНОВА Ю., бывшая работница завода «Светлана», член ВКП(б).

ИВАШОВ В., секретарь партийного комитета Балтийского судостроительного завода им. Орджоникидзе, член ВКП(б).

ИГНАТОВ Ф., председатель завкома завода «Русский дизель», член ВКП(б).

ИЗДЕБСКИЙ Ф., машинист депо Москва, Октябрьской ж. д. член ВКП(б).

ИСА-ЗАДЕ А., председатель группового комитета 5-й группы промысла им. Кирова, производственный стаж 30 лет, член АКП(б).

ИСЛЕНТЬЕВ А., персональный пенсионер, бывший рабочий депо станции Тайга, производственный стаж 51 год, член ВКП(б).

ИСТОМИНА Е., преподавательница русского языка в Уржумском зоотехникуме, учительствует 24 года.

ИЦХАКЕН И., технический директор завода им. Сталина в Ленинграде.

КАЛИНИН Миша, пионер, ученик 11-й школы Володарского района в Ленинграде.

КАРАСИК А., токарь завода им. Карла Маркса, изобретатель, производственный стаж 9 лет.

КАРЕЕВ И., старый рабочий станции Тайга[1].

КАТУШЕВСКИЙ М., заведующий отделом технического нормирования и организации труда на заводе им. П. Монтина в Баку, бывший маляр, производственный стаж 24 года, член АКП(б).

КЛЕММ А., бывший управляющий Ленинградским трамвайным трестом.

КЛЮКВИН Н., председатель секции Ленинградского совета, бывший рабочий завода «Большевик», производственный стаж 37 лет, член ВКП(б).

КОБОЗЕВ П., рабочий инструментального цеха завода № 7, производственный стаж 28 лет, член ВКП(б).

КОГАН Л., начальник строительства канала Москва—Волга, член ВКП(б), орденоносец.

КОЖУШКЕВИЧ А., заведующий материальным складом механического цеха № 1 Кировского завода, бывший рабочий этого завода, производственный стаж 35 лет, член ВКП(б).

КОЗИНА, колхозница колхоза «Прямой путь» Псковского района.

КОЗЛОВ Ф., заведующий ремонтно-механической мастерской ОРСа завода «Баррикады», Сталинград, производственный стаж 38 лет, член ВКП(б).

КОКМАРЕВ П., старый рабочий станции Тайга[1].

КОЛЕСНИКОВА Н., председатель Астраханского губкома партии в 1919 г., член ВКП(б) с 1904 г.

КОЛПАКОВА А., работница крекингзавода в Баку, производственный стаж 22 года, член АКП(б).

КОЛТЫШЕВ, бригадир-полевод колхоза «Согласие» Псковского района.

КОМАРОВА С., заведующая Псковским домом крестьянина, на производстве с 1902 г., член ВКП(б).

КОНДРИКОВ В., управляющий трестом «Апатит» и начальник Нивского строительства, член ВКП(б).

КОНОВАЛОВ П., рабочий завода под'емных сооружений им. Кирова, сейчас работает начальником цеха ширпотреба, производственный стаж 36 лет, член ВКП(б).

---

[1] Материал взят из томской газеты «Красное знамя».

КОПЕЙКИН Ф., мастер литейного цеха завода им. Свердлова в Ленинграде, производственный стаж 27 лет, член ВКП(б).

КОРКМАСОВ Джелал, зам. секретаря Совета национальностей ЦИК СССР, бывший председатель Совнаркома Дагестанской АССР, член ВКП(б).

КОРМИЛИЦЫН Вася, пионер отряда им. Кирова в Ленинграде.

КОРОВИН П., заведующий политмассовой работой Дома партактива Центрального района в Ленинграде, член ВКП(б).

КОХАНСКИЙ М., командир танковой части[1].

КОЧЕРГИН П., инспектор по оборудованию завода «Светлана», бывший рабочий этого завода, производственный стаж 49 лет, член ВКП(б).

КРАСАВЦЕВА Тоня, пионер отряда им. Кирова в Ленинграде.

КРАСИЛЬНИКОВ П., рабочий завода «Большевик», производственный стаж 33 года, член ВКП(б).

КРАУЗЕ В., инженер-химик, зам. директора государственного опытного завода УСК, орденоносец, член ВКП(б).

КРОТОВ Коля, пионер отряда им. Кирова в Ленинграде.

КРЫЛОВ Н., уполномоченный Наркомпищепрома в Белоруссии, бывший рабочий, член ВКП(б).

КРЫЛОВ Фотий, начальник краснознаменного Эпрона, член ВКП(б), орденоносец.

КУЗЬМИН П., бригадир полеводческой бригады колхоза «Заря» Красноивановского сельсовета Сошихинского района, Псков.

КУКУЕВ И., слесарь Ленинского нефтепромысла в Баку.

ЛАВРОВА Т., работница завода «Светлана», производственный стаж 29 лет, член ВКП(б).

ЛАПСА О., старший мастер абразивно-алмазного цеха 1-го господшипникового завода им. Кагановича, производственный стаж 27 лет, член ВКП(б).

ЛЕВИН Н., юрисконсульт Ленинградского областного суда.

ЛИБЕРМАН Боря, пионер отряда им. Кирова в Ленинграде.

ЛЕЙТМАН А., управляющий Ленинградским торфяным трестом, член ВКП(б).

ЛОМАЧЕНКОВА У., работница механического цеха Балтийского завода, производственный стаж 18 лет, член ВКП(б).

---

[1] Материал записан М. Либенсоном, сотрудником «Вечерней красной газеты» в Ленинграде.

ЛУКЬЯНОВ А., председатель ЦК союза судостроителей, б. матрос, б. предзавкома Балтийского завода в Ленинграде, член ВКП(б).

МАЗНИЧЕНКО Е., шлифовщица механического цеха № 1 Кировского завода, член ВЛКСМ.

МАКСИМОВ В., слесарь Электрокомбината в Москве, кандидат ВКП(б).

МАРКИТАХИН М., управляющий трестом Ленхлоппром, член ВКП(б).

МАРУСЕЙЦЕВА А., домашняя хозяйка в г. Уржуме.

МАТВЕЕВА В., директор столовой завода «Светлана», в прошлом работница завода, производственный стаж 14 лет, член ВКП(б).

МАТУСОВА М., инкассатор школы ФЗУ в Ленинграде.

МАТУСОВ В., октябренок.

МЕЛЬНИКОВ И., директор Лесотехнической академии, член ВКП(б).

МЕХАНОШИН К., директор Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии, бывший председатель Реввоенсовета 11-й армии, член ВКП(б) с 1913 г.

МОНАХОВ Ф., рыбак колхоза им. Максима Горького Псковского района, член Амосовского сельсовета и член правления колхоза.

МОРГЕНШТЕЙН В., главный инженер треста Лендорхоза.

МУГУЕВ Хаджи Мурат, писатель, бывший начальник отдела политагентуры Реввоенсовета 11-й армии.

НЕСТЕРОВ, председатель колхоза «Красный рыбак» Псковского района.

НИКИТИН Ф., мастер Балтийского завода, герой труда, производственный стаж 49 лет.

НИКИФОРОВ А., старый производственник завода «Электросила» им. Кирова, член ВКП(б).

НИКОНОВ И., инженер-механик, работает педагогом 29 лет, г. Казань.

ОДИНЦОВ М., рабочий вагоноремонтного завода в г. Орджоникидзе, член ВКП(б).

ОРАХЕЛАШВИЛИ М., зам. директора института им. Маркса—Энгельса—Ленина в Москве, член ВКП(б) с 1903 г.

ОРЕШЕНКОВ И., персональный пенсионер, член ВКП(б).

ПАРАСКУН Г., бригадир колхоза им. Казакского крайкома партии Акмолинского района КАССР, кандидат ВКП(б).

ПАРФЕНОВ С., рабочий ремонтно-монтажного цеха в Сураханах, производственный стаж 35 лет, член ВКП(б).

ПАХОМЧИК Н., железнодорожный рабочий станции Тайга[1].

ПЕКАРСКИЙ С., начальник пограничной охраны, член ВКП(б).

ПЕКОВ Г., директор завода УСК, член ВКП(б).

ПЕНКИН И., директор металлического завода-втуза им. Сталина, Ленинград, член ВКП(б).

ПЕТРАКОВСКАЯ А., бывшая работница цеха № 7 завода им. Калинина.

ПОПОВ М., начальник строительства Коммунистической академии, кандидат ВКП(б).

ПРУЦКОВ П., рабочий вагоноремонтного завода в г. Орджоникидзе, производственный стаж 20 лет, член ВКП(б).

ПЫЛАЕВ Г., уполномоченный Комиссии советского контроля по Донецкой области, член ВКП(б).

РАПОПОРТ Я., начальник Беломорско-Балтийского комбината, член ВКП(б).

РАСУЛ-ЗАДЕ А., редактор газеты «Ени-Ел» в Баку, член АКП(б) с 1903 г.

РАФАИЛ М., заведующий ленинградским ОГИЗом, член ВКП(б).

РОГОВ М., рыбак колхоза им. Максима Горького Псковского района.

РОМАНОВ В., директор Ленинградского института инженеров транспорта, член ВКП(б).

РОМЕНСКИЙ Н., рабочий вагоноремонтного завода в г. Орджоникидзе.

РУМЯНЦЕВ А., слесарь экспериментальных мастерских Кировского завода, производственный стаж 38 лет.

РЯБОВ Н., столяр колхоза «Всходы» Уржумского района Кировского края.

САВВАТЕЕВ Н., мастер литейной завода им. Карла Маркса, производственный стаж 38 лет, член ВКП(б).

САДОВАЯ М., ученица 7-го класса 21-й школы Василеостровского района в Ленинграде, пионерка.

САМАРЦЕВ А., счетовод Уржумского водочного завода, производственный стаж 24 года.

САМОЙЛОВИЧ Р., директор Всесоюзного арктического института, орденоносец.

САХАРОВ Н., главный механик Казанского льнокомбината, производственный стаж 30 лет.

СЕМЕНОВ В., слесарь завода им. Карла Маркса, изобретатель, производственный стаж 12 лет, член ВКП(б).

СЕРГЕЕВ И., формовщик Уралмаша, бывший рабочий Кировского завода в Ленинграде.

---

[1] Материал взят из томской газеты «Красное знамя».

СЕРЕБРОВСКИЙ А., начальник Главзолота, бывший начальник Азнефти, член ВКП(б) с 1903 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б).

СИВОКОЗОВ И., наборщик типографии в г. Орджоникидзе, производственный стаж 46 лет.

СМИРНОВА Вера, пионерка, ученица 11-й школы Володарского района.

СМОРОДИН П., секретарь Выборгского райкома ВКП(б) Ленинграда.

СОБОЛЕВ В., секретарь Петроградского райкома ВКП(б) Ленинграда.

СОВЕТОВ С., профессор Научно-исследовательского института коммунального хозяйства в Ленинграде.

СОКОЛОВ Н. цеховой профорганизатор, рабочий завода им. Казицкого в Ленинграде, член ВКП(б).

СОЛОВЬЕВ В., секретарь партийного комитета Ижорского завода.

СПАССКИЙ В., преподаватель школы им. Ленина в г. Уржуме.

СТЕЦУРА М., начальник цеха № 14 Балтийского завода, им. Орджоникидзе, производственный стаж 45 лет.

СТРЕЛЬЦОВ Б., директор Балтийского судостроительного завода им. Орджоникидзе, член ВКП(б).

СУХАРЕВ В., рабочий прессовочной мастерской Ижорского завода, производственный стаж 23 года, член ВКП(б).

ТАННЕР Е., слушатель Военной академии, в прошлом рабочий завода «Красная заря», член ВЛКСМ.

ТАНСКИЙ А., профессор Ленинградского индустриального института.

ТЕЛЬНЫХ П., начальник автобазы Серноводского зерносовхоза, станции Кабановка, Самаро-Златоустовской ж. д., производственный стаж 25 лет, бывший личный шофер С. М. Кирова, член ВКП(б).

ТИМОФЕЕВ С., старший мастер по сборке турбин на заводе им. Сталина в Ленинграде, герой труда, член ВКП(б).

ТОДОРСКИЙ А., начальник и комиссар Военно-воздушной краснознаменной академии РККА им. Фрунзе, член ВКП(б).

ТРОНОВ В., герой труда, почетный нефтяник, б. красный партизан, член АКП(б) с 1902 г.

ТУЗ А., бригадир группы подготовки производства на заводе № 7.

ТЮШЕВСКИЙ А., персональный пенсионер, Ленинград.

ФЕДОРОВ И., рабочий завода под'емных сооружений им. Кирова, производственный стаж 33 года, член ВКП(б).

ФЕДОРОВ М., управляющий Ленинградским нефтесбытом, член ВКП(б).

ФЕРСМАН А., академик.

ФИЛАТОВ Г., цеховой мастер нефтеперегонного завода им. Сталина в Баку, член ВКП(б).

ФОФИЛОВ А., секретарь Гдовского райкома партии.

ХАДЖИ-КАСУМОВ М. заведующий архитектурно-планировочным отделом (АПО) Ленинградского совета.

ХЕЙФЕЦ Б., рабочий альбуминного цеха Ленинградского мясокомбината им. Кирова, член ВЛКСМ.

ЧАПЛИН Н., начальник политотдела Кировской ж. д

ЧЕРНИКОВ Л., инженер-металлург.

ЧЖАН-СИ-САН Вера, пионерка, ученица 11-й школы Володарского района в Ленинграде.

ЧУЖИН Я., заместитель начальника Главного управления кино-фотопромышленности, член ВКП(б).

ЦАП С., кузнец завода им. Марти, член ВКП(б).

ШАБРОВ Н., старший монтер завода им. Дзержинского в Баку, производственный стаж 28 лет, член ВКП(б).

ШАРОВ А., заместитель заведующего архитектурно-планировочным отделом Ленинградского совета, член ВКП(б).

ШЕРИПОВ Заур, б. красный партизан Чечено-Ингушетии.

ШПИЛЕВ Г., б. столяр, научный работник, член ВКП(б).

ШТИБЕН В., инструктор слесарного дела школы комбайнеров в селе Карбулак на Нижней Волге, производственный стаж 43 года, член ВКП(б).

ШУМЯЦКИЙ Б., начальник Главного управления кино-фотопромышленности, б. рабочий, член ВКП(б) с 1903 г.

ЩЕБЛЫКИНА Т., ученица 7-го класса 21-й школы Василеостровского района в Ленинграде, пионерка.

ЩЕБРОВ И., цеховой профорганизатор завода им. Казицкого в Ленинграде, производственный стаж 24 года, член ВКП(б).

ЯКОВЛЕВ А., инженер паровозной службы Кировской железной дороги, производ. стаж 32 года, член ВКП(б).

ЯНКЕВИЧ И., лифтер дома 26/28 по Кировскому проспекту, где жил С. Киров, член ВКП(б), бывший литейщик.

ЯСВОИН М., директор завода «Красная заря», член ВКП(б)).

Большую помощь в создании этой книги оказали тт. Б. Позерн, М. Орахелашвили, А. Серебровский, А. Караев, К. Механошин, Н. Колесникова и другие, которым издательство приносит благодарность.

●

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ученик Ленина, верный друг и соратник товарища Сталина, выдающийся деятель нашей партии, пламенный большевик, не знающий страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией, вдохновенный трибун революции, кристально чистый, скромный, чуткий, сердечный товарищ — таков Сергей Миронович Киров.

Таким знали и любили его большевики, таким знали и любили его широкие массы трудящихся нашей страны, таким он войдет в историю Великой пролетарской революции.

Еще юношей, в тяжелые годы царского самодержавия, он нашел свой путь, путь большевика, и никогда не сходил с этого пути, высоко держа знамя нашей партии, партии Ленина—Сталина.

В глухом Уржуме, в Казани, в томском подпольи, в царском Владикавказе, на фронтах гражданской войны, в Баку — городе нефти, в цитадели пролетарской революции — Ленинграде, на далеком севере, в степях Казахстана — всегда и везде товарищ Киров заражал людей своей неутомимой большевистской энергией, уча их работать по-сталински. Он завоевал тысячи сердец,

зажег в них великий пламень революции и выковал из них преданнейших борцов за дело коммунизма.

Это был поистине завоеватель людей.

Его глубочайшая вера в дело Маркса—Ленина—Сталина, его четкая большевистская тактика, потрясающая сила его речей увлекали за собой рабочих во времена первой русской революции, вели за собой горцев в дни ожесточенной борьбы за советскую власть на Кавказе, примиряли веками враждующие между собой национальности, поднимали новые и новые пласты борцов за победу социализма на одной шестой части земного шара.

Именно этого человека, беззаветно преданного революции, этого непримиримого борца за чистоту генеральной линии выбрала партия для того, чтобы возглавить ленинградскую организацию, разгромить там троцкистско-зиновьевскую оппозицию, разоблачить всю ее гниль, всю ее контрреволюционность и повести ленинградских большевиков с новыми силами на бой с классовыми врагами, за укрепление диктатуры пролетариата.

Этот беспощадный к оппортунистам и к классовым врагам человек был простым, доступным и любящим товарищем, верным другом, внимательным к мельчайшим нуждам рабочего класса.

Наш Мироныч, товарищ, друг, отец родной — так называли его рабочие Томска и Баку, Владикавказа и Астрахани, Ленинграда и Хибин.

Эту книгу о товарище, учителе и друге миллионных масс создали в основном кировские воспитанники. Они знали Кирова в разные годы,

встречались с ним при разных обстоятельствах, некоторые только раз виделись с ним, но каждая такая встреча с благороднейшим и мужественным ленинцем-сталинцем оставила навсегда след в их жизни.

Не было в этом человеке ни тени властности, ни тени показного превосходства. Простой разговор, товарищеская шутка, в корень вещей направленный вопрос, уменье всегда нащупать главное, коллективно найти выход и при этом так поднять дух, что хотелось засучив рукава работать и работать, — об этом говорят почти все участники этой книги.

Тысячи людей заразил он желанием учиться, овладевать теорией Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, чтобы нести их знамя вперед. Уча других, он сам показывал величайший пример того, как надо учиться. Считая, что сопротивление материалов руководители партии должны так же знать, как сопротивление классового врага, он неуклонно изучал основы новой техники. К нему в полной мере относятся замечательные слова товарища Сталина на первом всесоюзном совещании стахановцев о том, что настоящими руководителями-большевиками могут быть только такие руководители, которые умеют не только учить рабочих и крестьян, но и учиться у них.

Пионеры и герои труда, неграмотные работницы и убеленные сединами профессора — тысячами исчисляются люди, которые под большевистским влиянием Мироныча стали в ряды передовых борцов за дело социализма.

И хотя в создании этой книги участвуют только 208 человек, ее могли бы написать тысячи, все новыми и новыми штрихами любовно расцвечивая образ одного из достойнейших ленинцев. Ее могли бы написать все, кто, затаив дыхание, слушали и читали чудесные кировские речи и на все лады повторяли его слова на XVII с'езде партии: «Так хочется жить и жить!»

Киров выразил этими словами настроение всех трудящихся нашей родины, переживающих величайшую радость и гордость от сознания того, что дело построения бесклассового социалистического общества под гениальным руководством вождя мирового пролетариата товарища Сталина увенчалось блестящими успехами.

Эти успехи, достигнутые в беспощадной борьбе партии и рабочего класса против классовых врагов и оппортунистов всех мастей, толкнули обанкротившиеся окончательно и гибнущие остатки их на гнуснейшее преступление.

Враг, чувствуя свое бессилие, ослепленный яростью, поднял руку на бесстрашного революционера — на Кирова. Презренный убийца, наймит фашистской буржуазии и озверевших подонков белогвардейщины и троцкистско-зиновьевского охвостья, трусливо выстрелил ему в спину. Так же трусливо и подло контрреволюционные выродки пытались вести свою предательскую и двурушническую работу в нашей стране. Взрывом глубокой ненависти к врагам партии, к врагам советской власти ответили миллионные массы нашей страны на подлое убийство Сергея Мироновича.

Никогда не забудет наша прекрасная, идущая все вперед страна своего Кирова. Живой, жизнерадостный Мироныч, любимый вождь, близкий товарищ, неустрашимый борец — таким он остался в памяти миллионов и таким стремится его показать эта книга.

Идея этой книги родилась в тяжелые декабрьские дни 1934 года.

Рабочие Ленинграда, собравшиеся на один из траурных митингов, выразили желание запечатлеть в книге образ любимого вождя ленинградских большевиков.

Призыв ленинградцев получил отзвук со всех концов Советского Союза.

Записи устных рассказов на встречах, организованных с рабочими предприятий Ленинграда и промыслов в Баку, письма с воспоминаниями из Уржума, Казани, Томска, Орджоникидзе легли в основу этой книги. Рабочие, колхозники, инженеры, командиры, старые подпольщики, хозяйственники приходили в редакцию и взволнованно рассказывали о незабываемых встречах. Приходили вновь и вновь, приносили газеты, в которых были напечатаны их воспоминания, и добавляли все новые и новые материалы, рисующие образ нашего Мироныча.

Так создавалась биография прекрасного большевика.

Эта книга — не сборник документов, а единый, связный рассказ, показывающий, быть может, и не в полной мере яркую жизнь пламенного борца за коммунизм. Пройденный Кировым путь всегда

будет примером того, как надо жить по-настоящему, по-ленински, по-сталински.

Со дня смерти Сергея Мироновича прошел только год. За этот год наша страна во главе с великим вождем пролетариата товарищем Сталиным семимильными шагами двинулась вперед.

«Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее... Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции» (И. Сталин. Из речи на первом всесоюзном совещании стахановцев).

Год тому назад Кирова не стало. «Мы не должны теряться перед этими утратами, мы должны попрежнему смело, с высоко поднятой головой итти вперед.

Смело, с юношеским задором, энтузиазмом, кипучей энергией пойдем вперед, продолжая путь уходящих из славной большевистской когорты». Так в свое время сказал сам Мироныч.

Миллионные массы отвечают на смерть Кирова сплочением своих рядов вокруг партии, вокруг любимого вождя товарища Сталина, которого Киров беспредельно любил сам и в любви к которому он воспитывал трудящихся нашей страны.

●

I

В ПОДПОЛЬИ

«...Мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни...»

С. Киров. Из речи на торжественном заседании комсомольского актива Ленинграда 28 октября 1933 г.

ТАКИЕ НЕ ПРОПАДАЮТ

Четыреста километров от города Вятки до Казани тянулся поросший столетними березами Казанский тракт, который пересекал бесконечные поля, перелески и деревни. На двести пятом километре на реке Уржумке расположился город Уржум. По переписи 1897 года в этом городе насчитывалось четыре тысячи четыреста двадцать три жителя. До революции этот город не имел фабрич-

но-заводской промышленности. Правда, к 1904 году в городе насчитывалось шесть фабрик и заводов. Но что представляли эти заводы? На всех шести «заводах» работали лишь двадцать один человек.

Уржум был городом купцов и лесопромышленников. Уржумские купцы большими партиями скупали хлеб, поярок, холст, куделю, кустарные изделия и продавали все это в Казани, Кукарке и Котельниче. А городская беднота шла на заработки к лесопромышленникам Бушковым, Шамовым, Бердинским.

Как и другие города Вятской губернии, Уржум служил местом политической ссылки. Царское правительство ежегодно ссылало туда революционеров. Там еще в 1894 году будущий большевик Н. П. Брюханов организовал кружок ссыльных, который установил связь с учащейся молодежью. Узнав об этом, вятский губернатор Клингенберг командировал в Уржум старшего чиновника особых поручений князя Гагарина с секретным поручением произвести обыски и аресты. Круглый невежда в политических вопросах, князь Гагарин, прочитав письма, в которых упоминались имена Маркса и Энгельса, отдал приказ уржумскому исправнику немедленно выяснить местожительство Маркса и Энгельса и арестовать их.

В этом-то городке и проходили детство, отрочество и юность Сергея Мироновича Кострикова — будущего Кирова. Родился он в 1886 году. Отец

и мать его жили на Полстоваловской улице (теперь улица Свободы) в доме № 42, где жила и наша семья. Там был постоялый двор, всегда заполненный телегами, лошадьми и привезенными на базар товарами. Жили Костриковы очень бедно. Отец вечно пьяный, мрачный, часто куда-то надолго исчезал из города, а возвращаясь, напивался и буйствовал, наводя страх на всю семью.

— Мирон, Мирон пришел! — испуганно шептали все, когда он появлялся в доме, и забирались куда-нибудь подальше, чтобы не попасться ему на глаза.

Грязь, сырой вонючий воздух от накуренной махорки, прелых портянок, развешенных для просушки, мужики-ночлежники—вот обстановка, в которой росли Сережа и его сестры Анюта и Лиза.

Сережа был подвижным и веселым мальчиком.

Часто в зимние морозные дни, лежа на смежно расположенных печках своих квартир, мы переговаривались с ним через дыру, проделанную в стене. А как только становилось теплее, Сергей кричал мне в дыру:

— Санька, пойдем на салазках кататься!

— Ведь у тебя, Сережка, валенки худые, — отвечал я ему.

— Ну, это ничего, я дыры-то тряпками заткну!

А весной, когда на улицах появлялись проталины, мы, забросив свои худые валенки, босиком (нам, маленьким, не полагалось другой обуви, кроме валенок) выбегали на улицу и проводили там целые дни.

А. Самарцев

Костриковы мне приходятся родней: моя мать и мать Сергея Мироновича Екатерина Кузьмовна — сестры.

Тетка одна кормила всю семью. Муж ее Мирон Костриков годами пропадал на заработках вдалеке от дома. Жили они очень бедно: скота у них никакого не было, в комнате не было даже стула, только три табуретки да простые деревянные скамейки. На жизнь мать Сережи зарабатывала шитьем, но заказы были редки, да и больна она была чахоткой, измучена бедностью, болезнью и тревогой.

Помню, как-то я приехал из деревни, вижу — Екатерина Кузьмовна сидит и плачет. Спрашиваю: «Отчего плачешь?» Она говорит, что есть нечего.

Я тогда же помог немного и стал с тех пор приглядываться к ним внимательнее.

— Кузьмовна, — скажешь ей, — ты таешь, как воск. Надорвешься, Кузьмовна!

— Мне нельзя надорваться, — отвечала она тихо, — у меня трое ребят.

Детей я полюбил, особенно Сережу, толковый он очень был. Однажды я ему привез салазки, сам сделал для него (мастер я по дереву). Сколько у него радости было, так и не рассказать! В другой раз я ему валенки скатал, ему тогда не в чем было учиться ходить. И меня Сережа, видать, любил тогда.

Н. Рябов

Сереже было семь лет, когда умерла его мать. Незадолго до этого пропал без вести и сережин отец. Самой старшей в семье осталась десятилетняя

Анюта. Тогда к ним переселилась бабушка Маланья, жившая в няньках у владельца уржумской типографии Гросса. Семья осталась без всяких средств к существованию. Бабушка решила отдать Сережу в приют. Она обивала пороги благотворительного общества, умоляла «сделать такое одолжение» — принять Сережу в приют — и с большим трудом этого «одолжения» добилась.

Я часто бывал у Сережи в приюте на Скобе (ныне Советская улица). Сережа водил меня по огромной, похожей на казарму комнате, уставленной койками. «Вот моя кровать», — показал он на одну из них. Деревянный топчан, тощий матрац, серое казенное одеяло, бледные приютские ребята... Несладко жилось Сереже у «благотворителей».

В том же году Сережа поступил в приходское училище.

А. Самарцев

Почти каждый день после окончания школьных занятий Сережа, прежде чем итти к себе в приют, забегал домой. Придешь к ним, бывало, а бабушка примется хвалить своего внука.

— Вот ведь он у меня какой хороший: и дров мне наколол и воды принес... Такой-то ласковый, дай бог ему здоровья.

— Будет тебе, — смущенно улыбался Сережа.

В городском училище он учился вместе с сыном моего деда-портного Морозовым Володей. В семье деда Сережу и Володю называли в шутку изобретателями, так как они постоянно что-то мастерили и «изобретали».

— Избу мне не сожгите, — ласково ворчал дед.

— Что ты, что ты, никогда этого не случится! — уверяли мальчики.

Помню одно их изобретение (вероятно, это было связано с изучением фотографии): какой-то ящик кубический, в углах которого вставлены стекла, а на дне лежит лист бумаги. Если накрыть ящик чем-нибудь и смотреть под покрышкой на дно, видны очертания предметов, находящихся против боковых стекол. Я смотрю в этот ящик, Сережа с нетерпением ждет, что я скажу.

Вдруг Сережа громко, негодующе вскрикивает:

— Он упал... ушибся... и его же бьют!..

Оказывается, на дворе солдатской казармы, которая расположена была наискось от дома деда, происходили гимнастические упражнения солдат. Один солдат сорвался с высокой трапеции и упал. Подбежавший фельдфебель ткнул расшибшегося солдата в зубы. Все это Сережа увидел из окна.

В этот день он уже не интересовался больше своим «изобретением» и, посидев еще несколько минут, молчаливый и задумчивый ушел к себе в приют.

Е. Истомина

Еще в девяностых годах в Уржуме стали появляться политические ссыльные.

Мещане запрещали своим детям заводить с ними знакомство. «В церковь не ходят, против царя идут! Каторжники!» Мрачными и злобными взглядами провожали черносотенные обыватели ссыльных.

А нам они, эти крамольники, казались очень симпатичными. Нравились они нам хотя бы своей непохожестью на обывателей торгово-чиновничьего, лабазно-купеческого Уржума. В них, этих ссыльных, мы видели нечто от тех героев, про которых читали в книгах Войнич «Овод», Омулевского «Шаг за шагом», во всей той беллетристике, которую тогда называли «тенденциозной».

Первое знакомство Сергея с политическими ссыльными произошло, когда ему было лет пятнадцать. Недалеко от нас жили два политических ссыльных, братья Спруде. Как-то вечером один из братьев Спруде пригласил нас к себе. Здесь мы встретили студента электротехнического института Маврамати и других ссыльных.

В этот вечер впервые мы услышали революционную песню «Варшавянка». Она нам так понравилась своей мелодией и словами, что мы решили ее заучить во что бы то ни стало. Выпросили у Спруде слова этой песни и на другой же день отправились в лес, где громко, никого не боясь, распевали:

«Вихри враждебные веют над нами...»

В то же лето нам в руки попала газета «Искра». Ее нам дал Маврамати на одну ночь. Запершись в амбаре, где мы обычно спали летом, Сережа с благоговением развернул «Искру» и при свете лампы стал читать вслух. Статьи были нам почти непонятны. И на следующий день, возвращая газету, Сережа честно признался Маврамати, что газета нам еще не по зубам. Тогда нам дали разные брошюрки и книги.

Ни один возникающий вопрос Сергей не оставлял без ответа. Как-то у одного из наших друзей-ссыльных мы увидели листовку, напечатанную на гектографе. До этого о таких «печатных» произведениях мы и понятия не имели. Сережа заинтересовался происхождением этой листовки, и один из братьев Спруде рассказал весь несложный процесс этого производства.

Тогда Сергей предложил устроить свой гектограф, чтобы печатать прокламации. Мы стали заготовлять глицерин и желатин. Глицерин продавался только в земской аптеке. Сергей терпеливо изо дня в день ходил за глицерином то сам, то поручал мне (чтобы у продавца не возникло никаких подозрений). Желатин продавался в любой лавке. Вскоре у нас были уже целые запасы и того и другого.

Сергей хотел как можно скорее «приступить к делу», как он говорил. Мы достали энциклопедию и нашли рецепт гектографического производства. Разыскали железный противень, размером в пол-листа писчей бумаги. Через несколько дней у нас все было готово, чему Сергей очень радовался. Кстати у Спруде оказалась интересная прокламация. Печатными буквами мы переписали эту статью особыми чернилами, затем сварили в бане гектографическую массу и приступили к «печати». Сергей с увлечением накладывал лист за листом и любовался оттисками.

Это было летом, в ночь с пятницы на субботу. Часов в одиннадцать-двенадцать ночи, заполнив все карманы листовками, мы вышли из бани.

В субботу ожидался большой базар. Мы решили разбросать листовки по базарной площади и на Малмыжском тракте. По дороге мы никого не встретили. Осторожно разбросали листовки по площади, потом спустились по главной улице вниз и, пройдя оба моста, стали разбрасывать листовки по тракту.

Вдруг слышим пронзительный свисток, за ним другой, третий. На секунду мы остановились.

Что это? Погоня? И мы бросились бежать, уверенные, что нас преследуют.

— А знаешь, нам надо все-таки все разбросать, — говорил Сергей, задыхаясь, и мы продолжали раскидывать листовки по обе стороны тракта.

Вернулись домой другим путем, лугами, по которым уже стлался белый туман. Промокли до нитки. Когда подошли к дому, уже светало.

На гектографе мы выполнили много работ. Особые хлопоты нам доставлял железный лист, который всякий раз надо было прятать от посторонних глаз. Прятали мы его обычно в огороде за баней.

А. Самарцев

Моя мать жила в прислугах у торговца Зубарева, а семья Сережи Кострикова жила напротив зубаревского дома.

Сережа часто забегал к нам и тихонько приглашал меня на «спектакль». Моя мать не велела мне встречаться с Сережей, так как хозяйка Зубарева строго запрещала ей общаться с семьей Кострико-

вых, которых в то время уже считали неблагонадежными. Но наша дружба с Сережей все росла.

Сергей был очень энергичный и подвижной. Мы его очень любили, особенно за песни и спектакли, которые он ставил на сеновале вместе со своими товарищами.

Я до сих пор не забыла одного из таких «спектаклей», когда Сережа на сцене-сеновале пропел три незнакомых нам до тех пор песни.

Они все еще звучат в моих ушах, эти слова, впервые мной услышанные от него:

«А деспот пирует в роскошном дворце,
тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
чертит уж рука роковая».

Вот как сейчас стоит он передо мною на сеновале в серой рубашке и поет:

«По пыльной дороге телега несется,
а в ней по бокам два жандарма сидят».

Особенно любил и часто пел Сережа:

«Вставай, поднимайся, рабочий народ,
иди на борьбу люд голодный!..»

Как-то ему сказали, что нас могут посадить. Сережа ответил: «Вот когда мы будем большие, то этих «крючков» не будем бояться» (крючками мы называли стражников).

А. Марусейцева

В поселке Буйского завода, в семи километрах от Уржума, проводили ссыльные свои собрания. Непременным участником этих собраний был подросток Костриков.

И после от'езда Кострикова в 1901 году в Казань, где мы вместе с ним учились, он не прекращал связи с кружком на Буйском заводе.

В механико-техническом училище, в нашем классе мы с Сережей были самыми неимущими учениками.

От Вятского земства мы получали стипендию лишь в тридцать шесть рублей в год. Вполне понятно, что этих денег не хватало на жизнь и учение.

Сергей был самым молодым среди товарищей по классу. Но он пользовался большим авторитетом среди всех одноклассников. Учился он лучше всех и никогда не отказывал в помощи отстающим. Я к нему не раз обращался за помощью. Просишь, бывало:

— Сережа, дай списать задачку, я не успел решить, а сейчас никак у меня не выходит.

Обычно он отвечал:

— Ты лучше скажи, чего ты не понимаешь, — я тебе об'ясню. Решай сам, а я тебе помогу.

Наш класс особенно не любил инспектора училища Широкова. Типичный царский «педагог», он был необычайно груб и нередко давал ученикам подзатыльники. Мы стремились отомстить ненавистному инспектору. Однажды трое учеников нашего класса, и я в том числе, бросили дохлую ворону на письменный стол Широкова.

— Глупая, мальчишеская выходка, дела она не исправит, — сказал нам Сережа, узнав об этом. Но когда в класс пришел инспектор Широков, Костриков поднялся первый и спокойно заявил:

— С вами произошел неприятный случай. Но если вы не измените вашего отношения к ученикам, могут получиться еще более неприятные вещи.

На инспектора это твердое выступление подействовало: он стал вежливее обращаться с учениками, придирки прекратились.

Когда в последнем классе мы как-то обсуждали, кто куда и кем будет устраиваться служить, Сергей сказал: «Служить не знаю где, но работать придется много».

Он отличался находчивостью, остроумием. Нелюбимый предмет был у нас закон божий. Сергей часто вступал в споры с попом. А иногда говорил:

— Батюшка, хорошо, если бы вы нам рассказали, кто больше прав — старообрядцы или православные.

А нужно сказать, что поп был по-своему образованный богослов, часто выступал в спорах, в то время модных, со старообрядцами, и это был его конек. Забывая о катехизисе, он пускался в длительные беседы.

Раза два мне пришлось быть вместе с Сережей на студенческих собраниях. Происходили они в Собачьем переулке, в дворовом флигеле Слободчикова, на квартире студента Попова. Семнадцатилетний Сергей Костриков уже тогда заставлял внимательно прислушиваться к себе студентов.

А. Яковлев

Казанское промышленное училище, в котором я заведывал учебной частью, состояло из четырех

отделений: среднего химического и трех низших технических по специальностям: механической, строительной и химической.

Продолжительность обучения в низших отделениях была три года. Принимались лица, окончившие курс городских училищ. Поступали дети ремесленников, мещан, мелких служащих и т. д. Плата за обучение была тридцать рублей в год. Оканчивающие механическое и строительное отделения легко устраивались на места. Желающих поступить на эти отделения было значительно больше, нежели возможно было принять. Поэтому применялся конкурс аттестатов и выбирались лучшие по аттестатам. Костриков был принят в 1901 году по аттестату на механическое отделение. Тогда ему было пятнадцать лет.

Он обнаружил хорошие способности, относился крайне старательно к занятиям и выполнял с любовью все задания на дом.

Помнятся мне такие случаи.

Многие ученики болели малярией, в том числе и Костриков. Мне не раз приходилось наблюдать, как он скорчившись и, видимо, страдая от припадка малярии, все же внимательно слушает об'яснения преподавателей.

Другие же ученики обыкновенно, прикрываясь малярией, манкировали занятиями и не являлись в училище по нескольку дней.

Как-то я организовал с учебной целью экскурсию на Паратский завод, близ Казани. Насколько помнится, дело происходило зимой 1903 года. Ученикам назначено было явиться на вокзал.

Когда я пришел туда, мне бросилось в глаза болезненное состояние Сергея Кострикова. Повидимому, у него был приступ малярии. Я порекомендовал ему отправиться домой, тем более, что он был в летнем изношенном пальтишке. Однако Сергей не согласился лишиться интересной экскурсии и поехал больным.

При переводе из второго в третий класс ему была присуждена педагогическим советом за хорошую успеваемость награда (кажется, готовальня).

А учиться было нелегко. В низших отделениях жизнь учеников была регламентирована во всех мелочах и до крайности стеснена.

Ученики обязаны были являться на утреннюю молитву, им не позволялось посещать театры без разрешения — а такие разрешения не выдавались в учебные дни,—им запрещалось выходить из квартир позднее установленного времени, курить, носить длинные волосы и т. д.

В училище существовал такой порядок. Ученики приходили в училище к половине восьмого утра. Занятия начинались с восьми. С двенадцати часов давался перерыв на обед. С двух часов до шести занятия продолжались. Кроме того каждый день задавались на дом работы, выполнение которых требовало двух-трех часов времени.

Насколько трудно давалось учение, видно из того, что из принятых в 1901 году сорока человек окончили в 1904 году лишь шестнадцать. Из них Сергей был лучшим.

Жили ученики на ученических, разрешенных начальством училища, частных квартирах. Эти квар-

тиры контролировались инспекцией. В комнате помещалось по нескольку учеников. Плата — от трех до пяти рублей в месяц за койку. Обедали ученики в частных столовых или в училищной столовой, содержавшейся на средства Общества вспомоществования нуждающимся учащимся.

Сергей Костриков был настолько беден, что не мог питаться даже в очень дешевой столовой общества, и ему выдавались или единовременные небольшие пособия или бесплатный обед, но не систематически. В последний год обучения он обедал в моей семье.

Отсутствие близких, плохие бытовые условия, постоянное недоедание могли бы вызвать у другого уныние и подавить всякое желание учебы. Но не таков был Сергей. Он интересовался не только своей непосредственной учебой, он стремился расширять свой кругозор путем чтения книг по литературе и в беседах обнаруживал острый критический ум.

В протоколах педагогического совета училища (по архивным данным) за ноябрь 1903 года имеется интересная запись. Обсуждался вопрос о «серьезных прегрешениях» учеников третьего класса механического отделения: отказ от письменной работы по закону божьему всем классом, посещение театра без разрешения начальства, хождение после театра по улице вопреки запрещению начальства.

В числе проштрафившихся был и Сергей. Была придана этим поступкам окраска протеста. Кострикову с товарищами грозило крайне суровое наказание, чуть ли не временное исключение из училища.

Но группа преподавателей запротестовала против такой меры, и Костриков с товарищами отделался карцером.

П. Жаков

Собирал я со своим товарищем в механической мастерской нашего училища ручной печатный станок для слепых. Работа задержалась: не прислали специального шрифта. Однажды я заметил, что кто-то переставил станок на окно, но я не придал этому значения. Простоял станок два дня, а на третий встречают нас в мастерской неожиданной новостью:

— А у нас покража, станок украли.

Глядим — в окне выдавлено стекло.

Через два месяца один мой приятель говорит с лукавой усмешкой:

— Велели тебе передать, что плохо ты станок собрал. Неудачно подогнал валик.

И, понизив голос, добавил:

— Плохо прокламации печатаются.

— Кто же велел передать? — спросил я.

— Ну, это тебя не касается, — отвечал товарищ.

Позднее я узнал, что в числе тех, кто печатал прокламации, был Сергей Костриков.

Н. Сахаров

В свободное от занятий в училище время он много читал или что-либо мастерил. Как-то с моей небольшой помощью из разного металлического хлама он сделал электромотор. К сожалению, недолго нас радовала эта машина. Случилось так, что совершенно безвозвратно порвались мои единственные

брюки, а у Сережи были тоже одни. Он пошел и продал свое единственное сокровище — самодельный мотор — и купил мне на базаре брюки.

У Кострикова были золотые руки. Это утверждали все. Действительно, не было такой вещи, такого механизма, который он, взявшись, не починил бы или не сделал. Иногда много вечеров подряд просиживал он, добиваясь своего, и добивался-таки. Особенно Сережа любил математику, физику и химию,—в этой области у него были замечательные способности. Иногда мы любили помечтать.

— Ты будешь инженером или лучше профессором механики,—говорил я ему.

— Нет, еще не пришло время сделаться мне профессором,—немного загадочно отвечал мне Сережа. — Я буду тем, что сейчас нужнее всего.

В. Спасский

ПУТЬ НАЙДЕН

Лето 1904 года. На речке Уржумке я, студент Томского технологического института, встретился с Сережей Костриковым. Восемнадцатилетний юноша, только что окончивший Казанское техническое училище, ищет путь в жизни. Учиться дальше нет средств.

— Сергей, поедемте в Томск. Поступите на общеобразовательные курсы, через два года получите аттестат зрелости. Как-нибудь проживем. Не пропадете, — предложил я.

В середине августа я возвратился в Томск. Через несколько дней ко мне приехал Сергей. Нашли

комнату побольше и зажили «по-студенчески». Я — на земскую стипендию и уроки, он — на редкую помощь своей старшей сестры, а вместе — когда полусыто, когда голодно.

Костриков поступил на вечерние курсы, организованные в 1903 году группой передовых томских педагогов и приютившиеся в здании института. Вскоре на ту же квартиру (по Кондратьевской улице), в соседнюю с нашей комнату, переехали двое. Один из них был Мелихов, ровесник Сергея, служивший где-то писцом и учившийся на тех же курсах.

Приглядевшись к Мелихову, Сергей однажды сообщил мне:

— А ведь Мелихов-то—дельный парень и имеет связь с партийными...

С тех пор они были неразлучны. Вместе ходили на курсы, активно посещали собрания, кружки. Сергей участвовал даже в спектакле, устроенном в пользу нуждающихся слушателей курсов. У него завязывается обширное знакомство среди рабочих, в том числе с типографским рабочим Кононовым. Дома Сергей очень усидчиво занимается изучением политической экономии.

Тужурка, легкое серое пальтишко и фуражка — «форма», которую носил Костриков, учась в Казани, — были его костюмом и при сибирских морозах, однако «не унывай, Сергей», была его обычная прибаутка по своему собственному адресу.

Бывало, поздним вечером возвратится он с курсов или с собрания озябший, но всегда жизнерадостный, возбужденный... А с каким жаром за

кружкой чаю рассказывал он мне о людях, с которыми сталкивался, о волновавших его мыслях, о горячих спорах. Эти минуты убеждали меня в том, что он ничуть не жалеет о своем приезде в Томск; наоборот, часто, вспоминая своего друга А. М. Самарцева («Сашку», как он называл его), Сергей очень сожалел, что тот застрял в Уржуме... Такие разговоры и воспоминания нередко продолжали мы и лежа в постелях, пока один из нас не начинал дремать...

— Спи Сергей, — шутливо говорил он, обращаясь к самому себе, закутывался в ветхое одеяльце и засыпал на своей кушетке...

И. Никонов

Костриков жил на окраине Томска, под горой.

В то время Томск был административным центром и одним из главных городов Сибири. Город как бы делился на две части. На горе помещались учебные заведения: университет и технологический институт, гимназия, семинария, коммерческое, техническое и реальное училища, общеобразовательные и акушерские курсы. Там же жили профессора Томского университета, адвокаты, врачи. Внизу — окраина, где жили рабочие, ремесленники и бедные студенты.

С увлечением окунулся слушатель вечерних общеобразовательных курсов Костриков в жизнь томской партийной организации. В партию он вступил еще в Казани. Томский комитет РСДРП переживал тогда тяжелое время. Еще весной 1904 года почти все руководители комитета были арестованы. Часть

их сидела в тюрьме, а часть была выслана из Томска. Но, несмотря на это, томская организация вела громадную работу. Многие прокламации томского комитета и Сибирского союза получили распространение почти по всей стране. Например, прокламация, выпущенная комитетом в связи с Русско-японской войной, озаглавленная «Сорок человек и восемь лошадей», обошла всю царскую Россию.

Активно велась и устная агитация. Делалось это большей частью так: кто-нибудь из товарищей нанимал пустующую комнату и под видом новоселья устраивал там вечеринку. Здесь-то выступали социал-демократические ораторы.

На всех этих собраниях присутствовал Сережа Костриков. Он в то время работал в подкомитете революционной молодежи, организованном при томском комитете. Костриков и его друг, типографский рабочий Иосиф Кононов, были самыми молодыми в подкомитете.

А. Тюшевский

Каждый из членов подкомитета вел какой-нибудь участок нелегальной работы. Сережа Костриков руководил группой, которая занималась печатанием нелегальной литературы на мимеографе и гектографе. В то время у комитета нелегальной типографии не было.

Эта группа осенью 1904 года напечатала три прокламации:

«Жертвуйте, русские люди! Жертвуй, фабрикант, на войну...» «Война против войны», «Товарищи! Царское правительство начало войну с Японией...»

В конце ноября или в декабре 1904 года томский комитет РСДРП оборудовал типографию, тем не менее группа Сережи Кострикова в начале 1905 года выпустила еще одно гектографированное издание томского комитета — прокламацию: «К партии. Товарищи! Революция в России началась!»

Все эти прокламации перепечатаны с изданий центральных органов партии. Партийная молодежь подкомитета еще не решалась самостоятельно писать прокламации, предпочитая перепечатки. Характерным это является и для Сережи Кострикова того времени. Он отличался большой скромностью и даже застенчивостью. Нужно было что-либо особенно его волнующее, для того чтобы он выступил на собрании. В узком же кругу близких товарищей он говорил много и убедительно. В руководимой им группе был требовательным и настойчивым; члены его группы вспоминают Сережу именно с этой стороны.

С начала 1905 года Костриков перешел на организационную работу по созывам разного рода агитационных собраний; они происходили три-четыре раза в неделю.

В тот год традиционный татьянин день (12 января) совпадал со стопятидесятилетним юбилеем Московского университета. Поэтому томские либералы решили организовать «праздник просвещения», созванный в железнодорожном собрании. На подкомитете томской организации был поставлен вопрос об использовании этого банкета для революционных целей. Были мобилизованы члены партии.

М. Попов

На банкет 12 января — в то время по стране прошла целая волна либеральных банкетов — пропускались только избранные «отцы города». Мы долго стояли у парадного крыльца железнодорожного собрания, где происходил банкет, тщетно пытаясь прорваться внутрь через цепь городовых. Вдруг Сережа Костриков кивнул нам. Мы побежали за ним, обогнули переулок, зашли во двор и, выломав дверь черного хода, непрошенными гостями появились на банкете. Тут же мы открыли двери парадного хода и впустили туда рабочих. Банкет был сорван — демонстрация против либеральной болтовни удалась. Мы превращаем банкет в митинг. Впервые в Томске на открытом собрании раздалось требование свергнуть самодержавие. Среди либералов произошла форменная паника.

Приехавший в Томск член сибирского комитета большевик Н. Н. Баранский выступает с речью, в которой заявляет:

— Январские события в Петербурге — это начало русской революции. Вооруженным восстанием нужно ответить на произвол самодержавия.

От имени партии Баранский призвал рабочих к вооруженной демонстрации и организации по всей Сибирской железной дороге всеобщей забастовки...

Призыв к вооруженной демонстрации вызвал резкий протест меньшевиков.

— Вооруженная демонстрация ничего не даст,— говорили они. — Вы поведете людей на верную смерть.

Когда встал этот вопрос — «мирная или вооруженная демонстрация», Сережа Костриков энер-

гично, страстно поддерживал идею вооруженной демонстрации.

Забросив курсы, Сережа занялся подготовкой рабочих к демонстрации.

В. Романов

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

Костриков с несколькими другими товарищами был выделен подкомитетом для подготовки боевой дружины к вооруженной демонстрации; эта группа была обязана разработать план демонстрации и вооружить участников, не имеющих оружия.

Демонстрацию возглавил товарищ, известный под кличкой «Бур»[1]. Знаменосцем был Иосиф Кононов, а на смену ему — товарищ Костриков и Иван Лисов. Вооружение было произведено также организованно. 15 января на конспиративной квартире по Ремесленной улице (против мыловаренного завода) так называемым десятникам (начальникам боевых десятков) выдали револьверы, а так как их не хватило, то 17 января выдавали их дополнительно в помещении сторожа железнодорожного технического училища по Бульварной улице у товарища Егора Семенова.

М. Попов

Каждый день вплоть до 18 января в одном из студенческих общежитий происходили собрания.

---

[1] Студент университета Лепидевский, доброволец Бурской войны.

Сюда же доставляли пачки прокламаций, которые отправляли потом по линии железной дороги.

18 января, к девяти часам утра, на Почтамтскую улицу, к зданиям университетских клиник и управления Сибирской железной дороги, стали сходиться рабочие, студенты, курсистки и дружинники. Либералы и эсеры, как видно, твердо решили сорвать вооруженную демонстрацию рабочих. Печатники, которые должны были соединиться с томским студенчеством, были заперты на работе. На демонстрацию собралось лишь около трехсот человек.

Несмотря на это, весь город замер. Были закрыты все магазины, базары. Движение прекратилось совершенно. Вдоль тротуаров шпалерами вытянулись городовые и переодетые шпики.

В десять-одиннадцать часов демонстранты ринулись с тротуаров на мостовую и встали в колонны. Городовые бросились было их разгонять, но отступили: вооруженные дружинники выстроились по бокам и впереди колонны. В это время печатник Иосиф Кононов с тремя товарищами, прорвавшись с работы, встал впереди колонны и поднял красное знамя с лозунгом «Долой самодержавие!». Демонстранты запели «Марсельезу» и двинулись по главной улице. Рядом, по обеим сторонам, хмуро шагали полицейские.

В первых рядах демонстрации рядом с Кононовым шел Сережа Костриков.

Когда демонстранты свернули в улицу направо, к пассажу Второва, они увидели, что навстречу им с Вознесенской горы рысью скачут казаки. На солнце ярко блестели казацкие шашки. Демонстранты

подпустили их поближе и по команде «Огонь!» дали залп. Казаки не ожидали этого. Первые ряды их разом повернули лошадей и наскочили на задних. Все сбилось в какую-то кашу.

Но вот оправившиеся казаки врезались в толпу демонстрантов, и те оказались окруженными со всех сторон: сзади дорота была преграждена пожарными бочками, с тротуаров стреляли городовые.

Сережа Костриков все время находился среди демонстрантов, воодушевляя их и бросаясь в самые опасные места.

Когда бесполезность сопротивления стала очевидной, демонстранты через двери пассажа рассеялись по городу. Около двухсот демонстрантов было избито и ранено.

Пострадал и Костриков. Его избили и к тому же рассекли шашкой пальто. Кононов не вернулся.

Уже к вечеру в комитет прибежал врач Грацианов[1], который осматривал убитых и раненых, и сообщил, что Кононов убит. Когда он расстегнул его пальто, чтобы выслушать сердце, оно уже не билось. Но Грацианов заметил, что на груди убитого в боковом кармане пальто спрятано красное знамя.

Для нас было ясно, что знамя необходимо спасти.

— Надо его достать,—сказал Сережа,—нельзя, чтобы знамя — честь революции, за которую погиб Иосиф, попало в руки мерзавцев.

А. Тюшевский

---

[1] Врач Грацианов, который в те годы сочувствовал революционному движению, впоследствии был товарищем министра внутренних дел колчаковского правительства.

Труп убитого знаменосца Кононова — в клинике. Известно, что скомканное, пропитанное кровью знамя лежит в боковом кармане его пальто. С большим риском Сергей организует его спасение.

Всякие были предложения, как спасти знамя. Кто-то даже предложил послать в клинику какую-нибудь девицу. Придет и скажет, что жениха убили. Разжалобит, ее впустят в покойницкую, она и вынесет знамя.

— Нет, я сам достану,—заявил Костриков.—Расскажите, где находится покойницкая.

Врач Грацианов подробно описал Кострикову местоположение покойницкой, об'яснил, как найти сторожа, и посоветовал дать сторожу взятку.

Ночью Сережа Костриков вместе с одним рабочим парнем перелез через каменную ограду в университетский сад и отыскал покойницкую. Сережа пробовал сломать железные решетки на окнах, но ничего не вышло. На дверях же висел тяжелый замок.

Пошли к старику-сторожу и стали убеждать его пустить их в покойницкую.

— Да вам зачем?

— А у нас брат студент пропал. Должно быть, на демонстрации убили. Не попал ли он к вам сюда?

— Студент, говоришь? Ну, ладно, пойдем!

Старик открыл покойницкую. Там было темно. Парень, сопровождавший Сережу, испугался и ни за что не хотел туда войти. Сережа вошел один, отыскал труп Кононова и вынул из кармана покойного друга окровавленное знамя...

... Был такой момент во время демонстрации, когда казаки после наших первых выстрелов из револьверов плохого боя (бульдоги и Лефаше) повернули лошадей от стрелявших с такой стремительностью, что их ряды совершенно смешались. В сумятице многие попадали с лошадей, что создавало преувеличенное представление об их потерях.

Об этом горячо говорил Сергей на заседании подкомитета. Он твердил, что при хорошем вооружении, дисциплине и достаточном числе демонстрантов результаты были бы иные. Тогда же решили организовать похороны Кононова. Тут же была коллективно написана известная прокламация: «В венок убитому товарищу».

Зверская расправа полиции с демонстрантами вызвала общее возмущение. Выступили общественные организации города. Забастовали университет и технологический институт. Даже профессора в числе пятидесяти двух человек подписались под петицией о прекращении насилий над демонстрантами, так как среди демонстрантов могут быть «питомцы высших учебных заведений».

М. Попов

Через несколько дней в Томске происходила новая демонстрация — уже на похоронах Кононова. Знамя, спасенное Костриковым, вновь развевалось над громадной толпой демонстрантов, которая с пением революционных песен шла за гробом революционера. Эта демонстрация превратилась в общегородскую. Сережа Костриков в это время по заданию томского комитета руководил боевой дружиной, ко-

торая охраняла демонстрацию от возможного налета казачьей сотни.

Вторая демонстрация томскому комитету очень удалась.

Знамя, спасенное Костриковым, развевалось над тысячной толпой и на монастырском кладбище 14 июня, когда был открыт памятник Кононову.

Томский комитет очень дорожил этим знаменем, бережно хранил его, и не раз оно красовалось на демонстрациях и манифестациях.

А. Тюшевский

ШКОЛА РЕВОЛЮЦИИ

2 февраля на квартире студента Кошкарева, по Никитской улице, обсуждались итоги вооруженной демонстрации.

На сходке присутствовал и Костриков.

В небольшой комнате было до полусотни человек.

Улицы были наводнены шпиками и черносотенцами. В разгар споров вышедший было товарищ возвратился с криком:

— Жандармы!

В комнату ворвались казаки. Рядом была маленькая темная комната. Казаки застряли у входа. Один из рабочих разбил заднее окно, и часть из присутствующих на сходке успела скрыться. Спасся и я.

Около сорока человек было арестовано. В их числе Сережа Костриков

Н. Левин

«...Костриков Сергей Миронов. Мещанин.

Участвовал в сходке 2 февраля сего года. От показания по настоящему делу отказался. При обыске в общей квартире его с Никоновым найдено много нелегальной литературы (прот. № 31, лист 67), принадлежащей Кострикову (прот. № 83), и его писем, в которых весьма резко очерчиваются события 12 и 18 января с. г. в г. Томске, а также имеются указания на то, что Костриков занимается распространением нелегальной литературы. Во время содержания его под стражей вел себя весьма дурно, не подчиняясь требованиям тюремного начальства.

Начальник Томского губернского жандармского управления полковник Романов».

Выписка из постановления начальника Томского губернского жандармского управления 9 апреля 1905 г.

В ночь на 2 февраля Сережа вместе с Мелиховым ушел на собрание. Он в это время редкий вечер бывал дома: в партийных кружках обсуждались планы работы; собрания их тщательно конспирировались, так как полиция была тоже начеку.

Томский университет и институт после рождественских каникул так и не открывались из-за студенческих «беспорядков». Я собирался уехать на родину, в Уржум. Получив деньги на дорогу, я предполагал 3 февраля выехать из Томска. Перед уходом на собрание Сергей приготовил письмо своей уржумской знакомой Марии Брытковой, которое и просил меня увезти. Прождав его до поздней ночи, я заснул, не раздеваясь.

На рассвете меня разбудил сильный стук в наружную дверь. Моментально вскочил, слышу — тяжелые шаги в прихожей... Кушетка Сергея пуста, Мелихов тоже не возвращался — ясно: они аресто-

ваны на собрании, сюда пришли с обыском. Письмо... Но уже поздно. В комнату явились полицейский пристав, околоточный и несколько городовых.

Письмо Сергея вскрыто. В нем... несколько прокламаций, освещающих последние события. Тут же на столе находят несколько нелегальных книжек и брошюр на разные темы.

Тщательно обыскав нашу комнату, перешли к Мелихову и дальше... Считая, очевидно, что обнаружили целое революционное «гнездо», блюстители порядка не менее тщательно обыскали и помещение хозяев, но ничего «предосудительного» там не нашли.

После пяти-шестичасового обыска мне предложили взять необходимые вещи и в сопровождении всей своры свезли в участок, а на другой день — в одиночную камеру пересыльной тюрьмы. Здесь увидал я и Сергея во время его прогулки в одном из секторов своеобразного многоугольника — специально отгороженной части двора, служившей для прогулок политических заключенных. Раза два возили меня на допрос в жандармское управление. Недели через три меня освободили. Сергей, как арестованный на сходке, считался более тяжким «преступником» и остался в тюрьме...

Первым делом я отвез ему постельные принадлежности и немного денег. Ехать в Уржум было уже не на что, а тут подвернулись уроки, и я решил до лета остаться в Томске. Носил Сергею передачи. Свидания с ним не разрешались.

Примерно в начале апреля Сережу наконец освободили.

Он явился к нам, и мы зажили втроем до июня, когда я уехал из Томска.

Вскоре Сергей поступил чертежником в строительный отдел городской управы; городским головой в то время был либерал Макушин, который не обращал большого внимания на степень «благонадежности» своих служащих. Теперь, при собственном заработке, настроение Сережи снова поднялось, и он с головой ушел в подпольную работу, отдавая ей все свободное от службы время. А работы этой хватало с избытком...

И. Никонов

Летом 1905 года в Томске происходила конференция Сибирского союза партии, состоявшая из делегатов-комитетчиков сибирских городов.

Впервые в Томске на этой конференции выступили с разногласиями большевики и меньшевики. Лидером меньшевиков был В. А. Гутовский (по прозвищу «Газ»), от большевиков выступал Н. Баранский (Николай Большой). Последний появился на конференции с большим опозданием, когда основные постановления были уже приняты. Ему оставалось только провести некоторые большевистские предложения тактического порядка, которые внесли живую струю в постановления конференции.

На этой конференции было принято девять меньшевистских резолюций и четыре резолюции большевиков [1].

---

[1] 1) Об открытом политическом выступлении РСДРП, 2) о пропаганде и агитации, 3) о материальной поддержке партии, 4) о периодических конференциях.

Костриков не был делегатом сибирской конференции. Он присутствовал на ней среди актива томских партийных рабочих, и его поразило, что за большевистскую резолюцию о вооруженном восстании голосовало лишь четыре человека против восемнадцати. Гутовский считал подготовку к вооруженному восстанию безнадежным делом.

— Располагая бульдогами, нельзя совершить революцию, — говорил он.

А до конференции все революционные надежды рабочей молодежи основывались именно на вооружении рабочих дружин и на вооруженном восстании. И Сергей рассказывал мне о конференции с тяжелым чувством человека, при котором совершался акт измены революционному делу.

В сентябре или октябре 1904 года, когда Сергей появился в Томске и вошел в организацию, ему приходилось быть на двух-трех собраниях, на которых выступал Гутовский. Последний выступал как большевик, как большевик был известен всей организации, и как большевик он уехал на III с'езд партии. И вот, на томской конференции в июне 1905 года тот же Гутовский проводит меньшевистские резолюции, которые находятся в полном противоречии с тем, что он же говорил полгода назад.

Выяснилось, что Гутовский, делегированный Сибирью как большевик, на III с'езд не пошел, а участвовал в меньшевистской конференции.

После конференции вопрос о большевизме и меньшевизме становится для Сергея кардинальным вопросом. Несогласные с меньшевиками начали группироваться, и через некоторое время был ор-

ганизован кружок для изучения большевизма — изучали протоколы с'ездов партии и «Что делать?» Ленина. В кружке был, конечно, и Сережа.

Из этого кружка и образовалась фракционная группа большевиков томской организации, выступавшая впоследствии как ее обособленная часть и сносившаяся с другими группами сибирских большевиков.

Сергей Миронович работал в это время чертежником в городской управе, а жил в помещении библиотеки Общества печатников (так назывался прежде профсоюз печатников) на Болоте, в доме Кочетова, у старушки Кононовой, матери убитого Иосифа, работавшей там сторожихой. Переехал к нему и я.

Там же происходили и регулярные занятия кружка. Очень скоро эта квартира превратилась в штаб большевистской фракции томской организации: на нее даны были явки, ежедневно происходили собрания, или просто собиралась рабочая молодежь в свободное от работы время.

Повадился к нам на эту квартиру шпик. А было это время «свобод», за городом происходили ежедневно митинги. Аресты прекратились, на улицах велась открытая агитация.

Как только уйдем, придет этот шпик к старушке Кононовой, сядет в кухне на стул и начинает под видом сережиного приятеля, не заставшего его дома, расспрашивать ее о том, о сем.

— Приятель, приятель, а штаны синие и усы жандармские, — рассказывала с возмущением Кононова.

Вскоре она показала нам в окно этого «приятеля». Он стоял тогда на углу улицы, против нашего дома. Несложной инсценировкой ухода на работу заманили мы шпика к себе на квартиру. Потом вернулись и... спустили неудачника вниз по крутой лестнице со второго этажа. Позже, в 1907 году, после ареста, жандармский полковник Романов давал нам очную ставку с этим шпиком, угрожая привлечь к ответственности за насилие над чином при исполнении им служебных обязанностей.

Все лето 1905 года в Томске беспрерывно нарастало революционное движение. В середине июня забастовали типографские рабочие. В июле забастовка возобновилась и разрослась до всеобщей забастовки, захватившей и железнодорожное управление. Происходила забастовка и по линии Сибирской железной дороги.

В половине июля в томской организации прошли перевыборы томского комитета партии. В состав его был избран и Костриков.

М. Попов

ТАЙГА

На станции Тайга Сергей Миронович начал работу в середине июня 1905 года. На открытии памятника Кононову он познакомился с делегацией тайгинских рабочих. Один из них, товарищ Реут (или Реутов), обратился тогда к комитету с просьбой послать людей к ним в Тайгу для организации массовок.

Заранее уговорившись о созыве массовки, Сергей с Иннокентием Писаревым и мною выехал в Тайгу.

Томские массовки летом происходили обыкновенно в лесу, а на этот раз митинг был в депо среди паровозов, и трибуной была передняя площадка паровоза. Сергей Миронович первый раз выступал перед открытым большим собранием рабочих.

Митинг прошел прекрасно. На нем же было постановлено образовать боевую дружину. А после митинга, на узком собрании, в конспиративных условиях, была организована группа, состоявшая почти исключительно из рабочих депо, которая впоследствии руководила всеобщей забастовкой, проводила конфискацию оружия у железнодорожных жандармов, управляла открывшимся движением. В октябрьские же дни к ней перешла фактически вся власть над поселками. Группа эта была полностью большевистская.

М. Попов

У нас в Тайге в те годы работали две подпольных организации: одна — в службе тяги, другая — в службе пути. Организовал их Сергей Костриков. Сергей Миронович привозил из Томска марксистскую литературу, листовки, газеты. Прятал он запрещенные царским правительством книжки и газеты на крыше депо под стропилами. Часть этой библиотеки только в 1920 году при ремонте депо была найдена и передана в учпрофсож. Сергей Миронович был умелый подпольщик, и подпольной технике он учил рабочих.

А. Ислентьев

Как-то собрались на массовку. А молодые были, неопытные. Идем к назначенному месту всей ватагой, без всяких мер предосторожности. Когда Сергей Миронович увидел это, он нахмурился, покачал головой и сказал:

— Так, товарищи, собираться на массовку нельзя, можно погубить все дело. Вон видите—по станции грачи (жандармы) ходят. Они ведь за нами следят. Это помнить надо.

Умел он сказать так просто, что все его понимали. Задушевный был, хорошо, ярко и убедительно говорил. На рабочих собраниях особенно доставалось от него меньшевикам. Дух, бывало, захватывало, когда слушали его речи.

Н. Пахомчик

11 октября 1905 года мы, тайгинцы, об'явили забастовку. Стачечный комитет, организованный Сергеем Мироновичем, пред'явил администрации ряд требований. Забастовка быстро приняла грозные размеры. Движение поездов прекратилось. Ежедневно в депо проводились митинги, на которых часто выступал Сергей Миронович. Забастовка длилась полмесяца, но администрация упорствовала. Очень многих рабочих уволили. Распустили слухи, что на место уволенных в Тайгу из Боготола едут новые рабочие. Приуныли некоторые: ведь у всех семьи, куда пойдешь? И тогда Сергей Миронович сказал:

— Революционеры унывать не должны. Держитесь твердо, вас на работу они примут.

А сам из Тайги уехал прямо в Боготол, где говорил с рабочими. И никто к нам в Тайгу на замену

уволенных не приехал. Начальство Тайгинского депо вынуждено было вновь принять нас на работу.

И. Карев

У нас еще шла забастовка, когда был получен царский манифест. Он был зачитан на митинге.

Влезает на плиту какой-то меньшевик.

— Свободны мы теперь. России нужны порядок, спокойствие для дальнейших завоеваний.

Мало аплодисментов дали ему рабочие. Тогда на верстак вскочил товарищ Сергей.

— Мы, большевики, — сказал он, — не верим царским манифестам. Они издаются для того, чтобы отвлечь рабочий класс от вооруженной борьбы. Оружием, огнем и собственной кровью надо добывать свободу. Только таким путем мы можем свергнуть царскую династию, завоевать права.

Мы долго ему рукоплескали, не боясь шнырявших вокруг шпионов и жандармов.

П. Кокмарев

В ДНИ «СВОБОД»

Царский манифест в Томске был получен по телеграфу 18 октября. Томские рабочие во главе с большевиками встретили, как и всюду, «всемилостивейший» манифест с недоверием и рассматривали его как обман народа. В городе распевалась популярная песенка:

«Царь испугался, издал манифест:
Мертвым свободу, живых под арест».

В это время в Томске, начиная с 12 октября, ежедневно происходили большие народные митинги. 20 октября митинги были назначены в театре Королева и ряде других мест. А по городу уже ползли слухи о готовящемся выступлении черносотенцев. Настроение среди черносотенцев и вообще среди полиции и представителей власти было такое, что возможна была всякая расправа. На окраине города было даже произведено нападение не то на какого-то студента, не то на комитетчика. Поэтому у нас производилась лихорадочная работа по укреплению и расширению боевых дружин для борьбы с черносотенцами (шла вербовка новых дружинников, приобреталось оружие и прочее).

Томским комитетом РСДРП боевая организация была создана еще в 1903 году, но до 1905 года с этой организацией постоянной работы не велось. Да и в 1905 году эта работа была недостаточна. Боевыми делами интересовались только большевики. Томские меньшевики, как и везде, полагались на самотек, предлагали революции «самовооружаться».

Боевые десятки состояли из молодежи — рабочих и студентов, имевших связь с партийной группой и искавших приложения своей революционной энергии. На такие десятки возлагалась обязанность охранять митинги и массовки, которые первоначально происходили где-нибудь в лесу.

В октябрьские дни 1905 года особенно ярко сказалось, что руководство боевой организацией было недостаточно...

К нам, к группе рабочих, находившихся на общеобразовательных курсах, обратился студент В. И. Шимановский, предлагая записаться в боевую дружину. Вербовка в дружину происходила и среди рабочих на производстве, в частности среди столяров. Вербовал рабочих большевик, столяр Дмитрий Еремеев. Лично я записался в дружину у него.

В эти же дни 18 и 19 октября городская дума постановила создать городскую охрану, ввиду того что бездействовала полиция. Нам предложили получить оружие в городской управе под видом «городской охраны».

Утром 20 октября мы пошли в городскую управу за оружием. Выдача оружия тянулась долго, составлялось нечто вроде анкет. Очевидно, тот, кто организовал дружину, старался подобрать определенную публику. Тут же выдавались револьверы.

Записали в дружину более семидесяти человек. Отряд выбрал начальника дружины. Это был какой-то «портартурец» [1] в папахе. А в это время на окраине города уже собрались погромщики.

Первое нападение руководители громил решили произвести именно на городскую управу. Мы, получившие там оружие, встретили это первое нападение уже вооруженными и дали отпор. Началась стрельба. Погромщики быстро отступили и направились вдоль по Почтамтской улице, убивая встречных, главным образом интеллигенцию.

Дружина, выстроившись в правильные ряды, также двинулась по Почтамтской улице. Народ тол-

---

[1] То есть участник Русско-японской войны, бывший в Порт-Артуре.

пился на тротуарах и кричал нам восторженно ура, подбрасывая шапки вверх. У нас настроение поднялось. Наша дружина шла к Королевскому театру.

На Почтамтской была домовая церковь архиерея Макария. У него происходило молебствие, он благословлял погромщиков бить студентов и интеллигенцию.

Когда мы подходили к управлению Сибирской железной дороги, там уже было много народу, собравшегося на митинг. Театр также был переполнен. Туда ворвались погромщики и начали избивать присутствующих. Кроме того часть погромщиков находилась в соборе, расположенном вблизи театра, а часть их толпилась на улице с дубинками. Среди них было много переодетых городовых. Они накинулись на нас с криками и ревом.

Раздался первый выстрел со стороны погромщиков, им был ранен студент Коренев. Мы все тут же опустились на одно колено — это вышло очень быстро и ловко — и ответили выстрелами в толпу погромщиков. Они разбежались в разные стороны. Мы пошли к управлению Сибирской железной дороги.

На углу против управления остановились. Портартурец, начальник отряда, сбежал, и мы очутились без головы. Произошло маленькое замешательство, но в это время выделился студент-медик Нордвиг. Он не был партийцем, вообще не был революционером, но так как погромщики и представители власти избивали студентов и вообще интеллигенцию и надо было ради самоохраны вооружиться, то он вошел в боевую организацию и на-

чал призывать всех наших боевиков к хладнокровию. Этим произвел на дружинников впечатление. Мы предложили избрать его начальником.

Вдруг видим — по Почтамтской улице мчится навстречу нам сотня казаков. Подскакали, спешились, выстроились впереди лошадей, взяли винтовки на изготовку и направили их на нас.

В это же время у соборной ограды появился отряд солдат и тоже навел на нас винтовки. Офицер вышел вперед и стал кричать, чтобы мы уходили с улицы и шли в здание управления Сибирской железной дороги. Потом он потребовал парламентера.

Нордвиг сам пошел к офицеру. Офицер требовал, чтобы мы сдали оружие. «Только после этого,— заявил офицер, — все мирные граждане будут освобождены из здания управления Сибирской железной дороги, а все дружинники будут арестованы». Мы стали втупик: если мы сдадим оружие, над нами сейчас же будет произведена расправа. Но мы были неопытны, и нам казалось, что, может быть, действительно лучше сдать оружие, так как иначе мы явимся виновниками кровопролития.

Нордвиг заявил, что в доказательство того, что мы лойяльны, он сдал свое оружие офицеру. Нашлось еще много таких, которые готовы были тоже сдать свое оружие.

И вот тут-то вмешался Сергей Костриков. Он только что приехал со ст. Тайга, где вместе с Иннокентием Писаревым проводил железнодорожную забастовку. Вместе с Алексеем Ведерниковым он стал убеждать дружинников не сдавать оружия.

Энергичное выступление их подействовало. Мы заявили: сдадим оружие только тогда, когда разгонят погромщиков и уберут войска.

Между тем часть публики из театра, напуганная выстрелами, забежала в здание управления Сибирской железной дороги, а затем под напором казаков, солдат и погромщиков и мы вынуждены были зайти туда же. А пока шли переговоры, погромщики стали кидать кирпичами, камнями и поленьями в окна занятого нами здания, ломать рамы и т. д.

Через некоторое время появилась группа военных, среди них был тогдашний губернатор Азанчевский-Азанчеев. Они приехали для переговоров. Требовали, чтобы мы все свое вооружение сдали властям, предлагали нам освободить женщин и учащихся. В ответ на это провокационное предложение выступила работница-швея по имени Маруся. После переговоров с Костриковым и Ведерниковым она заявила от имени запертых в здании женщин:

— Нас никто здесь не держит, наоборот, мы боимся выходить из здания и уйдем отсюда только тогда, когда будут разогнаны погромщики и уйдут войска, а вооруженные товарищи для нас являются охраной.

Приблизительно так же выступили от имени учащихся какие-то гимназист и гимназистка. Когда эти заявления были сделаны, Азанчевскому-Азанчееву ничего не оставалось, как уйти, пригласив всех желающих выйти из здания управления Сибирской дороги.

Там, между прочим, были крупные служащие: инженер Шварц, инженер Клионовский, инженер

Эман и другие. Эман, как тогда говорили, был племянником Витте. Только эти инженеры успели выйти на улицу, как сразу же погромщики наскочили на них и стали их избивать. Эман, который успел вырваться и вернуться, тут же напустился на Азанчевского-Азанчеева, упрекая его в том, что он не мог дать охраны даже таким людям, как он, Эман. Но Шварц не вернулся. На второй или на третий день, когда мы искали Нордвига, мы нашли труп Шварца, а Клионовский вернулся к нам с простреленной ногой.

Тут колеблющаяся часть дружинников, которая готова была послушаться увещаний начальства и сдать оружие, убедилась в провокации губернатора и поняла, что если мы сдадим оружие, то всем нам никакой пощады не будет.

Мы приготовились выдержать осаду и забаррикадировались шкафами на втором этаже; на лестнице, ведущей к парадному ходу, кроме баррикад поставили вооруженных часовых для защиты.

Дело уже шло к вечеру. Стало смеркаться.

В полуподвальном помещении управления Сибирской дороги находились биллиардная и пивная. Многие из погромщиков забрались туда и, вновь напившись, кричали и безобразничали. Они разбросали книги и бумаги из шкафов в нижнем этаже, развели на улице костер, вытащили из театра стулья, откуда-то появились смоляные бочки, разбитые ящики, все это бросали в костер. Потом кто-то из них скомандовал: «Поджигай крамольников!» — и горящие головни от костра полетели в нижний этаж здания на разбросанные там бумаги.

Бумага загорелась, и мало-помалу пожар охватил все здание.

Вдруг слышим — топот по лестнице, бегут на черный ход. Это погромщики, увидя, что мы забаррикадировались с парадного хода, и зная устройство здания, повели наступление с черного хода. Мы бросились туда и приготовились открыть стрельбу в погромщиков. Но наш начальник Нордвит стал уговаривать погромщиков: «Что вы, граждане? Мы ни на кого не нападаем, мы являемся охраной».

А эти «граждане» отвечали ему выстрелами. Тогда и мы, не обращая внимания на Нордвига, открыли стрельбу в погромщиков. И первый натиск их был довольно быстро ликвидирован. На черной лестнице затихло. Мы натаскали сюда шкафов с книгами и закрыли ими дверь.

Находясь внутри пылающего здания, окруженные войсками, погромщиками, мы не знали, что предпринять, и ожидали неминуемой гибели.

Еще в начале пожара к зданию под'езжали пожарные с машинами и бочками, пытаясь заливать пожар. Им на помощь подбегали студенты и другая публика, но казаки разгоняли их всех нагайками. Если же кое-кто из находившихся в здании пытался спастись из горящего дома, спускаясь по водосточным трубам, то он попадал в руки казаков и погромщиков, и они его на месте убивали.

Мы наблюдали такие картины: на наших глазах выскочили какие-то студент и девушка. На них сразу налетел погромщик, ударил студента дубиной по голове. Тот упал. Девушка опустилась на

колени и с мольбой подняла руки кверху. В это время подскочил казак и, ударив ее шашкой по затылку, зарубил с одного взмаха.

А пламя уже стало лизать второй этаж. Скоро весь коридор второго этажа наполнился людьми, находившимися до этого на третьем этаже. Это по преимуществу была молодежь, которая забежала в управление Сибирской железной дороги из театра. Были здесь и управленческие железнодорожные служащие, пришедшие 20-го числа за получкой.

Находясь на третьем этаже, они довольно выдержанно ожидали, пока потушат пожар. Но когда дым и пламя проникли к ним и наполнили все комнаты, они бросились вниз, во второй этаж, стараясь выбежать на улицу или во двор. Теперь весь коридор второго этажа был заполнен так, что образовалась пробка из человеческих тел. Женщины в истерике, с криком бросались к мужчинам, просили: «Спасите, спасите!»

Один из нас, молодой парень В. И. Малогорский, огромного роста украинец, добрался наконец до шкафа, которым был закрыт черный ход, подскочил, схватился за выступавшую боковую стенку, качнулся раз, другой. Шкаф под его тяжестью сломался, и стенки отвалились, посыпались книги, образовался проход к дверям. На эту дверь навалилось несколько дружинников, она приоткрылась. Одному человеку можно было боком из нее выйти. Но туда кинулись десятки. Сергей Костриков стал кричать дружинникам, чтобы они не пускали мужчин, а дали бы сначала выйти из горящего здания женщинам.

И вдруг мы видим, что женщины в ужасе возвращаются обратно, кое-кто из них с кровавыми ранами на голове. Оказалось, что внизу их встретили погромщики, которые забаррикадировали со своей стороны вход в первом этаже.

Несколько наших товарищей во главе с Костриковым выскочило на площадку второго этажа. В зареве пожара они увидели погромщиков. Пробираясь между театром и управлением Сибирской железной дороги, погромщики ловили наших товарищей и убивали их.

Стоя на подоконнике, Костриков открыл стрельбу в черносотенцев. Некоторые из них попадали на землю, другие разбежались. Это дало возможность нашим товарищам скрыться во дворе.

Здание стало пустеть. Выбежали и все наши дружинники. Только на окне на площадке стоял Костриков и стрелял в погромщиков. У меня создалось впечатление, что в здании уже никого нет, и я тоже побежал к выходу. Но слышу голос Сергея:

— Вернись! Может быть, еще кто-нибудь остался в здании, позови выходить!

Я почти машинально вернулся в коридор. Лампочки потухли: провода перегорели. Темно. Глухо. Я прокричал каким-то истошным голосом и сам своего голоса испугался. Подумал, что если кто-либо из товарищей и остался, то он меня примет за погромщика. Вернулся обратно, уверенный, что выхожу последним из здания. На окне уже никого не было. Я быстро побежал вниз по лестнице, обогнал нескольких товарищей и хотел выскочить через черный ход. Тут я наткнулся на обледеневшую

водовозную бочку, завязшую в дверях. Ее притащили погромщики. Хочу перелезть через бочку, но правую руку держу в кармане, где револьвер, и... беспомощно растягиваюсь на бочке. Смотрю — бежит огромного роста погромщик с рыжей бородой, в руке дубина. Он замахивается ею... В этот момент раздался выстрел. Погромщик бросил дубину, закачался, отбежал и упал на землю.

Я оглянулся — сзади стоял с револьвером в руке Костриков; это он стрелял в погромщика. Если бы не его помощь, погромщик, несомненно, размозжил бы мне голову.

Я перескочил через бочку и побежал во двор.

А тем временем театр охватило огнем. Пламя бушевало между стенами театра и каменной оградой, за которой мы были, ревело и гудело ураганом, захватывая и нас. Спасения, казалось, не было.

Тут снова появился Костриков. Властным голосом он предложил всем вооруженным по команде «раз-два-три» броситься вперед, в узкий проход на улицу Московский тракт, а невооруженным — за ними.

Вооруженные открывают стрельбу по погромщикам и казакам и бегут направо, за «Исток» [1].

Сделано это было молниеносно. Мы с револьверами выскочили вперед, и погромщики перед нами невольно расступились. Мы побежали по Московскому тракту. За нами, опомнившись, кинулись погромщики и казаки на лошадях. Они открыли бешеную стрельбу и кричали: «Бей их, стреляй!» Мы

[1] Так называется в Томске предместье, которое находится за истоком, то есть ручьем.

отчаянно отстреливались. Казаки мчались за нами. Настигая невооруженных товарищей, казаки безжалостно их убивали. Здесь был схвачен и растерзан Нордвиг, который, отдав свой револьвер, остался без оружия.

Наутро, когда я с товарищем пошел опознавать жертвы, мы насчитали пятьдесят семь убитых и сто пятьдесят девять раненых. А сколько еще погибло во время пожара!

Г. Шпилев

ПОСЛЕ ПОГРОМА

Полученный нами удар не прошел бесследно. Рабочие под руководством большевистской части томской организации сделали из него необходимые выводы.

6 декабря в Томске вновь ожидался погром, но теперь уже партийная организация была во всеоружии. Боевая дружина была хорошо подготовлена: по городу расставили отряды. Центральный штаб, расположенный в квартире доктора В. М. Броннера, установил с отрядами правильную связь. По городу пустили группы бомбометальщиков. Мы были связаны с боевой организацией эсеров и с еврейской самоохраной, которые полностью подчинялись нашему командованию. Во главе дружины стоял студент большевик В. Шимановский[1], а идейным и политическим вдохновителем ее был Сергей Костриков.

---

1 Инженер на Амурской дороге, расстрелянный эсеро-атамановской властью в 1918 году.

Партийная организация выпустила даже прокламацию с заявлением, что в случае выступления погромщиков боевая дружина томского комитета РСДРП ответит на него сокрушительным ударом.

Еще до этого дружина участвовала в грандиозной демонстрации — похоронах Иннокентия Писарева, умершего от брюшного тифа во время забастовки на станции Тайга. Это было в ноябре 1905 года. Дружина охраняла эту демонстрацию, буквально сомкнувшись рука к руке. Похороны прошли в образцовом порядке.

Наша организованность, подготовленность, патрули произвели должное воздействие на власть. Погромщики на этот раз не посмели выступить.

С января 1906 года боевые десятки стали проводить правильные занятия, которые продолжались и в феврале, марте, апреле и мае 1906 года. Устраивали мы их по воскресеньям за городом. Производили учебную стрельбу из револьверов, делали пробу бомб. Разрывались они хорошо. На испытание бомб ездили на Басандайку[1].

С декабря 1905 года влияние большевиков в томской организации усиливается. В феврале 1906 года руководство почти целиком переходит к большевикам. В марте комитет принимает ряд большевистских резолюций по вопросам о Государственной думе, вооруженном восстании, Временном правительстве, аграрному и др. Все эти резолюции были приняты под влиянием Сергея Мироновича, который страстно их защищал.

Г. Шпилев

[1] Дачная местность под Томском.

Надвинулась реакция. В Томск приехал новый губернатор, варшавский палач барон Нолькен, и об'явил город и губернию на военном положении. В ответ на это мы собрали митинг в бесплатной библиотеке. Тогда ее оцепили войска и черная сотня. Осада библиотеки продолжалась шесть-семь часов. Но Нолькен не решался повторить погром 20 октября. После переговоров осада была снята без сдачи оружия, хотя этого требовала полиция.

6 января 1906 года начались аресты. Арестована была нелегальная типография, а также группа боевиков.

Жили мы с Сергеем Мироновичем в то время на другой, более конспиративной квартире, на Нечаевской улице.

17 января утром в нашей квартире было назначено комитетское собрание совместно с подкомитетом. А возвращаясь накануне поздно ночью домой, мы наткнулись на обыск, которого счастливо избежали. Пошли на другую квартиру к товарищу—там тоже обыск. Очевидно было — в городе идут массовые обыски.

Решили коротать ночь на улице, а с утра по возможности предупредить всех, кто к нам должен был притти на собрание.

На квартире знакомых девиц организовали пикетчиц и расставили их по улицам и перекресткам, ведущим к нашей квартире. Но все же пять-шесть человек, лица которых не были известны пикетчицам, пришли к нам на квартиру и были арестованы: Кулеш, Арон, Дворников (из Тайги) и др.

16—17 января были произведены массовые аресты и была раскрыта вторая типография. Разгром был большой, по городу ходили патрули со шпиками и задерживали всех известных охранке.

Из комитета и подкомитета уцелели несколько человек.

Костриков ни за что не хотел уезжать, но в конце концов я его уговорил переехать в Красноярск, где нас не знала охранка.

Скоро я двинулся туда.

Костриков остался и был арестован (второй раз). При обыске у него ничего не было найдено. Продержав недолго, жандармы принуждены были его выпустить.

М. Попов

ЗАГАДОЧНЫЙ ДОМ

В один из майских дней 1906 года к небольшому необитаемому дому на окраине Томска подошла группа рабочих с инструментами. Они приступили к работе. Новый владелец, который только что купил этот дом, повидимому, решил заново отделать старое, заброшенное «владение». И только немногие знали, что «новым домовладельцем» был томский комитет РСДРП, а «строительными рабочими» — члены этой партии: Костриков, Решетов, Шпилев и Попов.

Партийная организация ушла в подполье.

Втечение короткого времени все подпольные типографии Томска были раскрыты полицией одна за

другой. Тогда Сережа Костриков задумал сделать такую типографию, какую не смогла бы обнаружить полиция. Весной 1906 года он представил в комитет партии проект типографии. Проект был одобрен, нам отпустили деньги, и мы приступили к работе.

Врач Грацианов жил на окраине города в собственном доме с большим садом. На задах сада, на Аполлинариевской улице, одиноко стоял деревянный двухэтажный домишко с небольшим двором, конюшней и погребом. Дом этот продавался. Он стоял на отшибе, рядом были подходящие соседи, так что он был очень удобен для устройства тайной типографии. Врач Грацианов купил этот дом как бы для себя и сдал его в аренду Газиной. Под этой фамилией в Томске скрывалась старая партийная работница А. А. Кузнецова, бежавшая из ссылки.

Дом состоял из трех квартир. В верхнем этаже была одна квартира из трех комнат с кухней, а в нижнем — две квартиры по одной комнате с кухнями. По плану Сережи Кострикова под домом надо было вырыть подземелье в двенадцать метров длины, шесть метров ширины и пять метров глубины.

В середине мая мы приступили к работе. Быстро вскрыли пол в нижнем этаже и стали рыть глубокий подвал под всей площадью здания. Работа была трудная, предстояло извлечь огромную массу земли и укрепить своды подвала кирпичными столбами. Этим делом занялись трое: Сережа Костриков, я и Герасим Шпилев, а Решетов должен был подвозить кирпичи, бревна и доски для стен, столбов и потолков.

Чтобы не вызвать подозрений, землю, которую выбрасывали из подвала, мы частью разравнивали по всему двору, а главную массу сваливали на погреб. Все это мы засеяли овсом, чтобы свежевыброшенная земля не бросалась в глаза.

Жили мы очень замкнуто и никуда не выходили. С раннего вечера заваливались мы спать на сеновале и вставали вместе с солнцем. Иногда по вечерам, отдыхая, мы пели русские крестьянские песни. У Сережи Кострикова был чудесный тенор. Но вскоре и от этого невинного развлечения пришлось отказаться. В соседнем дворе жили извозчики — большие любители пения. Они слушали нас, рассевшись на заборе, затем вступали в разговор, начинали интересоваться, кто мы и что мы здесь делаем.

Пришлось «вечерние концерты» прекратить.

Работа шла. Тяжелая торопливая работа. Уже через неделю Сережа Костриков в кровь сбил себе руки. Раны кровоточили, болели, он целые ночи не мог уснуть. Но никакие уговоры товарищей не могли его заставить отдохнуть. Он обматывал израненные руки тряпками и снова брался за лопату.

Наконец, через полтора-два месяца, подпольная (в буквальном смысле этого слова) типография была сооружена наславу. Стены были обшиты деревом, над потолком насыпали слой глины толщиной больше метра.

Установили мы в подвале большую чугунную печь, поставили столы, стулья, два реала, наборные кассы и самодельный печатный станок. С огромной изобретательностью Сережа устроил тайную элек-

трическую сигнализацию, вентиляционное оборудование, предусмотрел каждую мелочь, чтобы обеспечить успешную работу типографии. Ворота решили держать всегда на запоре, а во дворе посадить на цепь пса, чтобы он лаял, как только брякнет в калитку чужой. В подвале устроили электрический звонок, провода от него провели под штукатуркой в прихожую верхнего этажа и соединили с металлической вешалкой. Если повесить на вешалку пальто или шапку, так тотчас в подземелье внизу начнет дребезжать звонок, извещая подпольщиков о том, что пришел незнакомый. А знакомые все должны были знать, что на вешалку никаких вещей вешать не полагается.

Но гордостью нашей была потайная дверь. Сделали ее так. В обеих квартирах нижнего этажа были вырыты совершенно одинаковые погреба-подполья, в какие обычно ставят крынки с молоком, бочки с кислой капустой и всякой всячиной. В подполье одной квартиры задняя стена была сделана в виде огромного ящика, туго набитого землей. Ящик этот двигался на роликах в сторону подземелья. Когда вход в типографию был закрыт, никто и предположить не мог, что в этом подполье таится какой-то секрет: обыкновенное подполье со стенами, обшитое досками. Но знающий человек мог вынуть в углу подполья из столба сучок, сунуть в него особый ключ и значительным усилием передвинуть ящик на роликах в сторону. Тогда открывался вход в подпольную типографию.

Когда для осмотра и «приемки» помещения явились наши партийные товарищи — Ольга Кузнецо-

ва и Фрейда Суссер, они втечение двух часов не могли найти потайной двери. Не могли, хотя тщательно разыскивали и знали, что под домом имеется выстроенное нами помещение.

Типография уже могла приступить к работе. Оставалось только отремонтировать верхнюю квартиру и поселить жильцов.

В это время к нам приехал из Питера товарищ, привез газеты, новости столичной жизни. Сделал нам интересный доклад. На рассвете легли спать. Но рано утром нас разбудил Костриков.

— Полиция! Дом окружен!

На следующий день Сергей должен был ехать за станками в Петербург. Через несколько дней типография приступала к работе. Утренний «визит» опрокидывал все расчеты.

— Что вы тут делаете? — грубо спросил полицейский.

— Работаем на ремонте.

— Кто вы такие?

На этот вопрос мы отказались отвечать полиции, причем особенную «дерзость» проявил Сергей Миронович.

Обыск длился весь день. Пристав вызвал саперов. Саперы по всему двору рыли ямы, разрыли погреб, вскрыли полы в доме, разрыли землю на целый аршин и не нашли не только типографии, но даже и малейших следов ее. Полицейские были в бешенстве. Они точно знали, что в этом доме где-то есть тайная типография, рыщут, а найти не могут. Мы торжествовали и гордились своей искусной работой.

— Странно, — цедил сквозь зубы жандармский офицер. — Хорошо спрятали концы в воду господа «ремонтные рабочие».

Кострикова, Шпилева и меня арестовали и под усиленным конвоем полиции отправили в тюрьму. А в доме устроили засаду. И снова три дня искали, рыли, выстукивали стены и снова ничего не нашли.

Нас часто таскали в жандармское управление и нудно допрашивали, где типография. Но мы твердо отвечали, что не знаем никакой типографии и никогда этим делом не занимались.

М. Попов

«Начальник Томского
Губернского Жандармского Управления
28 февраля 1907 года.
№ 1305, г. Томск.

Секретно.

В департамент полиции.

Доношу, что 16 сего февраля в Томском окружном суде разбиралось дело, соединенное из нескольких дознаний об Ишимском мещанине Гирше Беркове Моисееве, Новогородском мещанине Борисе Анатолиеве Ароне, крестьянине Дмитрие Иванове Еремееве, крестьянине Казимире Мельхиорове Кулеше и мещанине Сергее Миронове Кострикове, обвиняемых по 126 ст. угол. улож., как члены Томского комитета Рос. соц. дем. раб. пар.; Моисеев, Арон, Еремеев и Кулеш судом приговорены к ссылке на поселение, а Костриков к заключению в крепости.

Справка: Уведомление Лит. А от 17 января и 22 февраля 1906 года за №№ 910 и 913.

Полковник Романов».

В ТЮРЬМЕ

Мы сидели в камере № 28 — секретное отделение загородной тюрьмы — втроем: Костриков, Попов и Шпилев, втечение четырех-пяти месяцев. Тюремный режим был тогда сравнительно свободен. В тюрьму регулярно проникала нелегальная литература, включая литературу центральных органов.

Тюрьма даже издавала на гектографе свой журнал под названием «Тюрьма», в котором Сергей Миронович принимал постоянное участие. Как же это нам удалось? В тюрьме была аптека и был зубной врач, который сочувствовал революции. Через этого врача мы достали желатин, глицерин и всякую всячину и тайно в аптеке на спиртовке сварили состав для гектографа. На этом гектографе и напечатали журнал со статьями, фельетонами и тюремной хроникой.

Журнал через уголовных передавали за стены тюрьмы, в город.

Студенты Томского университета, получив этот журнал, решили продавать его у себя в университете в пользу политических заключенных. А в университете в то время учился вольнослушателем помощник начальника тюрьмы. Он, ничего не подозревая, купил однажды журнал и остолбенел. Что такое? У них в тюрьме печатается крамольный журнал!

В ту же ночь к нам в камеры явился начальник с толпой надзирателей.

— Где у вас гектограф?

Мы молчали. Начался обыск. Всех заключенных перегнали в одном белье в барак, а в камерах перетрясли все матрацы, подушки, облазили все щели и дыры — и ничего не нашли.

А гектограф и журналы хранились в уборной. Там была печь. Вынув кирпич под самым потолком, мы засовывали в дыру гектограф и бумагу, потом вкладывали кирпич и затирали швы мелом.

В конце лета 1906 года у нас произошло крупное столкновение с тюремной администрацией, попытавшейся «завинтить» тюрьму. Столкновение перешло в прямой «бунт». Были разбиты окна, двери, а в нашей 28-й камере была разобрана даже печь. Кирпичами ее разбивались двери, закрытые с утра вопреки установившейся традиции. Войска открыли огонь по секретному корпусу, двое были ранены.

Но тюремное начальство не решалось еще применить меры, которые раздавили бы наше сопротивление. Поэтому нам предложили перейти в общие камеры так называемых «красноярских бараков». Там режим устанавливался такой же, как и в секретной до столкновения. Пожелавшие же остаться в секретной должны были подчиниться режиму закрытых дверей.

Несмотря на неудобство общих камер, где трудно было продолжать занятия по самообразованию, мы решили с Сергеем Мироновичем переселиться в «красноярский барак», чтобы не подчиняться новому режиму секретной.

В «красноярском бараке», в камере № 1, нас сидело сорок три человека. Установили жесткую «кон-

ституцию» и ввели кружковые занятия, в которых участвовала вся камера.

Ночью же, когда камера засыпала, читали «Капитал» Маркса узким кружком (Костриков, Шпилев, Попов, Шамшин Вася и Полторыхин). Засиживались за этой работой до трех-четырех часов ночи и вскоре по предложению Сергея Мироновича вообще превратили ночь в день, то есть занимались ночью до утра, а спали с утра до обеда, который был в час дня. Такой распорядок мы установили ввиду полной невозможности заниматься днем: буйное население камеры в сорок с лишним человек, несмотря на «конституцию», порядочно шумело. Сережа организовал также кружки из рабочих, в которые вошли столяр, слесарь, каменотес и железнодорожные рабочие.

Он помогал рабочим изучать «Капитал», раз'ясняя трудные места малоподготовленным слушателям.

Но шумная обстановка заставила нас наконец после нового года перейти добровольно снова в секретную, где Сергей Миронович решил использовать тюрьму как университет.

Каждый арест он использовал для упорной учебы. В то время у нас были два перевода Карла Маркса (перевод Струве и Николая — она). Ни один перевод не удовлетворял его. Он мечтал читать Маркса в оригинале. В тюрьме Сергей Миронович изучал немецкий язык.

Уже тогда он прекрасно знал труды Ленина. Он редко вступал в споры, но, начав их, он поражал всех своими знаниями и памятью. Некоторые таб-

лицы из «Развития капитализма в России» он знал наизусть.

Мы много читали, занимались в кружках и пели песни, а когда до тошноты надоедала камера с клопами и вонью параши, мы иногда ходили в церковь подышать духами расфранченных жен и дочерей тюремного начальства. В церкви можно было тишком поговорить с товарищами из других камер и передать через уголовных записку друзьям на волю.

Однажды мы вместе с другими политическими заключенными под конвоем надзирателей пошли в церковь. Пришли, стали парами неподалеку от надушенных тюремных дам, отделенных от заключенных барьером и цепью надзирателей, и начали по обыкновению перешептываться. Тощий попик, услышав это, решил сказать проповедь о безбожии крамольников.

— Вы думаете, они богу пришли молиться? — говорил он, тряся бородой и тыча пальцем в подпольщиков. — Это крамольники. Это безбожники...

И вдруг среди церковной тишины раздался звонкий тенор Сережи Кострикова: «Отречемся от старого мира...»

Старый рабочий Иванов подхватил «Марсельезу» густым басом, а за ним и все политические. Надзиратели, ошеломленные такой дерзостью, бросились к нам и оттеснили из церкви на паперть, вызвали конвойных солдат и с их помощью развели нас по камерам.

Через девять месяцев жандармское управление, так и не сумевшее открыть тайную типографию,

«за неимением улик» освободило из тюрьмы Попова и Шпилева. Сергей Миронович остался «досиживать». Припомнили жандармы его прежние «дела» и отдали его под суд, который и приговорил Кострикова к трем годам крепости, сократив этот срок из-за его несовершеннолетия до одного года и четырех месяцев.

По собственному желанию оставшиеся ему по приговору один год и четыре месяца Сергей Миронович провел в одиночке.

В 1908 году за побег из ссылки Попов вновь был арестован, переслан в Томск и снова сидел в одной камере с Сергеем Мироновичем. За год Сережа теоретически много вырос, с воли из города он получал много книг и с удивительной энергией и упорством изучал произведения Маркса, Энгельса и Ленина.

По выходе из тюрьмы он уехал в Иркутск.

Подозрительный дом по Аполлинарьевской улице, где находилась подпольная типография, был заселен городовыми и семьей письмоводителя полицейского участка. И только в 1909 году произошел провал — в буквальном смысле этого слова. Однажды городовой, проживавший в нижнем этаже, почувствовал «землетрясение». Это обвалился потолок в подпольной типографии; затем рухнула печь, и весь дом свалился на бок. Разобрали здание и нашли в подполье столы, стулья, чугунную печь и какой-то станок. Заведующий губернской типографией сказал, что вал хоть и самодельный, а типографский. Наконец-то жандармерия получила «вещественные доказательства».

Как только Костриков, живший тогда в Иркутске, узнал, что в Томске провалился дом с типографией, он сейчас же уехал во Владикавказ, и там под фамилией Миронова поступил на работу в редакцию газеты «Терек».

М. Попов, Г. Шпилев.

Мокрые ноябрьские дни 1910 года. Умер Лев Толстой.

Я написал об этом стихи и впервые решил их напечатать.

Десять или двадцать раз подходил к зданию редакции газеты «Терек», прежде чем решился войти. Но вот я очутился перед письменным столом Миронова, которого до этого я видел издали.

Забыв все слова, стоял я перед ним.

— Вам кого? — спросил Миронов.

А у меня пересохло горло.

— Вы принесли что-нибудь?.. Хотите напечатать? — помог мне Солодов, сотрудник редакции.

Я подал ему стихи и ринулся к двери. Но Миронов загородил дорогу:

— Нет, вы не уходите.

Солодов протянул стихи Миронову:

— Посмотри, Сергей.

Миронов посмотрел. Потом, точно испытывая. взглянул на меня раз... и еще раз...

— В каком вы классе?

Я ответил.

— А давно пишете?

— Для себя давно.

— Настоящие стихи, Саша!

— Да, но не пойдут они у нас.

— Это неважно, — отвечал Миронов и, повернувшись ко мне, сказал: — А вы напишите еще стихи... Помягче только... За эти нас в лучшем случае прикроют.

— Попробую, — пролепетал я.

— Определенно попробуйте. А если не удадутся, все равно приходите к нам просто так... в гости.

Новое стихотворение получилось пресное — не боевое и жалостливое.

Но с той поры я использовал каждый свободный час, чтобы зайти в редакцию просто так... в гости. Миронов усаживал меня около себя и, подбирая материал для «обзора печати», расспрашивал:

— Что нового? Что написал? Ничего! Плохо. Писать надо каждый день... Поэзия — это мастерство. А мастерство требует постоянного упражнения и совершенствования.

Вообще же Миронов говорил скупо. Лишь вечером, во время верстки, Миронов становился веселым. Стоя над талером и подбирая материалы, он походя издевался над приторными заметками хроникеров, над агентскими отчетами о заседаниях Государственной думы, в которых досуха были выжаты речи рабочих представителей.

Верстка кончалась, и Миронов мрачнел. Мы вместе выходили из редакции, и осенний ветер хватал его за полы пальто, застегнутого только у воротника.

Миронов сутулился, сопротивлялся ветру. Мы шли, скупо и коротко оценивая последние новости.

Иногда он вел меня к себе, в безлюдный и темный Лебедевский переулок. Дома ждала его с горячим чаем заботливая и энергичная Мария Львовна. Иногда приходил брат Марии Львовны Яков Львович Маркус, студент. Беседы наши длились допоздна.

Были годы реакции. Последние забастовки рабочих пивоваренных и кирпичных заводов и работников трамвая отгремели во Владикавказе еще в 1906 году.

В том же году выездная сессия тифлисской судебной палаты отправила на каторгу, на поселение и в крепость почти всех членов разгромленного Терско-Дагестанского комитета РСДРП.

К 1910 году во Владикавказе, как и во всей стране, царило «затишье». За всякое вольное слово преследовали.

За статью Мироныча, разоблачавшую капиталистических хищников-«заявочников», покупавших у горцев в ущельях гор заявки на право эксплоатации недр, привлекли к ответственности редактора-издателя «Терека» Казарова. Делец, весьма тихий и мирный, он не всегда был знаком с содержанием газеты. Играя на хозяйской любви к деньгам, сотрудники «Терека» часто использовали газету для высказываний, не совпадавших с политическими позициями хозяина.

Дзахо Гатуев

НЕУДАВШИЙСЯ СУД

Томская полиция искала Сергея Мироновича три года. Наконец в 1912 году его привезли из Владикавказа в Томск судить. Меня просили принять адвокатскую защиту Сергея Мироновича.

Приехал я к нему. Тюрьма находилась верстах в полутора от города.

Первое, что спросил Мироныч: «Каково настроение общества, что нового?» И когда у меня проскальзывали пессимистические ноты, то в ответ я слышал, что это временный упадок, что наступит перелом.

Сергей Миронович требовал вести принципиальную защиту и неосторожным словом не помешать делу. Он строго поставил вопрос: никаких принципиальных компромиссов.

Обвинение грозило каторгой. Когда я ознакомился с делом, я пришел к заключению, что признаться было бы нелепо. Агитационное значение это могло, конечно, иметь, но дело слушалось при закрытых дверях. Правильнее было высмеять свидетелей. Чем доказано, что это была типография? Может быть, там работали фальшивомонетчики? Ведь Мироныч не захвачен на месте. Я считал поэтому, что нужно вести защиту отрицания. После всестороннего обсуждения и колебаний он принял эту версию. Поэтому, когда на суде[1] жандармы пред'явили ему обвинение в том, что он, Сергей Миронов Костриков, в 1906 году совместно с Поповым, Шпилевым и Решетовым организовал в Томске под-

[1] Суд состоялся 16 (29) марта 1912 года.

польную типографию, он категорически заявил, что он не Костриков, что в Томске он никогда не бывал, а следовательно, и понятия не имеет, о какой типографии идет речь.

Тут произошел интересный инцидент. Когда Сергей Миронович еще раз настойчиво отвел от себя обвинение, председатель суда заявил:

— Так вы не признаетесь? Хорошо. Позвать сюда свидетеля. Сейчас мы установим вашу личность...

В зал суда вошел пристав Ляшков — тот самый, который когда-то в пять часов утра арестовал Кострикова, Попова и Шпилева в доме на Аполлинариевской улице.

Пристав уставился на Мироныча, чисто выбритого, отлично одетого, и как-то сразу увял.

— Ну, тот? — спросил судья. — Вы арестовывали этого человека?

Пристав упорно разглядывал обвиняемого, но все-таки не узнал в нем Кострикова. Шесть лет назад, когда он арестовал Кострикова, тот был в косоворотке с расстегнутым воротом, небритый, а теперь перед ним стоял настоящий джентльмен.

Царский суд обыкновенно осуждал политических даже при отсутствии улик. Но в данном случае это было трудно сделать. Сергей Миронович был оправдан и снова вернулся во Владикавказ.

Н. Левин

Он вернулся в редакцию в яркий летний день 1912 года. Чуть побледневший, но радостный, сидел он за столом. Взволнованные встречей с ним, шагали из угла в угол сотрудник газеты сутулый

и улыбающийся Солодов и подвижной Розанов, который восклицал по временам:

— Перцов!.. Капустин!.. Ракитников!..

И еще и еще... Но Мироныч каждый раз отрицательно мотал головой:

— Не годится...

Это придумывали для Мироныча новый псевдоним. Продолжать работу со старым было нельзя.

— Да посмотрите в календарь, Николай Петрович... А то живот болит от ваших овощных фамилий, — остановился на мгновение Солодов.

— В самом деле! — и Розанов побежал в контору.

Он возвращался, перелистывая снятый со стены календарь, и читал:

— Полиевкт, Евтихий, Пелагея, Агапит, Софроний...

Мироныч улыбался:

— Нет, нет.

— Николай, Ольга, Мария, Кир...

— Кир! — опять остановился Солодов. — Кир!.. Киров — это замечательно!

— Величайший полководец — в подполье! — задумчиво улыбнулся Мироныч. — Ладно!

Дзахо Гатуев

В ГОДЫ РЕАКЦИИ

Я работал в газете «Терек» метранпажем. Там я и познакомился с Кировым. Газета была прогрессивная. Особенно боевым духом отличались статьи

Сергея Мироновича. За напечатание одной статьи он даже был арестован.

С рабочими типографии газеты «Терек» Киров часто устраивал экскурсии за город. А на этих экскурсиях об'яснял, за что борются большевики, чего они хотят.

Когда рабочие типографии пред'явили хозяину—издателю — ряд требований, Киров горячо поддерживал рабочих.

Стоило только ему заметить, что кто-нибудь из рабочих чем-либо опечален, он сейчас же старался воодушевить его.

Ходил Сергей Миронович всегда с открытой головой, держа шляпу в руках.

И. Сивокозов

Однажды в 1912 году председатель подпольного комитета минераловодской организации товарищ Побегайлов поручил мне передать во Владикавказ письмо Кирову. Он рассказал мне, что Сергей Миронович — крупный партийный работник, сейчас руководит партийной организацией большевиков во Владикавказе и сможет помочь нашей минераловодской организации наладить работу. Побегайлов об'яснил мне его приметы: у Мироныча длинные волосы, ходит он в шляпе и как бы немного рябоват.

Приезжаю во Владикавказ. Часа два хожу около типографии. Наконец смотрю — выходит из редакции «Терека» человек. Как будто похож на того, кого я ищу.

Подхожу:

— Мне надо поговорить с вами по одному вопросу. Вы работаете в редакции? Я написал одну статью, и мне ее надо обработать. Вы Киров?

— Я.

— Вам письмо.

Прочел и назначил свидание вечером, в семь часов, в Александровском сквере. При этом сказал:

— Надо быть очень осторожным. Я сам к вам подойду.

Вечером в сквере сижу в тени, читаю газету. Киров пришел немного позднее, сел на другом конце скамейки и тоже развернул газету:

— Говорите.

— Мы хотели бы, чтобы вы оказали минераловодской организации помощь в борьбе с эсерами и меньшевиками. Мы очень слабы и мало знаем еще. У нас нет литературы. Мы чувствуем, что рабочий класс идет с нами, но не умеем его организовать.

— А какими методами вы работаете?

Я ответил, что мы обрабатываем рабочих поодиночке. Но организация растет плохо, за последнее время к нам пришло лишь три новых товарища.

— Да, вам надо помочь, — сказал он. — Раньше всего начните наряду с индивидуальной обработкой организовывать кружки. Используйте для этого праздничные и воскресные дни. Приглашайте по два—четыре человека, как будто бы для прогулок в лес, а там раз'ясняйте людям, за что мы боремся. Надо быть смелее. Добивайтесь роста авторитета членов подпольного комитета среди рабочих — в этом залог успеха вашей работы, — сказал он мне на прощание.

Когда в 1914 году я еще раз встретился с Кировым в Ессентуках, он прежде всего спросил:

— Ну, как дела в организации?

— Ваш совет и ваши указания нам очень помогли. Мы сейчас сильно выросли, — ответил я ему.

К тому времени наша организация очень окрепла и проводила большую работу.

И. Зейликович

Мне пришлось срочно со всей семьей — муж и двое детей — бежать от жандармерии из одного маленького городка. Остановились во Владикавказе.

Как-то захожу в городскую библиотеку. Народу было там немного, и я сразу обратила внимание на человека, одетого в чистую чесучевую косоворотку и поношенные брюки. Вижу, читает он и в то же время, как бы незаметно, рассматривает всех, изучает публику. Я решила сразу: свой парень. У нас, подпольщиков, приметы такие незаметные существовали, по которым мы умели находить своих людей. Всякими косвенными путями изучали мы друг друга. Так и здесь. Почувствовала я, что и он обратил на меня внимание. Я приметная была: худая, смуглая, с длинной черной косой. Но не разговаривали мы тут, только осмотрели друг друга внимательно.

На жизнь мы с мужем подрабатывали: я — шитьем, а он — уроками. Муж был «вечный» студент, учился на юридическом факультете и из-за революционной работы никак его кончить не мог.

Через несколько дней пошла я в газету «Терек» — об'явление дать о работе; смотрю, опять тот парень,

которого я в библиотеке видела. Тут я громко поспорила с сотрудницей. Вдруг этот парень — как видно, тоже узнал меня — подходит и с интересом спрашивает, в чем дело. Когда я ему об'яснила, что у меня не хватает денег, чтобы уплатить за об'явление, он взял мое об'явление и вычеркнул там лишние слова. Но опять и в этот раз мы не разговаривали с ним, только еще внимательнее оглядели друг друга.

Когда я рассказала об этой встрече мужу, он решил, что, вероятно, это Киров, который пишет очень боевые статьи в газете.

В этом году дом Романовых торжественно готовился к празднованию своего трехсотлетия. Монархисты всюду собирали собрания, где агитировали рабочих и служащих за царя.

Я услыхала, что монархисты созывают собрание на Алагирском заводе. Не удержалась и пошла на это собрание.

Прихожу. Обстановка торжественная. В большом зале стол зеленым сукном покрыт, и управляющий открывает собрание.

Оглянулась. Вижу — среди рабочих, позади всех, Киров сидит. Во время трескучей патриотической речи управляющего заводом, в которой тот предостерегал рабочих от смутьянов, Киров осторожно пробрался через ряды рабочих ко мне и подсунул записку: «Передайте». Через несколько минут другую, третью. Я поняла его тактику и стала передавать его записки, чтобы не было заметно, от кого они идут, через разных рабочих. «Как живут рабочие на Лене?», «Чем помогает царь семьям

убитых рабочих?» — ядовито писал в этих записках Киров. Управляющий начал было зачитывать их, но потом стал комкать. Но рабочие уже были возбуждены и яростно потребовали, чтобы он ответил на записки. В результате поднялись ужасный шум, гам. Собрание было сорвано.

Позже, когда мы с ним сдружились, я узнала, что Киров — большевик, ведет работу на заводе и в железнодорожных мастерских, преподает в воскресных школах грамоты, где выискивает революционно настроенных рабочих, которых вербует в партийную организацию.

На занятиях Кирова я поражалась тому, как он умело превращал основы грамоты в политграмоту, умело показывал всю гниль самодержавия.

Вскоре я была вынуждена уехать в Грозный. В 1914 году я видела там Кирова. Он рассказал мне, что во Владикавказе теперь уже есть небольшая, но надежная группа преданных революции товарищей из рабочих.

Э. Блок

II

ОКТЯБРЬ НА КАВКАЗЕ

«Кавказ дал много неожиданного. Кавказ страдает в тисках измены революции. Но Кавказ еще не сказал своего последнего слова, хотя оно на устах у всей демократии. И близок тот час, когда грузин Чхенкели в Берлине и чеченец-нефтепромышленник Чермоев в Константинополе будут говорить только от своего имени. Население уже поняло, что не на штыках немцев и турок свобода, равенство и братство, порядок Кавказа, а в его собственных руках, поднимающих знамя Советской России».

С. Киров. Из статьи «На берегах Терека», напечатанной в «Правде» 2 июля 1918 года.

КАК ОРЕЛ

Царское правительство разжигало вражду между 28 народностями Терека. Племена враждовали, пролетариат был малочислен, большевистские организации еще слабы. Это затянуло дело победы Октября на Кавказе.

Впервые я узнал Кирова после Февральской революции. Он выступал у нас в железнодорожных мастерских, где я в то время работал. Мы выста-

вили тогда требование «долой войну» и устроили демонстрацию. Веселый, бодрый Киров шел впереди нас. Вдруг исчезает. Смотришь, а он через несколько минут уже с какой-нибудь крыши или забора кричит: «Долой войну, да здравствует мир!»

В советах Владикавказа первое время большевики сидели вместе с меньшевиками и эсерами. Решался вопрос, кто победит: передовой отряд пролетариев — большевики — или холопы буржуазии — меньшевики и эсеры. Киров вел с ними самую непримиримую борьбу. Он выступал на митингах, собраниях, и всегда его речи производили такое громадное впечатление, что аудитория, иногда даже настроенная против большевиков, слушала его с затаенным дыханием, не прерывая, и принимала большевистскую резолюцию.

Когда шли выборы в Учредительное собрание, меньшевики усердно уничтожали наши плакаты, расклеенные в городе. Тогда Киров пришел в малярный цех железнодорожных мастерских и сказал рабочим:

— Берите кисти и краску. Пойдем агитировать!

Все засмеялись, одобряя хитрую выдумку против меньшевиков, взявших под особый надзор городские заборы. Ведь краску не скоро смоешь!

Через день на всех заборах города красовались лозунги, призывающие голосовать за большевиков.

Партийная организация Владикавказа насчитывала в то время в своих рядах лишь около ста человек. Но это был боевой отряд большевиков, кото-

рым талантливо руководил Сергей Миронович. Он проводил на Тереке ленинско-сталинскую национальную политику. Он повел угнетенные мелкие нации, десятки лет враждовавшие между собой, к самостоятельной государственной жизни. Он воспитывал из них борцов против терско-дагестанской казачьей контрреволюции, за диктатуру пролетариата

С. Цал

Киров создал у нас на вагоноремонтном заводе после Февральского переворота ядро из надежных товарищей. И пошла у нас работа. Я помню, как он собрал первое собрание большевиков в прокатном цеху нашего завода. Он призывал нас к борьбе с меньшевиками, которых на заводе было немало. Он не пропускал у нас ни одного рабочего собрания и помогал нам, учил нас, как разоблачать меньшевиков.

Как-то в Прикашинском клубе Киров выступил после одного меньшевика. Он всегда выступал последним. Первые его слова так и врезались в память. «Меньшевики и буржуазия,— сказал он, — идут под ручку по одному пути, они хотят закабалить рабочий класс. Взяв власть себе, они затопят рабочий класс в крови». И он сказал: «А нас хотя сейчас и мало, но завтра и послезавтра будет много».

На другой день — митинг на вагоноремонтном заводе. Тут Киров выступил еще сильнее. Тогда мы подняли его на руки и пошли в город.

После этого меньшевики у нас боялись выступать. Боялись разжигать рознь между ингушами и осетинами. Киров сейчас же вражду эту усмирял. Он, как орел, выступал, не боялся ничего.

После митинга на вагоноремонтном заводе он беседовал с группой рабочих. Некоторые из нас предложили Кирову быть осторожнее, остерегаться возможных нападений из-за угла меньшевиков и контрреволюционеров. Мы просили его беречь свою жизнь.

— Смерти я не боюсь. Но я должен добиться того, чтобы все рабочие окончательно стали на большевистский путь, — так ответил нам Киров.

М. Одинцов, П. Пруцков, Раменский

В октябрьские дни 1917 года на заседании Владикавказского совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Киров делал доклад об Октябрьском перевороте и боях в Петрограде.

Собравшиеся с жадностью ловили каждое слово его пламенной речи, и только взрывы восторга и аплодисментов прерывали его.

Киров ярко нарисовал перед нами картину взятия Зимнего дворца, борьбу с юнкерами и женскими «батальонами смерти» и закончил так: «Отныне мы ставим на повестку дня построение социализма в России». Тут выступил один меньшевик (фамилию его я забыл, военный врач, капитан). Этот меньшевик успел только сказать: «Киров неправ, поставив нас на одну доску с контрреволюцией»

Больше ему говорить не пришлось. Крики: «Долой, тащи его, бей предателя!» — полетели со всех сторон. Его буквально стащили с трибуны. Стоявшие у окна матросы кричали: «Давай его сюда!» Только вмешательство Кирова и Орахелашвили остановило рабочих, озлобленных предательством меньшевиков.

Терский казачий атаман Караулов с помощью меньшевиков и эсеров готовил расправу над рабочими Владикавказа. Воинские части были под влиянием меньшевиков и выносили резолюции о верности Временному правительству. Требовались величайшая энергия и такт, чтобы создать перелом в настроениях войск. И эту огромную работу выполнил Киров.

Выступая в воинских частях, он разбивал доводы меньшевиков и своими пламенными речами разжигал солдат и казаков, которые выносили большевистские резолюции против министров, против капиталистов и изгоняли меньшевиков и эсеров из своих комитетов.

О. Пекарский

С'ЕЗД В МОЗДОКЕ

На улицах Владикавказа были расклеены плакаты: «Смерть большевикам! Смерть Кирову и Орахелашвили!» (Орахелашвили был председателем совета).

После открытых боевых докладов приехавшего из центра Кирова контрреволюция мобилизовала свои силы и сделала попытку разогнать Владикав-

казский совет депутатов и союзы. Были произведены аресты, но большевики-осетины с керменистами освободили арестованных членов совета и союзов[1].

В городе начались грабежи, стрельба по улицам днем и ночью, в области горско-казачья война принимала угрожающие размеры. Станицы казачьи, как крепости, были окружены рвами. В селениях и аулах ингушей, чеченцев и осетин дни и ночи шли перестрелки.

Чтобы прекратить всеобщую анархию и повернуть массы по революционному руслу в сторону большевиков, партийные организации Терека решили принять участие в Моздокском народном с'езде.

Казачий комитет терско-дагестанского правительства созывал в это время с'езд для того, чтобы организовать и об'явить войну казаков и иногородних против горцев, ингушей, чеченцев и этим отвлечь революционные массы от борьбы за диктатуру пролетариата, за признание советской власти. Об этом было цинично и открыто сказано в воззвании моздокского «военно-революционного коми-

---

1 «... почти в начале революции в Осетии возникла политическая партия «Кермен», названием которой послужило имя легендарного осетинского героя, всю жизнь боровшегося со своими помещиками. Программа этой партии в общем ни в чем не расходится с программой большевиков. Влияние партии «Кермен» огромно. Едва ли можно найти селение, где бы не было членов ее. В последнее время партия «Кермен» решительно выступила на борьбу с помещиками и кулаками, которые прогонялись керменистами со своих земель вооруженной силой».

От редакции. Это примечание взято из статьи С. Кирова «На берегах Терека», напечатанной в «Правде» 2 июля 1918 года.

тета» и внеочередных выступлениях на с'езде полковника Рымаря, Пятирублева и есаула Бичерахова, которые предлагали, чтобы с'езд отдал распоряжение об общем наступлении на чеченцев и ингушей.

Группа большевиков и революционно настроенных казаков и горцев с'ехалась в Моздок и жила вместе с Кировым (их было более тридцати человек) в отдельном вагоне на станции. В этом вагоне было принято решение: отколоть иногородних и часть революционных казаков, повести за собой кабардинцев и балкарцев по вопросу земельному и по отношению к Совету народных комиссаров. Докладчиком по текущему политическому моменту был выдвинут Киров.

Ю. Бутягин

С'езд открылся 25 января 1918 года.

Чтобы успешнее бороться с контрреволюционным казачеством, Мироныч вместе с Ноем Буачидзе и Юрием Фигатнер организует блок, об'единивший всех с'ехавшихся в Моздок представителей социалистических партий.

Блок повел за собой горскую и казачью бедноту и «иногородних». Так назывались крестьяне центральных губерний, осевшие в станицах на положении арендаторов казачьей земли. Вкупе с блоком они составили, правда, далеко не подавляющее, большинство, которое заставило, однако, прекратить наступление.

На с'езде были свои «левые», которые организацию блока рассматривали как соглашение с мелко-

буржуазными партиями и чуть ли не как измену революции. Они не успокаивались, они настаивали на «чистоте принципов» и, пытаясь джигитовать впереди истории, подали в президиум заявление партийных и беспартийных делегатов о немедленном провозглашении советской республики.

Мироныч отвечал им:

— В Терской области положение запутано. Терская область разбита на несколько частей, ведущих между собой кровавый бой. Между Терской областью и севером стоят контрреволюционные полчища и банды. И пока они не будут разбиты, нам нельзя ждать помощи с севера. Нам надо рассчитывать на свои силы и задушить контрреволюцию. Если мы не создадим здесь крепкого революционно-демократического фронта, наше дело здесь будет загублено.

С'езд принял предложение Мироныча и Ноя Буачидзе о создании народной власти, власти трудовых крестьян, казаков и горцев. В декларации с'езда к народам области были изложены задачи народной власти в вопросе о земле, о национальных отношениях, об организации власти и по рабочему вопросу.

Мироныч горячо поздравил с'езд с избранием народного совета:

— Теперь у нас, — говорил он, — власть советов — власть рабочих, солдат, горцев и казаков. Среди новых избранников есть люди, на нотах которых еще не зажили кровавые мозоли от цепей, которые они носили на каторге во имя свободы народа. Новые избранники поведут народы

области по пути заветных народных стремлений. При поддержке трудящихся новые избранники спасут область от анархии и братоубийственной войны.

Дзахо Гатуев

А за спиной Моздокского с'езда казачий совет не переставал вести контрреволюционную работу. Ежедневно до нас доходили провокационные слухи о том, что чеченцы и ингуши громят иногородних, обстреливают казачьи станицы, что много убитых и т. п.

В ход были пущены все средства, чтобы разжечь шовинизм и спровоцировать с'езд на резню.

Твердо и четко руководя с'ездом, Киров все время разоблачал контрреволюционную политику казачьих верховодов. Он упорно направлял внимание с'езда на большевистское разрешение вопроса о земле, на провозглашение национального мира, на организацию власти трудящихся народов Терека.

На одно из последних заседаний с'езда ворвались пьяные, вооруженные винтовками, возбужденные провокацией казаки и потребовали выступления на фронт, в противном случае угрожая перебить всех.

Им отвечал Киров. Вероятно, это была одна из самых сильных, потрясающих его речей. Стушевались буйствующие казаки. По предложению Кирова с'езд немедленно вызвал полковника Рымаря и потребовал от него об'яснения причин мобилизации вооруженных казаков и предложил сейчас же, не

выходя со с'езда, дать приказ о роспуске казаков по домам.

После некоторого упорства Рымарь дал этот приказ. С'езд избрал народный совет Терской области, провозгласил национальный мир и послал делегацию из разных национальностей в разные концы Терской области для приглашения делегатов на с'езд, который в целях советизации масс решили созвать в Пятигорске.

В. Тронов

Блестящие выступления Кирова на Моздокском с'езде, его изумительный талант трибуна революции будили, звали на борьбу трудящихся горцев, казаков, рабочих. Один седой, старый горец, помолодевший после речи Сергея Мироновича, легкой поступью горца взобрался на трибуну с'езда и в своей отрывистой гортанной речи клялся в преданности делу рабочего класса, советской власти.

Незабываемы образы страстной и мощной речи Кирова на заключительном заседании, когда он призывал делегатов с'езда до последней капли крови бороться за свободу. Он привел красивую древнюю легенду о Прометее как олицетворении свободы, прикованном к скале на вершине Казбека, чье истерзанное тело неустанно клюет орел. И молодые и старые, и горцы, и казаки, и рабочие вскакивали с мест и в неудержимой страсти к победе над вековой темнотой кричали на разных наречиях свой привет большевикам, Ленину и скромному оратору, который звал их на борьбу за освобождение человечества.

С'езд голосовал в своем подавляющем большинстве за предложение большевиков и послал телеграмму Совету народных комиссаров—Ленину, приветствующую Октябрьскую революцию и власть советов. И теперь уже не десятки, а сотни агитаторов раз'ехались по аулам бороться за дело, начатое Лениным. Эти агитаторы проникали глубоко в станицы, аулы, леса и горы и всюду собирали делегатов на с'езд в Пятигорск.

Н. Гикало

«Всем, всем, всем...

Происходивший в Моздоке с 25 января по 1 февраля (старый стиль) общеобластной с'езд казаков, рабочих, солдат, крестьян, кабардинцев, осетин и балкарцев об'единил все трудовое население.

Для ликвидации начавшейся гражданской войны и спасения края от разрастающейся анархии с'езд постановил создать об'единяющий все трудовые слои населения без различия национальностей областной орган народной власти — Терский народный совет. В состав совета вошли на пропорциональных началах представители всех национальностей. Чеченцам и ингушам, с которыми происходят кровавые столкновения, в Народном совете предоставлено соответствующее количество мест. Войсковое правительство Терского казачьего войска сложило свои полномочия. С'ездом принята декларация, в которой изложена программа разрешения главнейших вопросов: земельного, национального, рабочего в духе программы с'езда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Над пробуждающимися народностями Терского края загорается заря новой жизни. Об'единившись в одну семью, народности области шлют братский привет всей демократии России. Мы верим, что органы, выдвинутые революционной демократией, помогут стране, по-

могут народу изжить кошмарные дни и завершить дело мира и об'единения всех трудящихся. Сбрасывая путы Юго-восточного союза, созданного контрреволюционными замыслами, народы Терской области становятся в ряды революционного фронта России для защиты свободы и возрождения родины.

Ст. Минеральные воды».

Такую телеграмму разослал Народный совет, избранный Моздокским с'ездом. Составлял ее Киров.

В конце 1917 года на эту станцию приехал атаман Караулов. Он приехал отдельным вагоном из Пятигорска и, выйдя на площадку, начал говорить с толпой, указывая, что в анархии виновато не терско-дагестанское правительство, а совдепы, где сидят большевики и жиды, и что он как представитель б. Государственной думы сумеет с терскими казачьими частями водворить порядок и вымести всю красную сволочь из Терского края. Озлобленные солдаты и горцы откатили вагон в тупик и там расстреляли Караулова.

А Киров сам об'езжал все аулы, и мы с ним ночевали даже у ингушей, особенно враждебно и недоверчиво относившихся ко всем другим национальностям. Больше того, когда Киров приезжал в аул, в знак уважения для него резали барашка. Весь аул сбегался смотреть на Кирова, на «почетного старика»,—так звали его почти все двадцать восемь народностей, населявших Терек. А «почетным стариком» у кавказцев зовется лишь тот, кто пользуется исключительным уважением, у мусульман—тот, кто не меньше пяти раз ходил в Мекку. А тут «почетный старик» — молодой энтузиаст-большевик.

Ю. Бутягин

В СТАНЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Местопребыванием Народного совета был избран Пятигорск. С'езд поручил Совету созвать в Пятигорске 15 февраля вторую сессию с'езда трудовых народов Терской области и добиться присутствия на с'езде ингушских и чеченских представителей. Контрреволюционеры упорно пытались сломить волю бедноты к единству. На первых заседаниях с'езда каждый день и каждый час взрывались бомбы внеочередных заявлений о том, что ингуши и чеченцы якобы все еще нападают на казаков, все еще убивают, все еще грабят.

Мирные делегации ингушей и чеченцев первые дни отсутствовали: они еще пробирались через фронты.

На пятый день с'езда — 19 февраля — Мироныч делал свой замечательный доклад о «текущем моменте». Как струя расплавленного металла, лилась его речь. Она заполняла зал, зачаровывая слушателей. И кто бы они ни были — друзья или враги, они не могли противостоять беспощадной, простой и властной его логике.

«Вы все помните, что первым словом, какое нам пришлось услышать на Моздокском с'езде, было «война». Нам говорили о необходимости начать войну с теми племенами, которые создали себе такую дурную славу, — говорил он. — ... Вокруг нас горели костры гражданской войны. Тогда нам удалось погасить шовинистические порывы и предотвратить пожар войны. К сожалению,

известия, полученные вчера, говорят о новых продолжающихся вспышках гражданской войны.

...В Моздоке мы признали одну простую истину: для того, чтобы устроить жизнь в области, надо отбросить всех богов. Надо внимательно взглянуть на почву и посмотреть, что на ней произрастает и много ли там сорняков. Мы говорили, что нам надо собрать свои силы, об'единить их для защиты интересов трудовых масс».

Как море шумел зал, провожая уходившего за кулисы Мироныча. Опустившись на некрашеную скамью, он курил, глубоко и вкусно вдыхая табачный дым. Синева усталости легла на его побледневшее лицо. А на трибуне сменяли друг друга ораторы. И хотя по-разному говорили они, ясно было одно: несокрушимый Мироныч сказал им большую и ясную правду.

Когда на с'езд один за другим суровой вереницей вошли в зал ингуши, настала торжественная настороженная тишина. И у Мироныча прерывался голос, когда он приветствовал их.

«...Раз наша семья стала полной, то ни бури извне, ни ветры, поднимающиеся внутри, нам не страшны», — сказал он.

От Чечни через казачьи кордоны сумел пробраться лишь один Асланбек Шерипов[1]. Но он говорил языком всей трудовой Чечни. И весело рукоплескал Мироныч неизвестному, который в ответ на речь Шерипова прокричал: «Спасибо за братство!.. Рука ваша не повиснет в воздухе!»

[1] Шерипов — народный герой Чечни, погиб в горах в 1919 году в отряде Гикало.

«Замечательный орел прилетел к нам из чеченских ущелий», — говорил Мироныч.

Дзахо Гатуев

Киров предложил с'езду в полном составе переехать из Пятигорска во Владикавказ, с тем чтобы захватить областной центр и оттуда проводить мирную национальную политику, укреплять власть советов на Тереке.

Смелость этого предложения захватила всех. И с'езд переезжает в город — центр контрреволюционного терско-дагестанского правительства, куда сбежались располагавшие большими вооруженными силами казачьи полковники и остатки белогвардейских офицерских частей.

Переезд с'езда был исключительным маневром. Ведь если все двадцать восемь национальностей Терека в один кулак соберутся, то никто не устоит.

С'езд выехал из Пятигорска в марте 1918 года. Наш эшелон был украшен красными знаменами с лозунгами: «Вся власть — советам!» На каждой станции участников с'езда приветствовали трудящиеся. Там, где на пути следования эшелона еще не было советской власти, она создавалась.

И вот делегаты Народного с'езда, встреченные выстрелами из домов, в которых засели офицерские банды, построившись в одну колонну, с пением «За власть советов», под прикрытием рабочих дружин проходят через весь Владикавказ в кадетский корпус, где и открывают свою сессию.

Владикавказ кипит. Казачьи полковники организуют провокационные восстания. Одна станица

пошла войной против другой, осетины столкнулись с ингушами.

Идет бой, есть раненые, убитые.

С'езд заседает. Вдруг дикие вопли мужчин и женщин. Огромная толпа заполняет двор кадетского корпуса. Впереди, у самого крыльца, арбы-двухколески, а в них голые трупы осетин с отрезанными ушами. Нет большего надругательства на Тереке! Это контрреволюционеры провоцировали делегатов ингушей и осетин. Как реагировала на это фракция осетин? Конечно, тут же кинжалы были вытащены из ножен.

Ю. Бутягин

Когда трупы убитых осетин были привезены на двор корпуса, где заседал с'езд, необычайное возбуждение охватило делегатов с'езда. Казалось, что сейчас же начнется кровопролитие.

Тогда перед раз'яренной толпой появляется Киров.

— Кто сделал это гнусное дело? — спрашивает он. — Ингуши? Да, ингуши. Но какие ингуши? Эти ли вот, члены народного с'езда, которые добиваются новой, светлой жизни для всех трудящихся, или другие, те, которые слепы еще от старых обычаев, которым враг вложил в руки кинжал и послал убивать соседей и братьев? Пусть Народный совет поручит мне, человеку, которого вы знаете, и представителям народов, у которых нет с вами вражды, пойти на фронт, остановить бой и привести делегатов с фронта на с'езд, и тогда мы рассудим, кто прав из них, кто виноват.

И Киров с четырьмя членами с'езда поехал по открытому полю туда, где свистели пули.

На Кавказе убить парламентера—позор. Но в то время ненависть и насилие были так велики, что и обычаи не соблюдались.

Ехать на фронт было очень опасно. Но иначе не примирить воюющих. И Киров поехал не задумываясь.

В. Трошов

Делегаты с'езда выехали в селения Базоркинское и Ольгинское в тот же день. С ними Мироныч.

Делегаты условились, что на следующий день, добившись прекращения стрельбы, они вместе с представителями воюющих сторон встретятся на поле между двумя линиями окопов и договорятся о мире. Киров шел вместе с Каламбековым, который нес белый значок парламентера. Когда они перешли линию осетинских окопов и оказались в открытом поле, началась стрельба. Каламбеков упал, насмерть раненый пулей.

— Сначала я подумал, что это недоразумение, — рассказывал потом Мироныч. — Я вытянул вверх полупальто и растянул на нем носовой платок, чтобы дать знать всем, что я парламентер. Но они продолжали стрелять. Тогда я понял, что это ловушка, и улегся в межу.

Но, несмотря ни на какие трудности, Киров не оставляет своей деятельности по прекращению кровопролитной бойни между ингушами и чеченцами и добивается того, что представители вра-

ждующих селений пришли на с'езд, где их и заставили примириться.

Дзахо Гатуев

В квартире Кирова, которая по существу была боевым штабом, всегда можно было застать чеченцев и ингушей. Горцы любили и уважали Кирова за его простоту, доступность и умение ободрить человека.

На с'езде горских народов Киров сказал:

— При царском режиме художники буржуазии интересовались кавказскими горами потому, что над ними красиво реяли свободные орлы. Но они не замечали вас, орлов, живших у подножья этих гор со связанными крыльями.

Много сделал Киров для горцев. Даже в самых далеких, глухих аулах замученная царскими опричниками крестьянская беднота всегда восторженно произносила имя «Кира», как звали здесь Сергея Мироновича.

Заур Шерипов

ЛЕГЕНДЫ ЧЕЧНИ

Ночь. Буря. Гроза. Наш автомобиль застрял в горах.

Что делать? Располагаемся у автомобиля, и, чтобы скоротать время, Асланбек Шерипов, чеченец, пулеметчик германской войны, а сейчас большевик, один из многочисленных соратников-учеников Кирова, рассказывает нам чеченские легенды.

В это время, гонимое бурей, к самым нашим ногам подлетает перекати-поле. И Шерипов рассказывает нам случай из быта Чечни:

«Два молочных брата—абреки—любили одну девушку. Девушка никак не могла сделать между ними выбора. И вот братья решили—кто из них на всем скаку остановит коня ближе к краю обрыва, тот получит девушку в жены.

Все селение участвовало в разрешении этого спора. Брат, копыта лошади которого отпечатались на самом краю обрыва, получил девушку в жены.

Время шло. И вот раз, когда братья после очередного набега ночевали в горах, холостой убил женатого во время сна, не подумав, что у того растет уже сын. Была буря, гроза. Перекати-поле подкатилось к самым ногам убийцы. Перекати-поле — вестник несчастья. И убийца, трепеща, зарыл тело брата и сделал высокий курган над его могилой.

Жене он рассказал, что брат погиб в схватке с казаками. Время шло. Жена брата стала его женой, мальчик подрастал и стал также абреком.

И вот раз им обоим пришлось заночевать в горах. Буря застигла их у того самого кургана, где был похоронен убитый. К ногам убийцы буря приносит перекати-поле. Он вспоминает пережитое, свой страх и ночью во сне рассказывает историю убийства. Сын убитого подслушивает эту историю и мстит убийце смертью за смерть...»

Помолчав, Шерипов добавляет:

— А теперь этот абрек стал большевиком...

Мироныч слушает с большим вниманием. Ему нравятся легенды Чечни. И он требует от Шерипова:

— Эти легенды надо обязательно записать. Возьмись за это дело. Я сам берусь их отредактировать... Тут важно показать, как от кровавой мести народы Терека переходят к классовой борьбе.

Через некоторое время во владикавказской советской газете появляется ряд легенд, записанных Шериповым и отредактированных любящей, внимательной рукой Кирова.

... А кругом уже — фронты. Турки заняли Тифлис и Военно-Грузинскую дорогу. Эмиссар Турции Гури Паша через чеченские горные проходы снабжает горцев оружием, деньгами. Грозненский нефтяной король Топа Чермоев с помощью «пророка» Узум-Хаджи и мулл пытается отсечь Дагестан с Грозным, поднять на «священную» войну горские массы.

Моздок — Прохладная — казачий бичераховский фронт, отрезаны Минеральные группы, Георгиевск, отрезается периодически Грозный.

Ю. Бутягин

III

В КОЛЬЦЕ ФРОНТОВ

«...Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист — устье реки Волги было, есть и будет советским!»

С. Киров. Из речи на общегородской партийной конференции Астрахани 2 августа 1919 года.

МИРОНЫЧ ОСТАЛСЯ В АСТРАХАНИ

... Январь 1919 года.

В эти дни в Москве была сформирована северокавказская экспедиция во главе с Кировым. Ее задачей было реорганизовать северокавказские армии, организовать их снабжение, связь и снабжение финансовое и людьми зафронтовых полос (Баку, Петровск, терские партизанские группы Гикало).

Это была не первая экспедиция. Еще в июне 1918 года Киров с двумя эшелонами оружия и военного снаряжения пробирался через Царицын на помощь Кавказу. Путь на Владикавказ был отрезан белобандитами. И только через астраханские степи на верблюдах удалось доставить деньги и часть снаряжения в Пятигорск.

А вернувшись в ноябре в Москву делегатом VI чрезвычайного с'езда советов, Киров вновь ставит вопрос об организации борьбы за Кавказ

Все указания Киров получал от Ленина и Свердлова.

Экспедицию снабдили оружием, обмундированием, деньгами — пять миллионов рублей.

Деньги были у нас царские, советские тогда еще не везде шли. В прифронтовой и зафронтовой полосах на царские деньги можно было купить не только продовольствие, фураж и одежду, но и винтовки и пулеметы.

Кроме Кирова и еще пятерых никто не знал о том, что мы везем деньги. Ехали с экспедицией сорок человек.

Отправили нас специальным поездом.

Ночью Киров привез на извозчике три ящика с деньгами, и наш эшелон двинулся на Астрахань. В Астрахани тревога. От Серго Орджоникидзе получено сообщение: 11-я армия разбита и отступает по бездорожной степи. Тревожно в городе. Все время вспыхивают восстания кулацких банд. Свирепствует тиф. Но мы спешили на Кавказ к армии. Нам говорят, что туда не пробраться, что армия отступает.

Но Киров настойчив. Экспедиция выгружается из вагонов, переезжает на автомобилях Волгу. А уже наступала оттепель — был февраль. Мы ехали с Кировым на полуторатонке. В автомобиле стояли три ящика, на них пулемет. Тренога пулемета прибита к ящикам, по ноге к каждому ящику.

Выехали в степь. А навстречу автомобилям, прямо по степи, без дороги — отступающая армия. Масса тифозных. Вдоль дороги валялись трупы. Повернули, поехали по дороге на Яндыки. На повороте опрокинули машину. Один из ящиков с деньгами оторвался. Ночью, чтобы никто не видел, Киров сам приколачивал ящик.

Нужно было переехать Волгу и на время спрятать деньги в надежное место. А лед уже совсем ослабел. Пустили на пробу одну машину с грузом — прошла. Пустили вторую, нагрузили ее вдвое — и та прошла. Тогда поехали на той машине, где находились деньги. Уже около самого берега лед вдруг треснул, и передние колеса ушли под лед. Машина тонула. Еле успели выпрыгнуть с платформы. Когда оглянулись, увидели только конец кузова. Машина вся ушла под воду. Настроение было ужасное. Ведь с машиной, с ящиками потонули сотни тысяч патронов, винтовок и пулеметов, тонули надежды на выкуп товарищей из рук английской контрразведки.

Киров решил добыть деньги во что бы то ни стало. Нужно было вытащить ящики и как можно скорее. Надо было торопиться. Волга вот-вот должна была вскрыться, и тогда нужно было бы ждать конца ледохода. Вызвали водолазную команду. Ки-

ров сутками дежурил в палатке, которую поставили у проруби. Его одолевало беспокойство, но он старался не показывать этого да еще подшучивал и пел: «Эх ты, Волга, мать родная, Волга, русская река, не видала ты подарка от терского казака». В Астрахани нас все считали терскими, потому что мы на Тереке воевали. Часто он горько подтрунивал: «А миллионы-то подарили?»

Успехов у водолазов все не было. Сергей Миронович из-за этого очень волновался. Только на одиннадцатый день набрели водолазы на ящики — все три вместе с пулеметом. Сейчас же на лед вызвали комиссию, вскрыли ящики, стали считать. За одиннадцать дней деньги промокли насквозь. Сушили и гладили их в бане, но все спасли.

А с фронта продолжали поступать тяжелые вести.

Не выдержали напора свежих войск Деникина измученные люди 11-й и 12-й армий. Пораженные сыпняком, они двигались на север, к Астрахани, по Каспийской пустыне, безводной, бездорожной степи. Это был путь неизмеримых человеческих страданий...

Значение Астрахани в связи с этим катастрофическим откатом северокавказских войск 11-й и 12-й армий через безводные степи — пустыню Калмыцкую, через пески от Святого Креста на Яшкуль и от Кизляра через Яндыки, без подготовленных этапных пунктов, без питания, без транспорта — было исключительным.

Астрахань уже не база Кавказского фронта, а ворота на Кавказ; путь к житнице России — Став-

рополю — Кубани; путь к черному золоту — жидкому топливу — нефти в Баку — Грозный; путь к богатейшим рыбным промыслам Каспия; Астрахань — ворота Волги, в которые стучится английский флот из Баку и Петровска; Астрахань — стык и раздел Волгой донского казачества с астраханским, уральским и терским; Астрахань мешает слиться в единый фронт всей контрреволюционной казачьей банде и об'единиться Колчаку с Деникиным. Царицын, Саратов не удержались бы и дня, если бы пала Астрахань.

Ю. Бутягин

Мироныч остался в Астрахани.

Мы создали Военно-революционный комитет из пяти-шести человек.

Во главе его стал Киров.

С бешеной энергией большевика Киров организует помощь отступающим частям. Посылает воду, хлеб, транспорт, врачей, медикаменты, мобилизует коммунистов и бросает их навстречу бойцам отходящей армии.

Буквально из лап смерти вырывает он тысячи жизней. Он встречает красноармейцев в Астрахани, организует им отдых, вновь формирует и пламенными словами большевистского трибуна вливает в них новые силы.

Несколько судов красной флотилии да измученные части 11-й и 12-й армий, только что совершивших героический переход через астраханские степи, — вот все, чем располагали мы в Астрахани. А враг стоял у стен города, в самом городе вспыхивали

восстания бандитских шаек, организованные кулачеством и интервентами.

Чуть не в первый день нашего приезда в Реввоенсовет пришла делегация от водопроводчиков и пред'явила ультиматум — или мы удовлетворяем такие-то и такие-то требования, или они прекращают работу и оставят город без воды. Мироныч и говорит:

— Ну что же, товарищи? Вы нам ультиматум привезли, а мы поедем к вам на собрание...

Приезжаем. Оказалась обычная картина. От имени рабочих к нам приезжали завзятые меньшевики. И стоило Миронычу только поговорить с рабочими так, как он умел это мастерски делать, как настроение сразу переменилось. Невозможно было не заразиться его убежденностью.

В марте узнаем, что готовится очередное контрреволюционное восстание и что оно будет очень серьезным, так как на этот раз об'единилась вся астраханская контрреволюция. В городе в это время находилась масса урядников, полицейских, рыбопромышленников, казачьих офицеров, русских попов, мусульманских мулл, калмыцких воротил. Тут же рядом наготове астраханское и уральское казачьи войска. Наша задача была — добиться, чтобы еще до восстания все рабочие, обманутые контрреволюцией, перешли на нашу сторону. Только настоящий большевик, только человек, который всем своим нутром понимал ленинскую и сталинскую тактику, мог с такой любовью, с такой изумительной внимательностью отвоевывать каждый десяток рабочих, как это делал Киров. Он боролся не только за десятки, а буквально за каждого человека и

добился того, что целые группы переходили к нам.

Я наблюдал лично, как работали Владимир Ильич и Иосиф Виссарионович в дни восстания, в Октябрьскую революцию. Сергей Миронович был подлинным их учеником. Он появлялся всегда в самую нужную минуту на наиболее трудных участках. Сидишь и рассчитываешь — где Мироныч? А он, оказывается, уже узнал, что не очень важное настроение у моряков, и находится там. В результате у моряков уже нет колебаний и шатаний. Затем смотрю — Мироныч летит к бондарям. И его присутствие опять решало вопрос.

Мартовское восстание было успешно разбито. Белые потерпели полное поражение. Их планы воссоединения юга и востока не удались.

Но подчас было трудно. Временами силы оставляли многих. И в эти моменты Мироныч говорил о будущем так ярко, показывал это будущее таким близким по времени, что силы уставших восстанавливались, появлялись бодрость, уверенность.

К. Мехоношин

В самое тяжелое время появился у нас, в Астрахани, Киров. И прежде всего наряду с организацией военного отпора наступавшей контрреволюции и помощи частям Северокавказской армии он много внимания уделил астраханской партийной организации, помог ей в этой тяжелой обстановке обеспечить соответствующее политическое настроение среди рабочих.

Астраханская парторганизация была тогда очень слаба. Это об'яснялось некоторыми особенностями астраханского пролетариата: основная масса рабочих там была занята на рыбных промыслах и на обслуживании водного транспорта. Эти рабочие в большинстве своем были сезонники. Крупных промышленных предприятий в Астрахани не было. Не было четкой оформленности партийной организации. Лишь во второй половине 1918 года нам удалось создать партячейки на предприятиях, парткомитеты в районах и уездах и губкомитет партии.

Но было еще много неизжитых склок и трений среди руководящих работников Астрахани. Положение осложнялось тяжелым продовольственным кризисом: втечение довольно продолжительного времени мы могли выдавать рабочим только фунт хлеба и очень немного сухой воблы.

С первых же дней Сергей Миронович поразил нас своей неутомимостью. Было непонятно, дает ли этот человек себе хоть маленькую передышку.

В то же время он всегда дышал бодростью, кипучей энергией. Деятельность его не ослабевала ни на одну минуту. Ни один факт не ускользал от внимания Кирова. Он всюду поспевал, он заботился о всех сторонах жизни Астрахани. Бешеную работу провел он по предотвращению мартовского белогвардейского восстания. Предотвратить его не удалось. Белогвардейцы хорошо тогда сорганизовались. Они создали штаб из офицеров и генералов и разработали стратегический план

охвата города кольцом. В кольце белогвардейщины оказались крепость, губком и губисполком. У белогвардейцев были довольно значительные силы, много оружия и опытные командиры. У нас же сил было недостаточно. Мы поставили под винтовку всех коммунистов. Местный гарнизон можно было использовать не весь, так как некоторые части были ненадежны. Сергей Миронович сам руководил этой борьбой. Все нити стекались к нему, и из его кабинета шли все распоряжения о посылке сил на тот или другой участок, об оружии и т. д. Положение было тяжелое. Если нам удавалось прорвать кольцо в одном месте, то очень быстро кольцо это сжималось снова. У нас нехватало сил, чтобы бросить их сразу в несколько пунктов.

Тогда Сергей Миронович выдвигает мысль — разрушить белогвардейский штаб. «Это создаст панику среди белогвардейцев, — говорил он, — и даст нам возможность наступать дальше, чтобы разбить их окончательно».

Но как добраться до штаба? «Эту задачу может разрешить только артиллерия,— говорит Киров,— причем надо произвести это таким образом, чтобы не пострадало мирное население. Нужен опытный наводчик. Чем меньше жертв в этой борьбе понесет мирное население, тем легче сумеем мы залечить раны, которые наносит нам выступление белогвардейцев», — добавил Сергей Миронович.

Кто-то рассказал Сергею Мироновичу, что в Астрахани есть один старый артиллерист, очень хоро-

ший (к сожалению, сейчас я забыла его фамилию), но он ведет себя очень странно, стоит в стороне от происходящей борьбы и сильно пьет. Когда его спрашивают: «За кого ты — за белых или за красных?» он отвечает: «Пусть подерутся хорошенько, тогда я увижу, к кому мне пристать». Киров сказал только одно: «Пришлите его ко мне». Артиллерист явился очень быстро. Всего разговора с ним Кирова я не слыхала. Я вошла в кабинет в тот момент, когда они уже прощались. По их лицам было видно, что они довольны друг другом: они трясли друг другу руки, и их лица сияли; Сергей Миронович говорил: «Значит, так и сделаешь...» Старик ему отвечал: «Ну, Сергей Миронович, раз я сказал, значит, так тому и быть...»

Часа через два мы услышали два пушечных выстрела; эти выстрелы почти снесли дом, в котором помещался белогвардейский штаб. Соседние дома были повреждены немного. Предположения Кирова блестяще подтвердились. Гибель штаба немедленно вызвала панику в белогвардейских рядах, наши отряды прорвали кольцо и смяли ряды белогвардейцев.

Они бежали в панике.

После этого Киров поставил вопрос перед ЦК партии о чистке астраханской организации партии. Тогда практики чистки партии еще не было. Но этот вопрос был им поставлен потому, что белогвардейское восстание и трусость некоторых коммунистов показали, что в рядах астраханской организации есть засоренность, что в партию проник классовый враг.

Киров все время интересовался ходом чистки, выслушивал сообщения о том, как она проходит, кто действительно оказывается недостойным носить звание члена партии. И давал указания, как провести чистку таким образом, чтобы она дала более положительные результаты, как наладить работу так, чтобы укрепить партийную организацию.

Н. Колесникова

Враг не дремал. В Астрахани, окруженной белогвардейщиной, исподтишка работали меньшевики; они старались разложить армию, настроить против советской власти население. Меньшевистская провокация расползалась по городу, как гной. Меньшевики проникали на заводы и ткали там свою паутину.

Я работал инструктором по механизмам эсминцев на заводе при военно-морском порту. От нашего завода зависел ремонт волжских судов; бронированные пароходы тогда представляли немаловажную силу на Волге. Также военизированы были заводы бывшего общества «Мазут», бывшего Восточного общества и т. д. И вот меньшевиствующая сволочь избрала полем своего действия эти заводы. Меньшевики проникли и в профсоюз; устраивали собрания рабочих, разжигали злобу против большевиков.

— Что они вам дали? — напевали меньшевики.— Тиф? Голод? Хлебный паек в полфунта?

Среди отсталых рабочих появились меньшевистские сторонники. Спровоцированные социал-преда-

телями, они выбросили лозунг: «Прибавьте нам паек — или бросаем работу». Надвигалась гроза самой настоящей забастовки. Провокаторы сновали между станками нашептывая:

— Хлеба у большевиков много, только они не дают его, хотят заморить рабочий люд. Бросай работу!

Тогда приехал к нам на завод Сергей Киров. Он вошел в цех; гимнастерка аккуратно опоясана широким военным ремнем, на голове красноармейский шлем. Прошел между станками, остановился возле одного из рабочих. Запросто подал руку... Вокруг Сергея начали собираться, но смотрели на него недоверчиво, угрюмо. Через пять—десять минут в цеху были уже все рабочие завода.

Когда Киров заговорил, наступила полнейшая тишина.

Киров говорил о натиске врага, об отолтелой белогвардейщине, об обороне Астрахани, о провокации меньшевиков, этих приказчиков буржуазии, о пролетариях революционного Питера, которые отрывают от своего пайка и отдают последние осьмушки хлеба Красной армии, а сами идут в бой.

— Я не верю тому, чтобы вы поддались провокации меньшевиков. Вы, коренные пролетарии...

Я слушал Кирова и чувствовал мурашки на спине. Хотелось крикнуть: «Правильно, товарищ Киров!» Краска стыда заливала лицо, к горлу подступал комок. Как мы допустили, что меньшевики — наши злейшие враги — сумели взбудоражить отсталую массу? Чувство стыда, позора охватило почти всех рабочих. Я видел, как многие из тех, которые

еще час тому назад говорили о прекращении работы, теперь не знали, куда спрятать глаза от товарищей.

И рабочий коллектив наш вынес постановление — дать самый жестокий отпор провокаторам-меньшевикам. Мы стали работать и в неурочное время, без всякой платы, лишь бы только помочь Красной армии одолеть врага.

Сергей Миронович потом часто к нам приезжал. Не в кабинет к директору, а в цеха, к рабочим. Плечистый, полный энергии, энтузиазма.

— Ну, как с ремонтом, товарищи?

Вопрос обычный. Но в нем много смысла. Советской Волге нужны эсминцы — боевые суда. Эсминцы делают чудеса. Эсминцы гонят прочь врага. Вопрос Кирова усиливал наши темпы.

В. Штибен

Нефтеналивную баржу «Золотая рыбка» мы превращали в батарею № 2.

Работали днем и ночью. Это использовали контрреволюционеры. Они уговорили рабочих судоремонтного завода отказаться от работы.

Тогда к нам приехал Сергей Миронович.

Встретили его холодно, почти враждебно. Но речь его, такая жесткая и колючая по своей прямоте, яркая по содержанию, простая и убедительная, зажгла всех присутствующих. Сила этой речи повела за собой всех рабочих.

Сергея Мироновича проводили долгими аплодисментами.

Ф. Игнатов

АСТРАХАНИ НЕ СДАДИМ

Когда Троцкий дал приказ оставить из стратегических соображений Астрахань, Киров ответил: «Астрахани не сдадим». Тогда Троцкий через нашу голову дал распоряжение начвосо и другим начальникам управлений армии об эвакуации.

В то же время Кирова и меня отзывают по приказу Троцкого из Астрахани и дают назначение в 9-ю и 10-ю армии, несмотря на протест Раскольникова, командующего Каспийским флотом.

«Считаю такую политику близорукостью, по своим результатам граничащей с предательством точка Если Реввоенсовет Республики стоит на точке зрения обороны Астрахани во что бы то ни стало до последней возможности, то настоятельно прошу оставить в Астрахани Кирова и возвратить из Козлова Бутягина точка», — телеграфирует Раскольников в Реввоенсовет, копия Ленину. И тогда же Киров посылает меня к Ильичу с докладом.

Ильич отменяет распоряжение Троцкого об отозвании нас и приказывает немедленно возвратиться в Астрахань. На докладе, написанном Кировым, он пишет: «Оборонять Астрахань до конца».

Ю. Бутягин

С падением Царицына астраханский район, удаленный от жизненных центров молодой советской республики, оказался совсем в кольце белых армий и белого флота.

Пошли разговоры, что держаться дальше бессмысленно.

Троцкий прислал директиву: «Сдать Астрахань— начать эвакуацию».

Часть местных работников была согласна со ставкой Троцкого на эвакуацию и сдачу Астрахани. Настроение рабочих было подавленное. Эвакуация частично началась — ценности были вывезены в Москву. Готовились к эвакуации флота и заводов. В райкоме водников я слышал, как рабочие обсуждали слова Кирова, который сказал: «Мы не сдадим Астрахани! Надо готовиться к отпору, организовать партизанские рабочие дружины».

Грешным делом, и я призадумался. Иду по улице, а навстречу Киров.

— Мироныч, — говорю я ему, — я слышал, вы собираетесь эвакуироваться?

— Что ты, чудак, куда эвакуироваться? — похлопал он меня по плечу. — Есть кое-какие установки в этой части, но много не распространяйся, так, проба будет. Иди, — говорит. — крути, подбирай, организуй партизанские отряды.

Я повеселел сразу: такая энергия и решительность были в его словах.

Приступили к организации партизанских отрядов. Троцкий шлет приказ: «Снять Кирова», а в это же время телеграмма от Ильича — он поддержал нас и требует сохранить Астрахань во что бы то ни стало. Киров срочно собрал узкий актив коммунистов — ответственных работников. Вынесли решение — Астрахань ни в коем случае не сдавать. Киров поставил вопрос так: «Астрахани не сдадим. Все здесь умрем, но Астрахани не сдадим!»

М. Аристов

ИХ МИРОНЫЧ ВООДУШЕВЛЯЛ

Летом 1919 года на фронтах, растянувшихся около Астрахани, был ряд неудач. Человек, не умеющий здраво смотреть вдаль, не умеющий разбираться в обстановке, впал бы в панику, как впали в панику некоторые астраханские товарищи. Но Киров в короткий срок сумел так поставить оборону Астрахани, что город оставался всегда нашим, советским городом.

Не забыть собрания в Зимнем театре. После выступления Кирова не было, кажется, ни одного человека, который не загорелся бы желанием немедленно итти на фронт. В коридорах театра образовалась очередь товарищей, записывающихся на фронт. Наутро уже были созданы роты из рабочих рыбных промыслов и других промышленных предприятий. Он так умел говорить! Нельзя сказать, что его речь была какой-то ученой. В том-то и весь секрет речей Мироныча, что они были очень просты. В своих докладах он всегда приводил примеры из жизни. Если говорил в Астрахани, то приводил примеры из жизни астраханских рабочих.

В. Боганов

Голосом, полным революционной страсти, глубочайшей веры в торжество социализма, призывал он всех честных пролетариев дать сокрушительный отпор обнаглевшему врагу. И тут же Мироныч рассказывал о расстрелах рабочих и крестьян, об издевательствах золотопогонников над рабочими и спрашивал: «Кто из вас при этих известиях не за-

горится священной и пламенной ненавистью к смертельным врагам рабочих и крестьян? Кто из вас останется спокойным и станет в сторонку, наблюдая, как истекают кровью героические рабочие и крестьяне в борьбе с помещиками и капиталистами?» И все слушавшие эти слова давали торжественную пролетарскую клятву — отдать свою жизнь до последней капли крови за советскую власть, за социализм.

И действительно, шли и добивались перелома на фронте.

М. Баринов

Немало ярких, горячих, возбуждающих энтузиазм речей произнес Сергей Миронович перед астраханскими рабочими.

Помню, получили мы манифест, выпущенный I конгрессом Коммунистического интернационала. На громадном митинге в городском театре выступил Сергей Миронович.

Держа в руке манифест, он вышел на трибуну.

— Мы сейчас ведем отчаянную борьбу,— говорил он, — возможно, что в этой борьбе у нас будет еще много поражений. Но одно можно с несомненностью сказать, — сказал он, поднимая манифест, — что вот этот документ будет жить вечно... что Коммунистический интернационал, организованный в огне пролетарской борьбы, из года в год будет укрепляться. Как бы нам тяжело ни было, возможно, что в некоторых местах мы вынуждены будем опять пойти в

глубокое подполье, но Коммунистический интернационал, который заложен в Москве, будет расти; под его знамена будет становиться все больше и больше людей, и, несмотря ни на какие трудности в борьбе, он победит.

Н. Колесникова

Я слышала, как красногвардейцы оживленно обсуждали речь Кирова после собрания.

— Вот так резал! — говорил один.

— Вот так слова, сами проникают в душу! — говорил другой.

А муж мой — он тогда работал в Астраханской крепости — на другой день сказал мне:

— Вот так Сережа! Сегодня к нам в ячейку записалась чуть ли не половина красногвардейцев.

На третий день мой муж пришел еще более сияющий:

— Сегодня к нам в ячейку подали еще пятнадцать заявлений.

И часто потом муж мой рассказывал мне о Мироныче, какой он был неутомимый работник. Везде-то он успевал, везде-то он оказывал нужную поддержку.

Как-то совсем близко от Астрахани шел бой. Три дня и три ночи не смолкал грохот пушек и пулеметов.

Только на четвертые сутки пришел муж домой, измученный, но веселый духом:

— Ну, дай мне поесть да пойдем со мной. Сегодня Киров проводит собрание металлистов.

Помещение было переполнено. Речь Кирова бушевала, как грозная волна. Он упрекал некоторых рабочих за то, что они поддались влиянию меньшевиков. Он говорил, что Красная гвардия и честные рабочие, кому дорога свобода, сумеют отстоять то, что взяли. Он говорил, что русский мужик долго терпел, но если его заденут за живое, тогда не проси пощады, он сумеет разрушить все преграды. Он говорил, что наш Ленин, наша партия борются за то, чтобы рабочие и крестьяне жили без угнетателей и эксплоататоров.

После собрания мы с мужем очутились с товарищем Кировым вместе.

Когда шли, я его спросила:

— Долго ли вы будете подвергать себя опасности?

А он отвечает:

— До тех пор, пока или победим или погибнем. Но погибнуть мы не собираемся.

— Да, хорошо так рассуждать, — сказала я ему, — а вот если, например, убьют моего мужа, что я буду одна делать с ребенком?

— Стыдитесь, товарищ Денисова! — ответил он. — Если убьют вашего мужа, то есть ленинская партия, она поможет вам воспитать ребенка, отец которого погиб за дело великой революции. А мы боремся и будем бороться за то, чтобы миллионы наших ребят не переживали того, что мы.

М. Денисова

Когда англичане потопили часть нашего флота в Александровском форту, все моряки, что были в

Астрахани, прямо озверели. Сабуров, командир той части кораблей, которую мы оставили в Александровске, просил помощи у Сакса, командующего Волжско-каспийской флотилией, но Сакс, мотивируя тем, что погибнут и те, кого он пошлет, помощи Сабурову не оказал. Поэтому, когда на крейсер «III интернационал» привезли раненых, там поднялось что-то невообразимое.

Матросы, как звери, никого не хотели признавать. Сакса арестовали. Появились агитаторы, которые призывали матросов считать себя свободными от руководства большевиков и немедленно итти воевать с англичанами.

«III интернационал» так и кипел, так и бурлил. И вдруг на маленьком истребителе приезжает к ним Мироныч. С ним Мехоношин.

Но матросы даже их не хотели пустить на корабль. Мироныч говорит:

— Ребята, мы же без оружия, чего вы нас боитесь?

Смело входит Мироныч на спардек и об'ясняет, почему произошла эта катастрофа. Авторитет его был так велик, что моряки тут же успокоились.

Они ему сказали:

— Раз ты, Мироныч, говоришь так, значит правда, мы тебе верим!

Слова Мироныча были для всех законом.

Отступившая в Астрахань 11-я армия сохраняла еще много остатков партизанщины. Она имела вы-

борный комсостав, за ней двигались громадные обозы, женщины с детьми и скарбом.

Мне несколько раз приходилось слышать разговоры Кирова с выборными командирами этой армии. Киров говорил им, что 11-я армия будет переформирована и вместо нее будут созданы регулярные красноармейские части. Волнуясь, командиры возражали, говорили о заслугах армии, о том, что масса идет за ними, потому что сама их выбрала, что иначе они не сумеют работать. Чутко, ласково подходил к каждому из них Киров. Он убеждал их, что теперь с врагом, которым руководит международный капитал, нам уже нельзя бороться методами партизанщины, что нам нужна организованная армия.

И в каком бы состоянии человек ни приходил к Сергею Мироновичу, он уходил от него успокоенный, убежденный в том, что именно так нужно поступать, как он говорил.

Н. Колесникова

Умел он работать не только сам, но и заставить работать всех, кто с ним сталкивался. В Астрахани работал крупный специалист-нефтяник. И этот человек, чуждый нам, работал для нас, как наш. Это сделал Мироныч, который умел подойти к каждому человеку. Этот специалист помог нам добывать жидкое топливо. Из ям, в которых хранились когда-то нефть и мазут, мы выгребали грязь и нагревали ее. Отходящий мазут собирали в ведра. Собрали несколько тысяч пудов в две маленькие баржонки.

Но над нами висела угроза, что две-три английские бомбы в эти базы лишат нас последних запасов нефти. Тогда Киров забронировал эти две баржи за собой, поставил на них особо доверенных людей. И два, три, четыре раза в день эти баржи меняли свое местонахождение. Место остановки барж указывал сам Киров.

Бензин в то время был для нас, что воздух для здоровья человека. Поэтому Киров все время придумывал различные способы перевозки бензина из Баку.

В. Боганов

У нас было всего несколько старых самолетов. «Гробы», как мы их называли. Но и они не летали: не было бензина. Англичане же до того обнаглели, что летали над Астраханью на небольшой высоте, сбрасывая бомбы, прокламации. Аэропланы летали так низко, что я видел, как летчик показывал нам кулаки. От английской бомбы у нас сгорели ангары.

По предложению Мироныча, создали смесь из спирта и еще какого-то материала, которым и стали заменять бензин.

И вот однажды вылетел наш аэроплан навстречу двум или трем неприятельским аэропланам. Наш аэроплан сразу можно было отличить от неприятельского, потому что сзади него вился длинный густой хвост дыма. Ведь он работал на грязи! Все население вышло смотреть на развернувшийся бой, который происходил над городом. И что же? Нашему летчику все-таки удалось прогнать неприя-

тельские аэропланы. Одна машина была захвачена. После этого неприятельские налеты стали реже, и англичане так смело у нас себя уже не чувствовали.

Чтобы достать бензин, Киров предложил провести один рискованный «эксперимент»: на небольшой лодке-рыбнице переправиться по Каспийскому морю в Баку. Нашлось несколько преданных и отважных молодых смельчаков, которые и отправились в Баку.

Сергей Миронович детально рассказал им, где достать бензин.

С исключительными трудностями, после целого ряда злоключений они возвратились, привезли бензин.

С той поры часто стали ребята ездить в Баку. Попадались они врагу, враг обливал их лодки бензином и зажигал, как факелы в море. И все-таки ездили и опять и опять снабжали не только все фронты Астрахани, но и посылали на другие фронты.

Их Мироныч воодушевлял.

И. Бабкин

Мироныч в совершенстве владел техникой работы в подполье и всех ребят обучал мельчайшим деталям: как нужно вести себя в тех или иных случаях, как нужно прятать документы, что предпринять, если их будут находить, и т. п.

Из его школы вышли такие ребята, как Дудин, как Ульянцев, которые с необычайным героизмом возили из Астрахани в Баку и обратно на рыбац-

ких лодках бензин и подпольную литературу. Этих людей Сергей Миронович воспитал так, что за дело революции они не боялись сгореть или быть расстрелянными.

Как-то ночью принесли Кирову в штаб радиограмму из Баку. Неизвестный человек передавал планы белогвардейцев и английских интервентов, которые занимали в то время Баку. Сначала не верили, думали — провокация. Проверили через подпольную партийную организацию — оказалось верно.

С той поры Мироныч стал заядлым радистом.

Целые ночи проводил он на Астраханской радиостанции, терпеливо ожидая вызова Баку. Радио помогло ему наладить четкое руководство подпольной бакинской организацией. Потом он послал в Баку еще работников, которые устроились работать на радиостанции.

Торжествующе-победно выглядел Мироныч после удачных переговоров по радио... С увлечением рассказывал он о том, как удалось получить информацию и передать указания.

К. Мехоношин

В КАБИНЕТЕ ПРЕДРЕВКОМА

Медленно, в десять-одиннадцать часов вечера снова шел Мироныч в штаб 11-й армии, в свой кабинет. Здесь в соседней комнате его уже дожидались или подходили к двенадцати-часу ночи рабочие.

Штаб затихал в это время, и только в кабинете Мироныча всегда горел свет: там продолжалась работа.

Здесь все было исключительно конспиративно и походило на работу партийного комитета или военно-технической группы 1904 года. Сюда приходили люди по явкам, паролям с той стороны прифронтовой полосы, от партизан Кизляра, Чечни, от Гикало из Петровска, от Анастаса Микояна, работавшего в Баку, в подполье. Приезжали бакинские рабочие на рыбницах, на лайбах парусных с двойными бортами и днищами и привозили сотни плоских жестянок с авиационным бензином, так нужным для наших фронтовых самолетов. Рабочие Биби-Эйбата, горцы из Петровска переодевались, получали паспорта рыбаков, капитанов. В рыбницу доверху они накладывали рыбу, а в двойное дно бочки или в двойное дно лайбы — сотни тысяч царских рублей, необходимых для подпольной работы в Баку, для закупки оружия, выкупа или устройства побегов арестованных товарищей. Пересылались за фронт и оружие, и деньги, и люди, мобилизованные ЦК партии. «Нам нужно иметь не только красный фронт, но в придачу ему и красный тыл»,— не раз повторял Сергей Миронович.

В этот же кабинет к Кирову пришло шифрованное радиодонесение, что Деникин направил в Гурьев через Александровский форт, через Каспий, на пароходе «Лилия» большую группу белых офицеров своего фронта с генералом Гришиным-Алмазовым во главе. Эта группа была отправлена к Колчаку

с военно-стратегическими планами об'единенных действий против наших фронтов.

Ночью Мироныч на боевом судне вместе с комфлотом Раскольниковым взял на абордаж их судно. Рано порадовался Деникин, выпустив прежде времени манифест о том, что в районе Баскунчака — Черного Яра — Царицына соединились для совместных действий руки Деникина и Колчака, протянутые через Волгу. Этому не суждено было сбыться.

Ю. Бутягин

Дал Киров мне задание—организовать разведку. Я свой человек в Уральских степях был: узнать или что-нибудь пронюхать мне легче других было. Киров мне и сказал:

— Слушай, Аристов, надо пустить щупальцы, узнать, чем дышат уральские казаки, как идет в степях дело.

А у нас в коммунарах были и киргизы, и татары, и калмыки, и ногайцы, и туркмены — все кто угодно. Уговорились. И вот эти ребята организовали целую сеть своей агентуры через калмыков, через татар, через киргизов. И эти щупальцы проникли в самую Киргизию. Мы получали массу нужных сведений. По всем станицам были наши люди, которые, используя дезертиров, умели доставать ценные документы и материалы.

Поставив эту тайную разведку, как нас учил Киров, мы сумели не только получать сведения, но и раскрывать контрреволюционные организации. Так, в самый тяжелый момент, когда казачьи раз'езды

прорывались под Астрахань около Дурновской станицы, мы раскрыли большую контрреволюционную организацию по станицам.

По его предложению мы разослали казакам раз'яснительные, агитационные письма, после которых часть казаков, примкнувшая к белым, вернулась домой.

М. Аристов

«Весьма секретно

Москва, Арбат, Денежный переулок, 5. Файнбергу и Каспарову.

Срочном порядке отправить в Астрахань курьером с ручной кладью летучки и брошюры:

Английские — «Стыдно быть штрейкбрехером», «Понимаете ли вы, что делаете?», «Почему вас не посылают домой?», «Правда об интервенции».

Персидские, армянские, индостанские, азербайджанские, возможно большем количестве, причем 100 экземпляров каждой листовки должно быть напечатано на папиросной бумаге.

Файнбергу написать срочно на темы: «Член вы профессионального союза?», «Протест английских рабочих против помощи белогвардейцам». Также специальные летучки для Персии и английским солдатам с раз'яснением, что они являются резервом для уничтожения русских рабочих и почему не посылают их домой.

Приложить брошюры общего характера для пропаганды и всевозможные рукописи для публикации летучек в самой Астрахани.

Присылке новых товарищей пока не нуждаемся. Работа предстоит большая, пойдет при поддержке местных работников.

Завпопитотделом КИРОВ».

11/VI 1919 г.

НА ЛИНИИ ОГНЯ

21 сентября 1919 года белые пошли в ожесточенное наступление между Черным и Капустиным Яром, в районе Старицы под Владимиркой. Моя часть была опрокинута к Волге.

В беспорядке бегали бойцы по берегу, бросали в Волгу оружие, имущество и плыли по быстрому течению Волги, перебираясь на другую сторону. Белые в упор садили в нас. Была самая настоящая паника. Сдержать панику не было возможности.

Вдруг я заметил, что со стороны Черного Яра от пристани «Петропавловск» двигаются два крупных баркаса серого цвета. Мы решили, что это бронированные машины белых. Паника еще более усилилась. Ближе и ближе подвигались суда. Читаем название судов: «Коммунистка», «Товарищ Маркин». Я невольно начал кричать ура и бегать по берегу, не обращая внимания на сыпавшиеся вокруг снаряды.

Не мешкая ни минуты, баркасы открыли огонь из орудий по противнику.

На берег с баркаса слез неизвестный мне человек среднего роста с небритым лицом. Фигура твердая, взгляд серьезный, решительный.

— Кто начальник участка?

— Я, — ответил я приехавшему.

— Я член Реввоенсовета 11-й армии, Киров, приехал помочь вам.

— Киров... Киров... да... да... я слышал.

Я не мог от волнения вначале ничего связно рас-

сказать. Пули свистят, снаряды грохочут. Обрисовываю положение поспешно и порой несвязно, а он, то поднимая, то сводя глубокие складки на лбу, внимательно слушает и, как видно, концентрирует план в своей голове.

Мироныч взял меня за плечо, сказал:

— Понятно... Пойдем, дорогой мой, медлить ни одной минуты нельзя, я буду говорить с бойцами.

— Товарищи бойцы, вы славные, несравненные герои. Вы устали, измучились, но никогда не позволите, чтобы ваше измученное тело досталось на растерзание белым шакалам. Враг силен, но и труслив. Стоит вам сделать еще одно решительное наступление — и победа будет за нами. Вам идет подкрепление, через несколько часов вас сменят. Но позицию отдать врагу — это подобно смерти. Я буду с вами и приму меры наибыстрейшей помощи. «Маркин» и «Коммунистка» не дадут врагу подойти и это будет верным вашим прикрытием.

Голос Мироныча звучал уверенно, сильно. Зашумела толпа, бросилась к оружию. Об'единялись в отряды и переходили в наступление. Под давлением нашего артиллерийского огня враг замолчал.

— Вот вам результат первых шагов нашей победы. Огонь белые прекратили. Товарищи бойцы, вперед за революцию, за победу!

Уже охрипшим голосом говорил Мироныч. Мы стали напирать на белых.

Бои были страшные. Враг упорно держался по нескольку дней на одном клочке земли. Изнемогали

красные бойцы, но везде они видели уверенную коренастую фитуру Кирова.

Он спокойно распоряжался.

Он с братской теплотой глядел на бойцов.

Он гневно вел нас на врага.

Белые ряды дрогнули, начали отступать. Белобандиты в панике сдавались в плен, бежали, отдавая без боев селение за селением.

Долго командиры и бойцы Красной армии говорили:

— Если бы не Киров, белых под Астраханью никогда бы не разбить. Ну и человек, ну и Киров!

Б. Атаманов

Осень 1919 года. Враг грозной лавиной приближался к Астрахани.

Мы были в кольце. С юго-запада нас теснило терское и кубанское казачество под командой генерала Покровского. С моря из Петровска грозил флот англичан; английская воздушная эскадрилья сбрасывала бомбы над Астраханью, наводя панику на мирное население. С юго-востока по берегу Каспия наступало уральское и астраханское казачество под командой генерала Толстого.

С севера от Царицына донские казаки под командой генерала Улагая уже окружили Черный Яр. На северо-востоке Колчак уже выпускал воззвания, где призывал казаков об'единиться с деникинцами и свергнуть ненавистное иго большевиков. Кажется, что нет выхода. Но Киров находит его. Бороться — вот его решение. И отдается приказ: «Наступать!»

Мы повели наступление двумя боевыми колоннами.

Одна двинулась от Астрахани во главе с молодыми командирами-курсантами по побережью Каспия через ерики — тысячи мельчайших рукавов и притоков Волги. Здесь в ужасную осеннюю распутицу, где по спешно построенным мостам, где в лодках, где вброд, по колено и по пояс в воде и в тине, шли наши люди. В районе Ганюшкино десять дней шел непрерывный бой, мы теснили противника к Каспию.

От Волги сверху шла другая колонна — отряд моряков под командой Кожанова. Это Миронычу принадлежала мысль о передаче отряда в распоряжение армии, и он договорился об этом с Ф. Ф. Раскольниковым. Это Мироныч предложил выгрузить отряд за девяносто верст до Астрахани в степи, пустив на удар по тылу противника на Ганюшкино — базу белоуральцев генерала Толстого.

За два дня отряд этот сделал замечательный переход и зашел в тыл противника. Там, соединившись с астраханской частью, Кожанов сбросил противника в море. В море стояли суда интервентов, но они были беспомощны. Каспий здесь не имеет бухт. Суда вынуждены останавливаться на расстоянии двух-трех километров от берега. Произвести десант тоже невозможно. Железное кольцо красноармейцев и моряков, сжимаясь, гнало противника прямо в море. И жалкие остатки белых, не пожелавших сдаться, бросались в воду, пытаясь добраться до английских судов.

Ю. Бутягин

Белые наступали на Алю (восемнадцать километров ниже Астрахани). В этот момент в Алю приехал в автомобиле Киров. Раз'езжая по побережью, он поднимал дух Красной армии, сколачивая бойцов, выступая на десятках собраний.

Армия пошла в наступление. Белые были отброшены от подступов к Астрахани. Однако кругом по побережью бродили банды, и ехать в Астрахань на автомобиле было опасно.

Наш теплоход «Киргиз», входивший в состав военной флотилии 11-й армии, в это время находился в Але.

Сергей Миронович решил перебраться в Астрахань на «Киргизе».

Был ноябрь. Мороз четырнадцать градусов. Волга покрылась льдом. Пошли. Но вдруг на теплоходе забило льдом водяной ящик. Остановились. Что делать? Сергея Мироновича ждала в Астрахани неотложная работа. Люди, находившиеся вместе с ним, видя в этом измену с моей стороны, угрожали мне револьвером. Спокоен был только Киров. Он знал, что я не виноват. Остановил товарищей. Наконец я жезлом пробил отверстие. Лед из ящика был удален. Пошла вода. Теплоход тронулся, проламывая волжский лед.

Сергей Миронович сразу стал веселым, пил чай, шутил с капитаном.

Команда нашего теплохода была надежной опорой обороны Астрахани. Мы быстро доставили Кирова в астраханский Кремль для новой боевой работы.

Н. Гулин

АСТРАХАНЬ ОСВОБОЖДЕНА — ОТБИТЬ КАВКАЗ

«Москва, ЦЕКА партии, СТАСОВОЙ, ЛЕНИНУ.

Копия — Реввоенсовет Республики. Копия Ростов, ГЛАВОХР, МЕХОНОШИНУ.

1 декабря 1919 года.

ВОЕННАЯ СРОЧНАЯ

Части 11-й армии спешат поделиться с вами революционной радостью по случаю полной ликвидации белого астраханского казачества.

Свыше полугода назад по устью Волги и по побережью Каспия свилось гнездо контрреволюционного казачества. Прекрасно снабженное всем необходимым господствовавшими в Каспии бандитами английского империализма, оно представило весьма серьезную угрозу красной Астрахани и получило задачу — запереть великую советскую реку и взять Астрахань. Нужно было положить раз и навсегда предел такой дерзости, и ныне это выполнено.

После основательной подготовки 18 ноября части нашей армии повели решительное наступление в указанных районах. Чрезвычайно тяжелая географическая обстановка не могла явиться препятствием для самоотверженных красноармейцев и военных моряков. После непрерывных боев противник в районе Ганюшкино был крепко прижат к Каспию, а сегодня ему был нанесен окончательный удар, смертельно сокрушивший белое астраханское казачество. Части его, бившиеся против социалистической России в районе Царева, исчезли бесследно, похоронив свои остатки у хутора Букатина. Втечение десятидневных боев нами взято свыше пяти тысяч пленных, из них сто семнадцать офицеров, около шести тысяч винтовок, сто двадцать восемь пулеметов, двадцать три орудия, два миллиона патронов, несколько тысяч снарядов, радиостанция, шесть гидропланов, громадные обозы и прочее. Таким

образом, враги рабоче-крестьянской России потеряли еще одно звено — астраханское казачество. Передовые части 11-й армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут свою мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу.

№ 752 Член Реввоенсовета С. КИРОВ».

Мы перешли в наступление. Когда в наши руки стали попадать многочисленные пленные, Сергей Мироныч, выслушав мой доклад по проводу, дал следующую инструкцию:

«Предлагаю вам отобрать наиболее подходящих по социальным данным пленных, трудовых казаков и крестьян и не отправлять их с остальными в тыл. Ведите с ними собеседования, раз'яснительные разговоры, агитируйте их, будьте с ними, с этими людьми, одураченными генералами, возможно теплее и человечнее. Поверьте, они быстро разберутся в истине и немало пользы впоследствии принесут нам».

Очень скоро почувствовалось, как верно поступил Мироныч, рекомендуя этот метод работы. Когда, сбив врага, мы двинулись на Ставрополь и в казацкий Терек, то в ряде станиц нас далеко за околицей хлебом и солью встречали трудовые казаки. Впереди их шли отпущенные нами пленные, успевшие до прихода красных распропагандировать свои станицы.

Дробно стрекочет прямой провод, соединенный с Астраханью, с Реввоенсоветом. Ровно ложатся черные буквы, и слово за словом мчатся фразы, передавая товарищу Кирову последние зафронтовые но-

вости и сводки, привезенные через пески. Несмотря на позднюю ночь, у провода сам Киров. Его чрезвычайно радуют новости, полученные из-за рубежа.

Не прибегая к записям, он буквально на память знал все явки, места, отзывы, имена, силы и действия многочисленных наших подпольных организаций в белом стане. Здесь сказалась его многолетняя работа старого подпольщика и революционера. За все время совместной работы я не знаю случая, чтобы Мироныч хотя бы раз ошибся или спутал, давая те или иные инструкции, или забыл хотя бы один свой приказ. Каждый свой приказ он всегда проверял, выполнен ли он и как.

Из-за фронтовой полосы в Яндыки пришли товарищи, прошедшие мимо постов и отрядов белых. Это «камышане», наши товарищи, сидящие в камышах под Кизляром, в плавнях и разливах Терека. Через четыре дня они ушли в обратный путь, увозя с собою приказы, письма и инструкции Реввоенсовета, пулеметы и даже одну легкую конно-горную пушку. Когда камышане и их руководитель, старый ловец и охотник Сибиряк попросили для отряда пушку, штаб Экспедиционного корпуса был в недоумении. Как можно дать орудие? А Сибиряк настаивал. Он обещал доставить горняшку в целости и невредимости бойцам в камыши. Тогда я вызвал к проводу Мироныча и передал ему дискуссию о пушке и о наших сомнениях: Киров засмеялся:

— Дайте им пушку. Они ее довезут, будьте уверены, — сказал он.

Мы дали. И через несколько дней получили от агентуры сведения, что камышане с пушкой благополучно добрались до отряда. Как вытянулись изумленные лица белогвардейцев, когда в день совместного удара на Кизляр из камышей грянули первые орудийные «приветствия» этой «горняшки».

Каждую ночь я, наштакор и комкор вели долгие разговоры по проводу с Астраханью. Киров и командарм ни на минуту не забывали нас. Самое маленькое, иногда кажущееся мелочью, наше требование удивительно точно удовлетворялось Реввоенсоветом. Это бодрило и поднимало уверенность в победе.

И вот однажды ночью вызвали меня к прямому проводу. Киров приезжает к нам, чтобы лично ознакомиться с проделанной работой, с положением на фронте. Всю ночь провели без сна. Вся наша корпусная несложная машина пришла в движение. И штаб, и его отделы, и подив, и покор спешно готовились к приему дорогих гостей.

В одиннадцать часов дня Киров прибыл в Яндыки. Мироныч умно и тепло говорил со всеми работниками и бойцами корпуса. И для крестьян, и для бойцов, и для военных специалистов — для всех у него нашлось свое особенное, кировское слово.

Вечером, после об'езда фронта и доклада комкора, Киров выступил перед бойцами. Когда он сурово и эпически спокойно рассказал о том, как в этих проклятых песках под вой метели легли полузасыпанные, наспех схороненные кости наших погибших братьев, товарищей и друзей, о том, как тяжело и

горько было нам, бойцам 11-й армии, уходить с Кавказа, из родных мест, от жен и ребятишек, оставляя их на произвол и насилие белых, о том, как бились мы, голодные, в тифу и холоде, отходя от родимых мест, — никли, чернели, наливались тоской и местью горячие, хмурые лица слушателей. Как живые, вставали знакомые картины оставленных нами хуторов и станиц. Поднимались в памяти разбуженные родные лица и образы...

Бойцы шумели, волновались. И один из них, кубанский казак из 37-го полка, вскочил, взмахнул рукой и крикнул на весь притихший зал:

— Вперед, братва! Даешь Кавказ!

Переполненная бойцами школа, где проходил митинг, ответила ему таким громовым и ревущим криком: «Даешь Кавказ!», что пламя висячих ламп дрогнуло и всколыхнулось к потолку, а к дверям школы метнулись перепуганные крестьянки, не понявшие причин такого оглушительного рева. С изумлением глядели они на сотни возбужденных, кричавших и жестикулировавших людей.

И вдруг все внезапно смолкло. Сквозь ревущий вой голосов строго пробилось еле ощутимое:

«Вста-а-авай, про-клятьем за-клейменный!..»

Это Мироныч, стоя у простой, самодельной рампы, сквозь шум и рев толпы запел первые слова «Интернационала».

И вся взволнованная, бушующая, наэлектризованная масса бойцов подхватила слова своего рабочего гимна, с которым она шла сюда и под звуки которого умирали наши братья.

Хаджи-Мурат Мугуев

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Он не только умел хорошо говорить, он умел и хорошо драться.

Во время боев он всегда находился в первых рядах.

Однажды красноармейцы сказали:

— Товарищ Киров, что вы всегда летите вперед? Если вас убьют, какая же армия без командира?

Сергей Миронович, улыбаясь, спокойно ответил:

— А какой же это командир, если он всегда будет плестись в хвосте?

Ф. Козлов

Он был очень решительный и храбрый человек. Но его храбрость никогда не была безрассудной. Он всегда трезво учитывал обстановку и нас учил этому. Не забыть мне урока, полученного от Сергея Мироновича. Однажды во время мартовского белогвардейского восстания в Астрахани, когда кольцо белогвардейцев было прорвано, я решила проверить, есть ли в партийных райкомах ночные дежурства. С секретарем одного из районов часа в два ночи я поехала на маленькой тележке проверять районы. Не успела я вернуться, как мне передают, что меня зовет Киров. «Где вы были?» — встретил он меня вопросом. Я сказала, что об'езжала райкомы. «Вы что же, не знаете, какие последствия получились бы, если бы белогвардейцы вас, председателя губкома партии, подстрелили или взяли бы в качестве заложника? Вы разве не понимаете,

как вы усложнили бы наше положение? Ведь вы знаете, что еще в начале восстания белогвардейцы послали в Саратов телеграмму о том, что мы все убиты». (Действительно такая телеграмма была и в списке убитых я значилась.) «Как вы об этом не подумали?» Я действительно должна была признаться, что об этом не подумала. Мироныч говорил спокойно, но я чувствовала, как он волновался, и сгорала со стыда. «Задача руководителя,—сказал он мне тогда,—очень хорошо учитывать последствия каждого своего шага. Умереть не так трудно, мы все готовы умереть за революцию, но если нам придется умирать для торжества революции, надо свою жизнь продать подороже».

Н. Колесникова

На реке Ахтубе превосходные силы противника разбили наших. Пришлось отступать через реку. Я погрузил машину на баржу, и началась переправа. Противник бил по барже прямой наводкой. Снаряды падали рядом. Наконец один снаряд расщепил нос баржи, другой разбил корму. Я приготовился прыгать в воду, чтобы спастись вплавь. Но Киров спокойно уговаривал:

— Ничего, сейчас на машине уйдем.

И верно. Пристав к берегу, мы, невредимые, уехали в штаб дивизии.

Под Кизляром мы ночью заехали прямо в расположение противника, и наша машина увязла в зыбучем песке. Под колеса машины мы подстилали шинели, но все было напрасно: машина зарывалась

все больше. Вдруг слышим конский топот. Недалеко от нас проходил кавалерийский отряд противника. Нас было трое — Киров, Смирнов (командир 34-й дивизии) и я. Мне хотелось спрятаться под машину.

— Куда? Отойди в сторону, — тихо сказал Киров.

Слышу, они со Смирновым о чем-то совещаются торопливым шопотом. Я ушам не верю: они решили взять в плен одного кавалериста.

Помогла темнота ночи. Отряд проехал. А самого заднего казака мы встретили с двух сторон. Крепкие руки Кирова схватили лошадь за поводья. И через несколько секунд ошеломленный казак молча таращил глаза на дуло нагана, в упор смотревшее на него.

Машину пришлось оставить до утра. На рассвете ее под огнем противника вывезла артиллерийская запряжка.

Помню еще случай — на реке Куме. Там едва не погибли. Переехали по мосту и отправились в глубокую разведку. Возвращаемся обратно и видим, что отряд кавалеристов спешит отрезать нас от моста. Метнулись в сторону — там пехота. Еще мгновение — и нас совершенно отрежут от наших.

— Ходу! — командует Киров.

Я прибавил газу. Он берется за рукоятку «Максима», и мы полным ходом рвем к мосту. Блеснули шашки, даже стукнули по крыльям нашего «фиата». Но быстроходная машина и пулемет в умелых руках Кирова выручили — мы на своем берегу.

Он часто говорил:

— Мы неоспоримо победим.

Эти слова были проникнуты такой уверенностью, что трудное становилось легким и доступным.

П. Тельных

Вся работа штаба армии протекала тогда в фронтовой обстановке. Почти как правило, нам всем приходилось жить в штабе. Работа производилась в основном ночью. Спали в кабинетах. Столовались все в общей столовой. Меню состояло из соленого судака в разных видах и порциях. Всегда спокойный, уверенный, Киров был образцом для всей армии в перенесении лишений.

Кругом был фронт. При переезде с одного фронта на другой проходили по районам, где орудовали банды.

Проезжали мы однажды в районе Ахтубы к Черному Яру. Темнота непроницаемая. Вдруг из перелеска возле дороги стрельба по автомобилю. К несчастью, автомобиль застопорил. Пока шофер возился с ним, Киров вместе с остальными членами Реввоенсовета отстреливался от бандитов.

Как-то после взятия Царицына наш автомобиль потерпел аварию. Пришлось бы много ждать, покуда придет новый. И вот, несмотря на двадцатиградусный мороз, Киров предлагает всему Реввоенсовету в полном составе погрузиться на машину. Из Сарепты мы направились в Черный Яр. Это была интереснейшая картина. Грузовик устлан соломой, все сидят, сжавшись в кучу, сверху накрытые одним большим тулупом.

Так проделали мы больше сотни километров в пургу, сквозь снежные заносы.

Киров лично занимался вопросами организации обороны железнодорожных линий бронепоездами. Спереди и сзади обыкновенных паровозов, ничем не бронированных, прицеплялись теплушки с прорезанными в них бойницами для пулеметов. Броня заменялась шпалами и мешками с песком.

Эти импровизированные поезда, изобретенные Кировым, сыграли решающую роль в обороне Астрахани от казачьих банд, производивших налеты на станции железных дорог. Они получали неизменный отпор со стороны кировских бронепоездов.

В начале марта 1920 года была сильная распутица. Реввоенсовету нужно было срочно переброситься из Астрахани в район Пятигорска. Для этого избрали самолеты. Самолеты достались нам в наследство от империалистической войны. Они работали не на бензине, а на смеси спирта с другим каким-то веществом. Лететь было опасно, но мы не имели права терять времени.

Вылетели на двух самолетах. Кроме того взяли один запасный.

Утро предвещало хороший день. Мы договорились держаться всем вместе, но вскоре потеряли друг друга из виду. Карт у нас не было. Ориентироваться было почти совершенно невозможно, так как мы летели над совершенно ровной выжженной степью. Мы нагнали самолет Кирова только в Яндыках. Приземляясь здесь, запасный самолет разбился.

Впереди предстояло еще более тяжелое путешествие. Вылетели мы из Яндыков уже на двух самолетах в четыре часа дня. От ясного утра не оста-

лось и следа. Наш самолет то проваливался в ямы, то вздымался вверх. И вдруг в районе Маныча вынужденная посадка. Мотор отказался работать. С тревогой смотрим вверх: самолет Кирова уходит от нас.

Сели мы в степи. Нигде никакого признака жилья. Двигаться дальше нельзя, продовольствия с собой нет. Единственная надежда — самолет Кирова — уже не виден. Начинало темнеть.

И вдруг с огромной радостью мы увидели, что самолет Кирова идет обратно. Он сделал один-другой круг и быстро пошел на посадку. Это был величайший акт товарищеской выручки. Посадка машины Кирова была произведена благополучно. Общими усилиями занялись починкой.

В это время нас уже накрыла ночь. Положение было тяжелое. Вокруг ни души, холодно. Вдруг из-за бугра мы увидели людей. Подошли поближе — люди убежали. Пошли за ними. Стоят калмыцкие юрты. Входим в ограду, а там целое семейство калмыков. Маленькие и большие прижались к стене, в глазах ужас.

— Не бойтесь, — говорит Киров, — мы красные.

А они кричат:

— Шайтаны, шайтаны!

Уж потом мы поняли, что они приняли нас за чертей, так как видели, что мы летели на аэропланах. В конце концов они принесли нам молока. Сперва они очень нас боялись, а потом сгрудились около Сергея Мироновича, который стал рассказывать им, какая разница между большевиками и шайтанами и что такое советская власть.

Уже поздно улеглись спать. Но только разлеглись на войлоке, как пулей вылетели из юрты: командование 11-й армии позорно сбежало от блох.

Ночью хватил морозец, но, несмотря на холод, мы уже в юрту не решались войти. На другой день мы были в Святом Кресте.

М. Василенко

В марте 1920 года нам сообщили, что вслед за наступлением войск полевой штаб 11-й армии выбрасывается вперед. Вслед за полевым штабом на самолете вылетел Киров. Самолет вел начальник авиационной базы товарищ Монастырев. За полчаса до прилета самолета я получил телеграмму немедленно выехать, отыскать площадку для посадки самолета и организовать прием. Едва я успел выбрать площадку и разжечь костер, появился самолет. На границе площадки проходила дорога, вдоль которой были подвешены телеграфные провода.

Монастырев не видит телеграфной линии и ведет самолет прямо на провода. Чувствую, что катастрофа неминуема. Нервно машу шапкой. Самолет врезается в провода. С ужасом мчусь на машине к самолету. Неожиданно лопнула камера у автомобиля. Выпрыгнув, бегу что есть силы. Вижу — навстречу идет человек небольшого роста, кряжистый, широкоплечий, снимает шлем. Крепкое рукопожатие.

— Рассказывайте, что на фронте.

Задыхаюсь, ничего сказать не могу. Киров жив. О себе и катастрофе он ни слова.

В. Воронков

ВО ИМЯ НОВОЙ ЖИЗНИ

Когда пришла весть о гибели Чапаева, Киров погнал за реку Урал генерала Толстого.

Это было в апреле 1920 года.

Загнали армию уральских офицеров и казачества в форт Александровский на берегу Каспия. Застряла она в этом форту. Драться с нею было бы долго. Могло на это уйти несколько дней.

Приказ был: «Взять!»

Несколько кораблей подошло к форту.

Сергей Яковлевич Авдонкин, балтийский матрос, член партии, откомандирован был в штаб белых, в армию генерала Толстого, для переговоров, а взял он с собой лишь ад'ютанта; на всякий случай несколько ручных гранат положил незаметно в карман.

Авдонкин сутки говорил с генералами, с офицерами, солдатами и казаками. Его спаивали и обкармливали. Он оставался трезвым и полусытым.

Он говорил одно, свое: «Сдавайтесь, потому что вам пришел конец». Его слова и аргументация раскололи остатки уральской армии, и 6 апреля, на следующий день, на берегу к ногам Авдонкина два генерала, семьдесят офицеров и тысяча восемьдесят восемь казаков положили винтовки и оружие. Шашки он им оставил, а потом через два дня сказал:

— Пусть тоже снимут, а то мешают, наверно, по ногам стукают...

28 апреля 1920 года 11-я армия входит в Баку. Бронепоезд 11-й армии под командованием Ефремова встречен на вокзале таким ревом и грохотом восторга, который передать невозможно.

Но ни часа он не потерял, большевик, военачальник и хозяйственник Сергей Киров. Он сам в тот же день разыскал годные к плаванию транспорты, сам проследил за их наливом нефтью. Он сам отправил их в Астрахань, и сам проверил их прибытие. 2 мая Астрахань получила пятьсот тысяч пудов нефти. Это был первый выразительный, практический подарок и вместе с тем донесение о том, как идут боевые действия. Военачальник ни на минуту не забывал о своих основных функциях, о том, что борьба идет во имя созидания новой, мирной жизни.

Из Баку ускользнули в Энзели многие белогвардейские суда, почти весь основной белый флот. Ударные кировские бойцы бросаются на Ленкорань, и 18 мая 1920 года действующий вместе с Кировым Ф. Ф. Раскольников вместе с кожановским матросским отрядом наносит удар по белому флоту, отрезает все пути отступления английских интервенционных войск из Энзели и захватывает весь белый флот. Там было взято до двадцати кораблей, пятьдесят орудий, двадцать тысяч снарядов, восемь радиостанций, шесть гидросамолетов, четыре истребителя, сто шестьдесят тысяч пудов хлопка, двадцать пять тысяч пудов рельсов и т. д.

Сергей Киров целиком и полностью выполнил директиву, данную ему партией.

Вс. Вишневский

В зале Бакинской оперы на широкий помост сцены вышел невысокий человек в темной косоворотке, с открытым лицом и с задорной шевелюрой темнорусых волос над широким лбом.

С первых же его слов рабочая и красноармейская аудитория уже прикована к этому скромному, простому и как-то широко доступному докладчику. На чистейшем, прекрасном, понятном и доходчивом русском языке, отнюдь не употребляя иностранных выражений, он пока спокойно повествует о положении Советской федерации. Тысяча красноармейцев настораживается, почти вздрагивает и как бы физически ощущает, когда он, усиливая голос, называет эту федерацию «огромной стопятидесятимиллионной восточной окраиной земного шара».

Он призывает «собирать каждое зернышко нашего хозяйства, заниматься кропотливой работой для того, чтобы продолжать начатое дело, помнить, что каждый камень, который мы кладем в это величайшее здание социализма, будет служить лучшей агитацией».

В зале — необычайная тишина, в которой особенно явственно звучит неповторимый кировский ритм, полнозвучный и твердый.

Перед глазами напряженно застывшей аудитории Киров богатыми красками рисует картину отсталой, полуазиатской, варварской нашей страны, которая сейчас вырастет в оазис на фоне стонущей, угнетенной Европы.

И когда невысокий человек в черной косоворотке широко взмахивает руками и, оставляя их подня-

тыми, в полный голос гремит: «Пусть еще темно для западноевропейских рабочих сегодня. Но они скоро увидят лучи великого солнца социализма, которое озаряет нашу Советскую страну»,—тысяча красноармейцев порывисто встает, как один человек, и кончает доклад Кирова могучим, победным «Интернационалом».

А. Тодорский

В ЦЕНТРЕ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Весной 1920 года между РСФСР и меньшевиками Грузии было подписано соглашение. Меньшевики обязались легализовать коммунистическую партию и печать, амнистировать арестованных большевиков, ликвидировать остатки контрреволюционных организаций.

Первым полпредом РСФСР в Грузии был Сергей Миронович Киров.

Меньшевики не сдержали ни одного из своих обязательств. Когда снова начались аресты коммунистов и разгром большевистской печати, мне пришлось скрываться у Кирова в его миссии. Я наблюдал здесь Кирова в новой роли. В изысканном костюме дипломатического представителя Киров продолжал оставаться другом грузинских рабочих и подлинной грозой меньшевиков. В крайне напряженной обстановке он оставался стойким большевиком и крайне хладнокровным дипломатом.

Помню один факт. Под весьма миролюбивыми соусами, но с явно демагогическими целями меньше-

вики намеревались послать в Советскую Россию свою рабочую делегацию. Отказывая им, Киров в своей ответной ноте окатил меньшевиков ледяной водой, причем этот ответ был составлен в самой изысканной дипломатической форме.

М. Орахелашвили

Зоркий глаз Кирова насквозь видел прожженных меньшевистских негодяев. Киров сигнализирует об образовании правительством Церетели — Чхеидзе контрреволюционного центра во главе с генералом Хвостиковым, князем Крымшамхаловым и другими и об организации контрреволюционных сил на всех перевалах Кавказского хребта. Грузинские меньшевики ставили своей целью поддержать десант генерала Улагая на Черноморье. Они наметили посылку остатков белых банд для удара по нашему тылу и организацию заговоров на Тереке и Кубани.

Борьба была особенно жестокой и кровавой. Только благодаря бдительности Кирова и своевременности его сигналов мы успели предотвратить вторичный разгул контрреволюции.

А. Беленкович

В Пятигорске в 1921 году еще продолжались бандитские налеты на город, станцию и станицы, еще были заговоры, кулацкие восстания и убийства из-за угла. Усталые от бессонных ночей, мы жили там в страшной тревоге.

И вот неожиданно к нам приехал Сергей Миронович. Не прошло и получаса сердечной беседы с ним, как исчезли наши усталость и тревога. Даже

председатель окружного исполкома товарищ Пивцов, по натуре хмурый, скупой на слова человек, развеселился.

Мы отправились на собрание партактива, чтобы заслушать доклад Кирова о международном и внутреннем положении.

По дороге Пивцов говорит мне:

— Видишь, как все просто и понятно, а мы в панике...

Старый рабочий, коммунист с подпольным стажем, командир вооруженного отряда партии Долгирев тоже радовался.

Он несчетное количество раз повторял нам слова Сергея Мироновича о том, что контрреволюционные силы разгромлены, но умирающие остатки их до окончательного уничтожения еще долго будут пытаться восстановить свои старые права и что метод убийства из-за угла говорит о нашей силе и о слабости наших врагов.

В комитете партии Киров внимательно ознакомился с материалами ликвидированной накануне его приезда контрреволюционной организации под названием «штаб белозеленых». Когда Долгирев сообщил, что главарь организации полковник Дружинин до ареста служил капельмейстером духового оркестра в школе военных курсов, а член контрреволюционного штаба Малахов—секретарем в исполкоме, и о ряде других контрреволюционеров, занимавших ответственные посты в советских и хозяйственных учреждениях, присутствующие виновато опустили головы. Мы ждали от Сергея Мироновича заслуженных упреков.

Он тогда сказал:

— Плохо. Но все поправимо. Надо только, чтобы партийная организация усилила свою бдительность. Ведь наши враги будут менять в борьбе с нами свою тактику. После разгрома им ничего не остается, как пойти в подполье. Они будут стараться устраиваться в советских и хозяйственных учреждениях, добиваясь от нас доверия. Они еще не раз попытаются проверить свои силы и напакостить нам.

На собрании Киров предложил немедленно организовать чистку советских и хозяйственных организаций. Он говорил так горячо и просто, что каждое слово внедрялось в умы слушателей. Каждое слово его согревало тысячи сердец коммунаров.

Крики «правильно» и «ура» смешались с аплодисментами.

Слова его были простые, крепкие. Они призывали на последний бой и давали уверенность в победе.

На второй же день мы уничтожили банду есаула Ватулина.

Яков Бухбанд

ЗАВОЕВАТЕЛЬ ЛЮДЕЙ

Сила Сергея Кирова заключалась в том, что, отбивая у врага территории, он отбивал у него тысячи и десятки тысяч умов. Киров—командарм большевистской культуры,—вот что чувствовали мы во все дни его работы с нами. Под его руководством летели во все концы сотни тысяч листовок, брошюр,

газет на десятках туземных языков и наречий. Митинги, доклады, собрания, на которых Киров и его товарищи говорили с нашими горцами, организовывали вокруг советской власти тысячи людей из окрестных селений. К нам в Петровск спускались с гор старики и женщины и увозили Кирова к себе в сакли.

С волнением до сих пор вспоминают в Дагестане «кировские праздники», когда по его почину красные конники соревновались с джигитами-партизанами. С чувством глубокой признательности вспоминаем мы «кировские братания» —этот блестящий пример ленинско-сталинской национальной политики, когда многообразные горские племена и народности братались с Красной армией под освободительными знаменами советской власти.

Мы любили Сергея Кирова еще задолго до того, как «почетным стариком» вошел он в сакли и аулы нагорного Дагестана. Почти за два года до того, как мы в первый раз обняли его гордую голову, имя Сергея Кирова уже звенело в наших сердцах, как призывной набат.

Помню лето 1918 года. Советская власть в Петровске. И советская власть во Владикавказе. Знали: там Киров. А между нами — «чеченская пробка». Ни пройти, ни проехать, ни пролететь. И вдруг летним вечером, как гром с неба, в комнату врывается юноша. Коренастый, резкий подбородок, широкая грудь.

— Товарищ Джелал. Я — Оскар. От товарища Кирова.

— От Кирова? Из Владикавказа?

— Из Владикавказа,— смеется Оскар.
— А «пробка»?
— Какая тут «пробка», раз Сергей Мироныч послал!

Военная ситуация менялась с каждым месяцем. В 1919 году Киров с 11-й армией находится уже в Астрахани. Но, как и раньше, он неустанно думает о том, как помочь нам расправиться с добровольческой армией, с иностранными интервентами, с местной буржуазией. И вот в мае 1919 года на околице Темир-Хан-Шуры меня снова находит... Оскар. И снова та же сцена.

— Джелал, я от Кирова. Из Астрахани.
— Из Астрахани? Но как?
— Неважно как. Киров велел добраться.

Оскар сообщает план Сергея Кирова. Собрать силы красных партизан. Тактическими маневрами очистить путь между Петровском и Темир-Хан-Шурой. Киров посылает из Астрахани флот, который в определенном месте высадит нам на помощь десант...

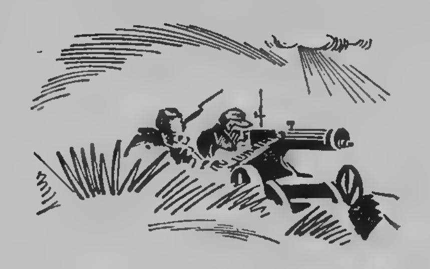
Иностранная воздушная разведка неожиданно открывает движение наших отрядов. Мы распускаем партизан по аулам, а сами уходим в подполье. В ту же ночь вражеская разведка берет в плен Оскара, Буйнакского, Саида, Абдухалима и других товарищей.

Но даже арест кировского посланца служит на пользу революции. Так велико уже обаяние Кирова. Партизаны решают освободить арестованных: на поезд, перевозящий их из Темир-Хан-Шуры в Петровск, совершается смелый налет. Поезд про-

скакивает. Тогда три тысячи человек спускаются с гор и идут приступом на Петровск. Ожесточенная схватка. Взять тюрьму не удалось. Пленники гибнут. Но целый девятнадцатый год весь Дагестан в огне. Восстание за восстанием. Враг напрягает последние силы и временно одерживает верх. Но идея советской власти постепенно проникает в самые отдаленные аулы, и когда осмелевшие враги пытаются проникнуть в горы, они терпят там поражение.

Неутомимый сеятель большевистского учения, Сергей Киров без устали работал день и ночь. В его вагоне было всегда светло. В этом вернейшем ученике товарища Сталина бурлила неиссякаемая сталинская энергия в осуществлении намеченной цели.

Джелал Коркмасов

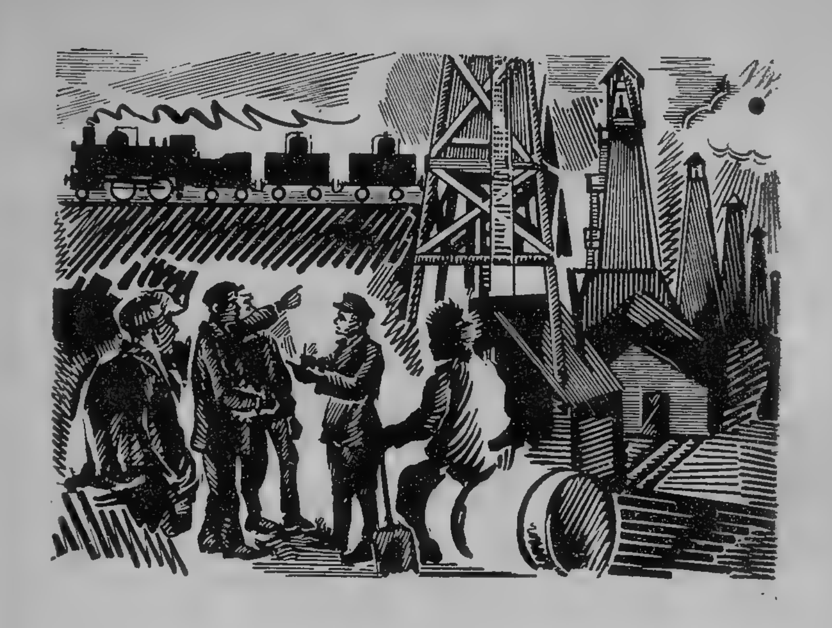

IV

В ГОРОДЕ НЕФТИ

«На верную почву брошены здесь, в Азербайджане, советские зерна, и мы должны показать нашим отсталым братьям на Востоке, что мы, азербайджанцы, умеем стремиться к новой жизни».

С. Киров. Из заключительного слова на III с'езде советов АССР.

ОБОЙДЕМСЯ И БЕЗ КАПИТАЛИСТОВ

Я хорошо помню первый день его приезда в Баку. Никого не вызывая, никаких торжественных приемов не устраивая, он явился прямо к нам в Азнефть и попросил все материалы по нефтяной промышленности. И с первого же дня приезда он втечение недели, еще не вступая в обязанности секретаря Азербайджанского ЦК, об'ехал все промыслы и подробнейшим образом ознакомился с

положением нефтяной промышленности. Его приезда мы ждали.

Весною 1921 года в Москве обсуждался вопрос о том, как поднять нефтяную промышленность.

На специальном совещании членов ЦК выступил товарищ Сталин. Он наметил пути восстановления и развития нефтяной промышленности, и под его председательством тогда была выделена комиссия по нефтяным вопросам.

Осенью 1921 года Ленин вновь поставил вопрос о нефтяной промышленности. И тогда Сталин указал, что необходимо переоборудовать Баку, ввести вращательное бурение, глубокие насосы, американскую технику. Кроме того он считал возможным дать бакинцам выход на внешний рынок для продажи своих товаров и закупки нужного оборудования.

Кирову предстояло стать организатором под'ема нефтяной промышленности.

Мы ездили с Сергеем Мироновичем по промыслам вместе. Неплохой механик, он очень быстро понял огромное значение механизации нефтяного дела, введения вращательного бурения и глубоких насосов и сделался горячим сторонником всех этих новшеств.

Я понял из его слов, что Ленин и Сталин дали ему полный план развертывания работ в Бакинском нефтеносном районе.

Из моих бесед с Лениным, из его писем к Кирову было видно, что Сергей Миронович пользовался у Владимира Ильича огромным доверием. Кроме того Киров все время был связан со Сталиным,

который как председатель комиссии по нефтяным делам руководил тогда всей нефтяной политикой и был главным вдохновителем под'ема нефтяной промышленности. Сергей Миронович работал с ним в самом тесном контакте.

Многие геологи из Москвы сомневались, есть ли еще в Баку нефть, есть ли еще новые районы в Азербайджане. Сергей Миронович твердо бился за нефть и поддерживал тех, которые были горячими апологетами развития Азербайджана.

Сергей Миронович часто разговаривал с академиком Губкиным, которого он очень любил и мнением которого чрезвычайно дорожил. На основании его материалов Киров настолько умело защищал нас, бакинцев, что вопрос о концессии, намечавшейся для Баку, был отложен, а нам взамен этого удалось при помощи товарища Сталина заключить договор о технической помощи с Барздальской корпорацией (филиал «Стандарт Ойль»), а затем договор на вращательное бурение с американскими подрядчиками и на установку глубоких насосов также при помощи американцев.

Этот первый в нашей республике договор о технической помощи был проведен блестяще.

Когда мы научились бурить, обеспечили себя хорошим оборудованием из Америки, Сергей Миронович благословил нас на расторжение этого договора, а дальше мы сумели сами развернуть нефтяную промышленность.

И всегда в самые критические моменты Сергей Миронович был на промыслах.

А. Серебровский.

Киров ходил по вышкам, говорил со всеми, шутил. Встречал он среди рабочих много красноармейцев из 11-й армии. Хотят работать все как следует, но жалуются: голод замучил, хлеба нет.

На собрании в клубе им. Шаумяна рабочие говорили о том, что они смогут поднять добычу нефти, но также жаловались на плохое снабжение. И Киров тогда сказал рабочим:

— Мы хозяева своей страны. Снабжение будет улучшено. Но мы должны сознательно отнестись к своей работе и поднять добычу нефти.

Тут из Москвы прислали хлеба. Работа пошла лучше. Однако рабочих, особенно тартальщиков, не хватало. Решили послать представителей в Персию, чтобы вербовать там тартальщиков, персидских подданных. Киров резко восстал против этого.

— Нет, — говорит, — мы должны готовить свои кадры — и не только рабочих, но и специалистов. Мы должны внедрять новую технику, которая заменит тяжелый труд тартальщиков.

Многие наши старые специалисты тогда работали нечестно. За ними острый глаз был нужен. Мироныч это сразу понял и всем лучшим рабочим говорил:

— За старыми инженерами надо рабочим смотреть, чтобы заливку скважин вели не песком, а цементом. Будьте бдительны, как учит этому наш вождь, наш отец товарищ Ленин.

И в то же время он всегда указывал, что к специалистам нужно относиться внимательно и осторожно. Лучших надо перевоспитывать, и они будут хорошо работать на социализм.

Киров говорил, что нам нужно изменить технику добычи и обработки нефти. Он настойчиво и упорно внедрял глубокие насосы, заменяющие желонку. По его предложению на нефтеперегонных заводах перешли на трубчатую систему.

Эту идею он горячо отстаивал. Американские инженеры говорили, что мы не сумеем этого дела поставить. А мы все-таки создали это дело из своих материалов, своими рабочими, по своим чертежам.

Асадулла Абдулаев

Сильно взволновались тартальщики, когда узнали, что будут вводить глубоконасосные качалки. На собрание к нам приехал Киров. Он раз'яснил значение качалок, об'яснил, что они даны тартальщикам в помощь, что рабочие теперь получат другую квалификацию. Он говорил рабочим:

— Почему вы против глубоких насосов? Неужели вам легче стоять у тартальных станков по восьми часов? Неужели не лучше держать в руках масленку и гладить насос, который за вас тартает, чем самим тартать?

Однажды в нашей буровой тартальщик начал ему жаловаться, что у него большая семья и что насосы не дадут ему возможности заработать. Киров тут же об'яснил ему значение нового способа работы.

— Безработицы не будет, — сказал он, — вступишь в бригаду — у тебя заработок повысится.

— Мы хотим улучшить вашу жизнь,— говорил он. — Не бойтесь, увольнять никого не будем, на-

оборот, вы получите новую, более интересную квалификацию.

И действительно, когда буровую пустили, рабочие увидели, что их не только не увольняют, а наоборот улучшают их положение.

Ведь кто раньше был масленщиком, тот стал слесарем.

А. Агафонцев

Когда в нашу группу привезли первый насос, все тартальщики сбежались, чтобы посмотреть на эту страшную штуку, которая должна нас сменить. Мы думали: «Куда же нас денут? Что мы будем делать? У многих из нас семьи, чем их кормить?» И мы отказались устанавливать насос, заявив администрации:

— Если этот дьявол будет поставлен на свои чугунные лапы, нам больше на промысле делать нечего, нас сейчас же уволят.

Решили бастовать и разошлись по казармам. Нам казалось, что вместе с нефтью насос будет высасывать нашу кровь.

И мы говорили:

— Пусть они их привозят, и пусть они стоят. Поворуют с них мелкие части, побросают в скважины, и устанавливать их нельзя будет.

Не прошло и четырех часов нашей забастовки, как в казармы к нам приехали Киров и Серебровский. Они сами ходили по всем казармам и собирали рабочих на собрание.

Крепко ругались мы на этом собрании с Серебровским. А Киров стоял и молчал. Тартальщики

упрямо твердили, что по-новому работать они не будут, а будут работать, как и раньше. Тогда заговорил Киров:

— Нам нужно строить новые фабрики и заводы. Нам нужны будут квалифицированные и грамотные рабочие, а не тартальщики — темный народ. У нас будет много машин. Нам нужно будет много нефти для тракторов и паровозов. Нам нужны будут монтеры, слесаря и токаря. Мы ваш труд заменим машинами, но никто из вас не останется без работы. Мы откроем курсы, где вы будете учиться новому способу добычи нефти. Желонка — это старый, дедовский способ, мы должны работать машинами: так легче и потребуется меньше людей. Вы не должны бояться насоса, а, наоборот, приветствовать его на промысле. Если кто боится, сомневается или будет обижен, я даю вам свой адрес, приходите прямо ко мне.

Не понимая хорошо русского языка, тюрки просили меня перевести слова Кирова и через меня задавали ему вопросы. Говорил Киров так убеждающе, что тартальщики согласились установить первый насос.

Через несколько дней после этого я шел на вокзал по Сабунчинскому проспекту. Со мной был тартальщик Мераданлы. Какая-то машина ехала наверх.

Кто-то высунулся оттуда и закричал: «Гасан-Хан, иди сюда!» Я и мой товарищ подошли к машине. Это был Киров.

— Ну, как дела? Работает насос? Садись в машину.

Я испуганно спросил:

— Куда хочешь таскать меня?

— Не бойся, твой родной брат никогда тебя не предаст.

Я еще подумал: «Какой я ему брат: он русский, а я тюрок».

По дороге он расспрашивал: как у нас дела, что нового слышно на промысле.

И тогда я обратился к нему с такими словами:

— На промысле нам сказали, что нас отсюда будут гнать, а работать сюда приедет русский народ.

— Это неправда, это выдумка врагов советской власти. Русский народ сюда не приедет, и никто вас гнать из Баку не будет. Вы тут должны жить и учиться. Кто из вас пойдет раньше учиться в школу, окончит и придет ко мне, я такому тюрку дам первое место. Я обошел все ваши казармы и не нашел ни одного грамотного человека. А ведь вы должны быть у власти в вашей республике.

Глубоко взволновали меня эти слова помощника Ленина, его забота о нас, тюрках, чуткость и простота.

Через некоторое время мы установили у себя еще два насоса. Освобождающиеся от тартания переводились на другие работы — в масленщики, слесаря, в подручные слесарей и токарей, а некоторые отправлялись на курсы и в школы. Никто не был уволен.

Гасан-Хан

НОВЫЕ ВЫШКИ, НОВЫЕ ПРОМЫСЛА

Киров всегда говорил нам, что надо не только из старых промыслов нефть качать, надо и новые вышки ставить. Однажды слушал я в старом клубе лекцию инженера Семенова о богатствах в недрах земли. И вдруг Семенов говорит, что, когда он работал в Бакинском нефтяном обществе, они прошли одну скважину на четыреста шесть саженей в Сураханском районе. Потом эту скважину затрамбовали и скрыли, что там была нефть. Тут же поехал я к Сергею Мироновичу. Встречаю там Серебровского. Рассказываю.

Сергей Миронович и говорит Серебровскому:

— Ты этим делом займись, а потом мне сообщи.

На другой день Семенов был вызван в Азнефть, и уже в конце года на новых площадях Сураханского района пошли разведки. В конце 1923 года там забили нефтяные фонтаны. На открытии промысла были Сергей Миронович и Серебровский.

Они поздравляли рабочих с новым промыслом.

— Эти пласты,— говорил Мироныч, — старые хозяева думали скрыть от нас, но мы нашли их. И эта нефть даст большие перспективы всему промыслу.

С. Парфенов

Как-то едет Киров мимо нашей буровой. А я работал в то время буровым мастером в Ленинском районе. Остановил Киров свою машину.

— Откуда едете? — спрашиваем.

— Был в Кара-Маштаках, — отвечает. — Ну как, ребята, живете и работаете?

Мы говорим:

— Ничего, хорошо! А что, товарищ Киров, вот эта площадь «Солбаза» [1] совершенно свежая. Нельзя ли здесь заложить скважину, попробовать бурить? — и показываем ему территорию.

Он тут же вытаскивает свой блокнот, записывает и говорит:

— На днях обсудим этот вопрос. Вы тоже приходите на заседание ЦК.

Прошло несколько дней. Вдруг приглашают меня, инженера Ширина и амираджанского бурового мастера Таги Мундатова к Кирову. Поговорили там очень подробно о положении с нефтью. Прошло несколько месяцев. Видим, на «Солбазе» начали бурить, сразу заложили штук тридцать скважин.

Получили там прекрасную, драгоценную, легкую нефть.

Торгашеское скопище было превращено в промысел по добыче нефти. Этот первый советский промысел был назван именем товарища Кирова.

Просто и ясно об'яснил он на открытии промысла, что значит бороться за нефть для Советской страны. Он указал нам, как расставить силы, чтобы как можно больше выжать из недр земли черного золота, чтобы быстрее и быстрее росли новые советские промысла, от которых зависит улучше-

---

[1] Солдатский базар.

ние жизни рабочих. Рабочие единогласно избрали его почетным тартальщиком, и он гордился своим названием. Часто заезжал на буровую, беседовал с рабочими. Жалованье, которое выписывалось Кирову по разряду квалифицированного тартальщика, профком использовал на культурные и материальные нужды.

Промысел рос, наступая на новые и новые, до того пустовавшие, обгрызенные ветрами и обожженные солнцем горбы и бугры солончака.

А. Иса Заде

Недоверчиво отнеслось большинство бакинских работников к изысканию нефти в Бухте. Там вначале не повезло здорово. Начали бурить и сразу в нескольких местах попали на брекшу. Говорили: «Пропали наши труды даром». Рабочим перестали давать спецодежду: все равно, мол, скоро прекратят работы на Бухте. Я был там секретарем партколлектива. Я верил в Бухту. Еще в 1907 году, работая у Зубалова, я часто проезжал по морю в этом месте и всегда замечал присутствие газа. Когда бросали зажженную паклю, на воде загорался газ.

Приезжает к нам Киров, я и говорю ему:

— Почему к нам такое недоверие? Не может быть, чтобы мы трудились бесполезно! Наверное, наши специалисты ошиблись или умышленно начали бурить на брекше.

То место, где проводилось бурение, было как раз жерлом вулкана.

Киров поддержал меня:

— Ты прав, Жбанов, мы должны здесь нефть достать и достанем и закрыть Бухту не позволим.

Киров приезжал к нам часто. Когда я стал ему показывать, где, по нашему мнению, нужно бурить, он сказал Серебровскому:

— А что же? Надо проверить мнение ребят. Они ведь это место знают.

Так и сделали.

Мы оказались правы.

И вот однажды при Кирове из буровой № 50 забил фонтан.

А он смеется:

— А ты, Жбанов, все время плакал, что у тебя не будет нефти.

— Наоборот, — говорю я ему, — я не плакал, а требовал, чтобы бурили, ты разве не помнишь?

— Помню, помню, — смеется. — Смотри, со всего Баку к вам на Бухту машины и фаэтоны едут. Видно, все-таки сами хотят убедиться, что на Бухте есть нефть.

Н. Жбанов

На открытии Бухты, которую назвали «Бухтой имени Ильича», был устроен митинг. Горячо и страстно призывал тогда нас Киров к строительству и освоению нового промысла. Он говорил:

— Нефтяная промышленность была разрушена. А теперь мы построили новый промысел — Бухту. Советской власти удалось сделать то, о чем и не мечтали капиталисты.

Сильно воодушевила нас эта речь, и работа на новом промысле закипела.

Забило как-то сразу два фонтана. Мы устроили насосы. Нам удалось качать по тысяче тонн в сутки.

Приезжает Киров и первым делом:

— Как ваши насосы, успевают качать нефть?

Мы отвечаем:

— Успевают, только давай, больше качай.

Киров и Серебровский почти каждый день приезжали на промысла. Киров хорошо знал нас в лицо.

Всегда был приветлив, здороваясь, называл всех по фамилии.

— Бухта, — говорил он, — должна стать первым промыслом Советской страны. Это зависит от вас, и я уверен, что вы сделаете все, чтобы оправдать доверие партии Ленина.

Когда у нас втечение трех-четырех дней фонтанировала буровая, Киров и Серебровский почти оттуда не выходили. Буровая давала много нефти и газа. Рабочие пьянели от этого газа. По распоряжению Кирова работали по пяти минут попеременно — с отдыхом.

Потом нас сменяли и отправляли на свежий воздух к морю.

На четвертый день буровая загорелась. В тушении пожара принимали участие все рабочие. Киров от рабочих не отставал.

И. Заболотников

Однажды ночью на промыслах вспыхнул пожар. Тревожно загудели гудки и сирены. Киров в это время говорил по телефону. Как только он услы-

шал тревогу, он схватил меня за руку, быстро побежал к машине, и мы полетели на место пожара. Огонь шел с севера, с заброшенных вышек на живые вышки, где шла работа, где насосы выкачивали нефть. Нефтяной пожар — это бедствие, которое может нарушить надолго всю жизнь промысла.

Мы приехали на пожар первыми. Киров вместе со всеми копал землю и тушил огонь. Народ разбился на бригады. Одни подпиливали и подрубали, другие привязывали к вышкам тросы, а третьи, ухватившись за тросы, раскачивали и валили вышки. Часть людей все время копала землю и кидала в огонь. Киров не отставал. Он организовал на пожаре походную кухню, чайную и медпункт.

Таким образом люди имели возможность на месте отдохнуть, поесть и опять ринуться в бой.

Вдруг из лопнувшей цистерны горящая нефть хлынула в соседнее озеро. Огонь быстро разбежался по воде. Опасность угрожала уже всем окружающим промыслам. Тогда Киров, схватив доску, бросился к озеру. Народ, увидев это, сразу сообразил его маневр. С досками, с листами железа, с лопатами за ним побежали другие. По пояс в горящей воде тушили пламя.

Киров впереди всех.

Многие тогда обожглись.

Но пламя отступило.

Пожар продолжался двое суток. Все время Киров был в самых опасных местах.

П. Бочаров

ЧТО ЭТО ЗА ЧЕЛОВЕК!

Он часто об'езжал промысла. Оставит где-нибудь машину и идет пешком по всему промыслу до конторы, обязательно беседуя со встречными рабочими. Он узнавал от нас, как идут на промысле дела, сколько пущено новых буровых, как обстоят дела с материалами и с инструментами, как хозяйственники относятся к рабочим. Когда однажды мы пустили в один день три буровых сразу, мы говорили между собой: «Как рад будет Киров нашему успеху!» Здорово уважали и любили мы его.

И. Кукаев

Приезжали Киров и Серебровский на промысла и ночью. Машину — куда-нибудь в сторону, а сами — айда по вышкам. Однажды ночью встречают рабочие на промысле Серебровского и, думая, что это монтер, начинают его ругать, что у них не хватает инструмента, материалов, что работать и подымать добычу нефти очень трудно, что работа стоит. Они угрожают пойти к самому Серебровскому пожаловаться и потребовать у него инструмента.

— Да я сам Серебровский! — отвечает тот рабочим.

Те, думая, что он смеется над ними, чуть не с кулаками на него лезут. А Мироныч стоит в стороне, хохочет и говорит:

— Так его, так его! Пускай лучше снабжает вас инструментами и материалами, без них, действительно, ничего не выйдет.

На второй день эта бригада получила все, что надо.

Киров и Серебровский любили говорить с рабочими. Узнавая от рабочих о разных неполадках, Серебровский тут же давал администрации распоряжения, и дело у нас подвигалось быстрее. Они изучали не только производственные нужды, но интересовались и жизнью каждого отдельного рабочего.

М. Дворянинов

Как-то на промысле стоим мы с секретарем нашей партячейки, вдруг смотрим — подходит Киров.

К его неожиданному появлению мы привыкли.

В разговоре секретарь, указывая на меня, спросил у Кирова:

— Ты знаешь, с кем говоришь?

— Нет, не знаю, — улыбаясь, ответил Мироныч.

— С тобой разговаривает член нашего правительства (я тогда был членом АзЦИК).

Киров улыбнулся, еще раз пожал мне руку, а я смутился и покраснел, как рак. Желая, повидимому, закрепить наше знакомство, Киров задал мне ряд вопросов на политические темы. Я ему отвечал, а он испытующе смотрел на меня.

Теперь-то я инженер, окончил Бакинскую промакадемию. А тогда, признаться, был еле грамотен. Только за два года перед этим ликвидировал свою неграмотность.

Мироныч просто и ясно, но зажигательно говорил мне о том, что нужно учиться и учиться,

сегодня больше, чем вчера, а завтра больше, чем сегодня.

Эйбат Аскеров

Он говорил: нам нужно готовить кадры из местных национальностей. Для этого он создал все возможности. Снимал иногда прямо с работы, посылал на учебу — делал все, чтобы учились. Я помню, мы исключили Мухтар Фатали из партии и союза: его сняли с работы для учебы, а он не посещал школы. Когда мы приняли такие меры, он пошел к Кирову.

И тот сказал ему:

— Тебя не исключат, если ты будешь посещать школу, тебе нужно учиться. Если будешь учиться, будешь членом партии, хорошим руководителем.

И что же мы видим? Теперь он инженер по эксплоатации, окончил Промакадемию. И теперь не тридцать и не пятьдесят, а тысячи таких.

Соберет нас, бывало, Киров и спросит:

— А где у вас инженеры-специалисты? Почему их здесь нет, почему вы не притягиваете к себе специалистов?

Мы вызвали Ширина, говорим: вот наш специалист, инженер-заведующий. Киров сказал ему:

— Ты грамотный, ты должен им помогать, об'ясняй им технику работы по нефти. Привлекай других беспартийных специалистов.

И Ширин организовал с нами кружок по техминимуму, об'яснял, как нужно бурить, какое брать число оборотов, и занимался с нами по математике.

А. Иса Заде

Тогда в Баку очень много было беспризорных. Райком решил создать детский дом. Заведующей этим детским домом была назначена тюрчанка. Пришли как-то мы к секретарю райкома Беднову, а там Киров. Заинтересовался он нашим делом и особенно тепло отнесся к тюрчанке — заведующей домом. Мы рассказали о том, какие препятствия нам пришлось преодолеть, каких еще не хватает вещей, чтобы открыть этот дом.

Нас донимал недостаток продуктов, медикаментов и в особенности детских постелей. Киров, узнав об этом, сказал: «Если вам ничего не дают, то я направлю вас к Серебровскому, он пойдет вам навстречу» — и Беднову сказал, чтобы он помог нам. И мы получили все, что нам нужно было: и посуду и постели.

Н. Шабров

Чистили мы старые скважины. Я работала тогда по общественной линии в охране труда: просматривала лестницы и канаты. Киров приехал и спросил меня:

— Ну как, товарищ, ты смотришь за безопасностью труда, крепкие ли у тебя лестницы?

Я говорю:

— Да, товарищ Киров, ходим, проверяем.

Я стеснялась его, потому что была простой уборщицей.

Но Киров не считался с этим, он всегда очень просто подходил и разговаривал.

Детские сады у нас были очень переполнены. Мы внесли предложение, чтобы те наши работни-

цы, у кого не было детей, взяли к себе на время, пока наши детские дома окрепнут, по ребенку.

— Это очень хорошо,—сказал товарищ Киров.— Вы молодцы!

Когда он узнал, что я взяла на воспитание двух детей — девочку и мальчика, он часто потом спрашивал:

— Ну как, мамаша, твои дети? Как они растут, как учатся?

Похлопает по плечу и подбодрит:

— Ну, ничего, учи...

Когда он приезжал к нам на собрания, то все домохозяйки бежали его слушать. Он так, бывало, сделает доклад, что мы все до одного слова у него понимали. После его докладов у каждого человека оставалось в голове очень много.

А. Колпакова

Киров приехал в гараж Азнефти, чтобы проверить, как проходит его переоборудование.

Набравшись смелости, я подошел к нему:

— Товарищ, устройте меня на такую службу, где бы я смог получить квалификацию.

Он посмотрел на меня, улыбнулся, похлопал по плечу, ответил:

— Хорошо, приходи ко мне завтра в ЦК, я тебя направлю, куда ты хочешь...

На следующий день я стоял в его кабинете.

— А куда бы ты хотел поступить? — спрашивает Киров.

— Сергей Мироныч, — ответил я, — я хотел бы работать с вами.

И я рассказал ему, что, еще будучи беспризорным, я любил автомобиль и мечтал быть шофером. Цепляясь за автомашины, я попадал в гаражи. Вскоре я узнал, где авторемонтный завод, и стал часто заходить в кузнечный и сборочный цеха. Присматривался, учился. Рабочие ко мне относились хорошо, бережно. Помогали мне материально, поддерживали кто чем мог. Около двух лет я бродил по Баку без определенных занятий, без заработной платы, без собственного угла. Но эти годы у меня даром не пропали. Я упорно изучал автомашину, часто ездил с шоферами на грузовиках, научился управлять.

Он помолчал, потом попросил к себе управделами Иноземцева и дал распоряжение, чтобы тот прикрепил меня к его машине. И с тех пор я работал с Миронычем четыре года.

Часто мы об'езжали с ним нефтяные промысла. И куда бы мы ни приезжали, днем ли, ночью, — рабочие-нефтяники радостно встречали Сергея Мироныча. Обычно рабочие подбегали к машине, пожимали Миронычу руку, а он с улыбкой говорил:

— Здорово ребята! Как дела?

Слезал с машины и подолгу ходил с рабочими по промыслу. Не пропустит ни одной буровой: зайдет, поздоровается, спросит, как дела, даст совет.

Ударит фонтан на промыслах, и вот в два-три часа ночи уже звонит мне Сергей Мироныч:

— Давай, Карапет, машину! Из-под земли бьет наша нефть, наше богатство.

Я быстро подаю машину, и через несколько минут мы уже у фонтана. Часто Мироныч сам при-

нимал участие в обуздании фонтана, лазил по пояс в грязи и нефти.

Я часто слышал и видел, как Сергей Мироныч давал советы начальнику Азнефти Серебровскому, и часто Александр Павлович при мне говорил:

— Вот, Мироныч, после твоих советов дело уже выполнено.

Ездили мы с ним и в рабочие поселки. Заходил он к рабочим на квартиры, на кухни, проверял, как работают газовые плиты, расспрашивал у домохозяек об освещении, о воде и т. п.

Возвращаясь с промыслов, Мироныч никогда не ехал один, обязательно по пути брал кого-нибудь к себе в машину.

— Ребята, кто со мной в город? Садись, — говорил он рабочим.

Спустится в машине камера — и Мироныч превращается в моего помощника.

Я часто удивлялся, как просто и технически умело он мне помогал.

Как-то спустилась камера около цементного завода. Долго мы возились у машины. Тогда Мироныч мне и говорит:

— А посмотри-ка, Карапет, не гвоздь ли мешает нам...

Я тщательно осмотрел покрышку и действительно обнаружил маленький гвоздик, который отнял у нас очень много дорогого времени. Но Сергей Мироныч никогда не злился, а молча помогал мне, и мы быстро заканчивали ремонт.

— Что это за человек! — говорили рабочие друг другу с улыбкой и удивлением.

Его любимым занятием была охота. В выходные дни мы доедем, бывало, до Килязей, станем недалеко от берега моря, наденет Мироныч сумку через плечо, в руки ружье возьмет и удалится.

Пройдет час, другой — слышу условный сигнал: это Мироныч зовет к себе, чтобы помочь ему донести до машины дичь. Охотник он был отличный и никогда с порожней сумкой не возвращался. Хорошее было ружье у Мироныча. Я всегда охотникам говорил:

— Только у такого человека и друга может быть такое хорошее ружье; оно, как магнит, притягивает к себе свою цель.

Услышав как-то эти слова, Мироныч весело расхохотался, еще раз похвалил свое ружье и добавил:

— Да, мое ружье, как магнит, верно подметил Карапет.

К. Айрапетов

ОТДЫХ

Здорово любил он охоту. Однажды осенью пригласил меня поохотиться на уток. Нас поехало пять человек.

Взяли мы плоскодонки — кулас, а проводников не оказалось. Мы решили сами вести лодки. Вести же плоскодонку — это довольно хитрая штука: с лодкой надо уметь обращаться, надо и речку знать.

На зорьке, когда стало светать, мы поехали. Я был проводником у Мироныча. У меня был шест, которым я упирался в дно озера, и так мы продвигались.

Мироныч давал ориентировку.

Вдруг я увидел, что в тростнике что-то плавает. Я круто повернул туда лодку, она перевернулась, и Мироныч вместе со мной полетел в воду.

Утро было свежее, холодное. Жаль было не того, что мы кувырнулись, а того, что вся провизия полетела в воду, в воде же было много тины, и выловить ничего нельзя было. Киров был небольшого роста, поэтому вода ему была чуть ли не по шею.

Но он смеялся так, что никто от смеха не мог удержаться.

Пришлось поехать обратно. На обратном пути он все время шутил. Немного обсушились, поехали снова, но охота уже не удалась. Правда, мы взяли несколько уток, но все-таки наши результаты были хуже, чем у тех, которые уехали раньше нас.

Во время этого неожиданного отдыха Сергей Миронович рассказывал, как однажды он был на охоте с Ильичом. Ночевали они у лесника. К ночи туда пришел еще один охотник, большой любитель выпить. Он пил и ругался. У Ильича была шапка с ушами, он ее натянул и старался не вмешиваться в разговор.

Разговор зашел об Ильиче. Киров и спрашивает:

— А ты его знаешь?

Охотник говорит:

— Нет, не приходилось его видеть, но говорят, он охотник и даже неплохой.

Сергей Миронович посмотрел на Ильича, тот улыбнулся.

Киров спрашивает:

— А ты хотел бы поохотиться с Ильичом?

Охотник похвастался:

— Говорят, он здорово стреляет, но все-таки я посмотрел бы, как он стреляет!

Утром, когда стали уезжать, Ильич подошел к охотнику и говорит:

— Ну, что ж, давай попробуем стрелять. Ты же вчера говорил, что хотел бы попробовать со мной пострелять.

Когда Ленин снял шапку, охотник ужасно растерялся:

— Вы — товарищ Ленин?

— Да, я Ленин. В следующий раз, когда мы приедем, давай постреляем.

Тогда охотник признался:

— Я немного плохо стреляю у меня глаз с фальшью.

Сергей Миронович говорил, что Ильич был большим любителем поохотиться и считал охоту очень хорошим отдыхом. Все работники, говорил Киров, должны уметь работать и уметь отдыхать. Надо выбирать время и выезжать на воздух, отвлекаться от всяких забот, набираться новых дум и снова быть готовым к работе.

Н. Жбанов

МАСТЕР СЛОВА

Советский союз получил ультиматум Керзона. Обстановка была предгрозовая, и в воздухе пахло войной. Киров выступал в театре имени Ахундова. Народу собралось столько, что не видно было стен.

Необычайная тишина.

На трибуне небольшой крепкий человек в простом френче. Но когда Сергей Миронович говорил, становился незаметен его небольшой рост. Перед нами был гигант, стальной человек. Он прекрасно владел аудиторией, своим чеканным голосом поднимал в массах огромную волну боевой решимости, готовности итти за партией Ленина — Сталина.

Спокойная поза, руки в карманах, ни одного иностранного слова, четкий окающий говор, изредка шуточки, вызывающие громкий смех аудитории.

После его речей тысячи людей чувствовали глубочайшую уверенность в том, что мы непобедимы.

Г. Филатов

Как трибун, как оратор, как мастер слова был он необычаен. История создает таких людей редко. Есть поэты и писатели, у которых прочтешь одну строчку — и на всю жизнь она в памяти остается, и никакими клещами нельзя вытащить. Киров был таким мастером слова. Хотелось слушать его нескончаемо. Он говорил самым простым языком. Но каждое слово было чистое золото.

Помню переполненный и залитый светом зал Бакинского оперного театра. С трибуны лилась речь стройная, отточенная, речь, каждое слово которой захватывало, покоряло, звало на штурм. Перед нами оживали яркие образы пройденного пути. Выступали контуры грядущих великих боев и побед. Проносились далекие, пока еще туманные картины будущей счастливой жизни.

Еще один страстный, воспламеняющий призыв, еще одно выражение твердой, непреклонной воли к победе—и доклад окончен. Захлопали тысячи рук. Овация, возгласы — все это слилось в едином порыве, порыве, выражающем безграничную любовь и веру в руководителя, ведущего организацию по пути, начертанном гениями человечества—Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Это покидал трибуну Сергей Миронович...

Здесь я впервые видел и слышал этого пламенного большевика, этого трибуна революции.

Вдруг один из рабочих спрашивает:

— Товарищ Киров, как здоровье Ильича? (надо отметить, что выступление, о котором идет речь, было в 1922 году, когда Ильич тяжело болел).

Киров снова загорается каким-то неуловимым внутренним огнем. Сорок пять минут занял его ответ, и каждая из этих минут была насыщена таким содержанием, такой страстью, такой неподдельной любовью к великому вождю Октября, сказанное им оставило такой неизгладимый след, что забыть портрет, начертанный Кировым, немыслимо. Весь зал точно замер, слушая родного Мироныча. Это выступление Кирова осталось в моей па-

мяти как одна из лучших характеристик, данных Ильичу.

А. Расул Заде

Как-то в эллингах группа старых рабочих захотела вместо пятницы праздновать воскресенье, а большинство рабочих были мусульмане. Стали ворчать, пошли в профсоюз... Не знаю, как узнал об этом Сергей Миронович. Только, не предупредив никого, явился он в цех, уселся на верстак и так умно, то серьезно, то с анекдотцем, об'яснил он вредность похода против пятницы. Разговор о перемене выходного дня больше не поднимался.

А. Асонов

Он лично об'езжал все строящиеся и ремонтируемые поселки. К нам он приезжал или рано утром или поздно вечером.

И вот как-то встречается он со мной:

— Что это у вас такая тишина?

Об'ясняю, что дня четыре тому назад получили распоряжение — из-за отсутствия средств работу свернуть и рабочих сократить.

— Хорошо, сейчас вы артели уволите, а если завтра получите приказ разворачивать работу, где будете набирать рабочую силу?

Это заставило нас удержать рабочих.

Не прошло и пяти-семи дней после этого разговора, как дается распоряжение: развернуть строительство вовсю — средства есть.

Раннее утро. Слышится стук молотков каменщиков, которые обтесывают камни для домов нового

поселка. Около одного дома возбужденный разговор. Это артель каменщиков разламывает по моему приказанию недоброкачественно выложенные несколько рядов камня. Это уже не первый случай. Старший артели, обращаясь ко мне, категорически заявляет, что артель работать здесь больше не будет.

— Почему? — слышу вдруг вопрос сзади себя. Оборачиваюсь — это, как всегда спокойный, Мироныч.

Об'ясняю ему, в чем дело.

— Откуда ты приехал? — обращается Киров к старшему артели.

— Из Шуши, — отвечает тот пониженным тоном.

— У тебя случайно нет родственников-рабочих, живущих постоянно в Баку?

— Как нет? Шесть человек. Трое живут здесь в Балаханах, — горделиво заявляет каменщик.

— Так вот, товарищ, если одному из твоих родственников достанется квартира этого дома, проживет он здесь год, два, и его квартира разрушится. Как ты думаешь, скажет он тебе спасибо? А ведь мы все эти дома строим не для Татиносовых и Татиевых, а для таких же рабочих, как ты и твои родственники. И нам нужны крепкие дома. Если сделал плохо, выполняй приказ техника, сломай и больше так не делай.

Результат был неожиданный. Раз'яренный до этого старший артели дал сигнал своим товарищам. Они молча подошли к стене и быстро начали разламывать ее. К вечеру вывели новую стену, крепкую и ровную.

Спустя месяца три Мироныч при встрече спросил меня:

— Ну, как тот каменщик?

И когда узнал, что он работает до сих пор и, по нашему мнению, его артель является теперь лучшей на строительстве, он хорошо и тепло улыбнулся.

А. Авксентьев

ВСЕХ ОППОРТУНИСТОВ ГРОМИЛ

Он был прикреплен к нашей заводской ячейке.

Неслучайно выбрал он завод имени Монтина. Много у нас в то время было меньшевиков и эсеров, которые стремились разложить заводской коллектив, играя на отсталых настроениях некоторых рабочих. Партийная организация об'единяла тогда два крупных завода — наш и завод имени Пятакова, а насчитывала только около тридцати коммунистов.

Через несколько дней после того, как Киров прикрепился к нашей ячейке, на заводе возникла итальянская забастовка, организованная меньшевиками Дорониным, Носковым и другими. Страна тогда только-только начала залечивать раны, нанесенные ей гражданской войной и голодом. Жилось тяжело. Этим и воспользовались меньшевики.

Вскоре после начала «итальянки» на заводе появился Киров. Во дворе собрались все рабочие. Кирова уже знали и уважали за его прямой характер, за простоту его речей, за глубокое знание, ра-

бочего нутра. Когда он поднялся на возвышение, раздались аплодисменты. Сергей Миронович поднял руку и начал говорить:

— Аплодировать мне нечего. Я вам ни спецодежды, ни французских булок не привез. Я обвинять вас приехал за то, что вы послушались меньшевиков, попались на их удочку и пошли за врагами рабочего класса, вонзающими нож в спину революции.

«Итальянка» была ликвидирована в самом зародыше. Десятки рабочих после речи Кирова выступали, признавали свои ошибки, клеймили предателей Дорониных и Носковых.

М. Катушевский

Киров приехал в Баку, когда там только что создавалась советская власть, когда партийная организация только что вышла из подполья и была еще слаба и разрозненна. В рядах партии было много выходцев из других партий.

Киров прежде всего взялся за укрепление и сплочение организации. Он вел жесточайшую борьбу со всеми уклонами от генеральной линии партии. Особенно упорной была борьба с ханбудаговщиной, которая была окончательно разоблачена и разгромлена Кировым.

Огромную работу провел Киров по созданию Закавказской федерации. Настойчиво и упорно претворял он в жизнь великий план Ленина — Сталина, план братского содружества национальностей, ранее враждовавших между собой.

А. Расул Заде

В сложнейшей обстановке Баку Киров сумел об'единить всех азербайджанских большевиков в борьбе за генеральную линию партии и разбил всех оппортунистов, троцкистов и всех тех, кто пытался разжечь старую национальную вражду.

Когда Гиршик, молодой пропагандист-троцкист, выступил на партийном активе, рабочие — члены партии — начали ему возражать и доказывать, что Троцкий, как и вся его «наука», откатился от большевиков. Гиршик и его сторонники озлобленно кричали, что мы неправы, что он все-таки вождь.

Когда я в своем выступлении сказал, что надо различать вредную и полезную критику, Киров бросил реплику:

— Ваши слова правильны.

А после его выступления что было! Оппозиционеров просто освистали. Они не добились ничего, ушли с носом.

И всех группировщиков Киров разбивал. Сильно укрепилась наша партийная организация, и когда он после XIV с'езда партии был направлен в Ленинград, у нас, бакинцев, боролись два чувства: с одной стороны, больно было расставаться с Миронычем, а с другой — мы были уверены, что вождь бакинских большевиков разгромит зиновьевскую оппозицию, которая пыталась запутать ленинградских рабочих. И мы все следили за этой борьбой.

В. Захаровский

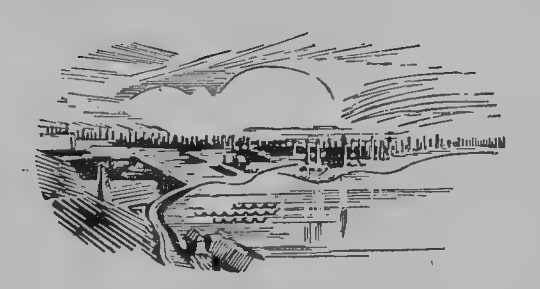
«Волей высшего органа партии — ЦК — и тем самым волей всей партии руководитель азербайджанской организации нашей партии и любимец бакин-

ских рабочих товарищ Сергей Миронович Киров послан на работу к вам, в ленинградскую организацию. Как нам ни трудно расставаться с товарищем Кировым, как нам ни дорог товарищ Киров, нас утешает одна мысль, что он будет в Ленинграде.

Пять лет работы с Кировым в Баку показали нам, что он не только прекрасный работник, но и лучший товарищ. Мы глубоко убеждены, что вы не только не будете жалеть, что к вам переведен именно товарищ Киров, но и вы его скоро так же полюбите, как полюбили его бакинские рабочие.

Вы, товарищи ленинградские коммунисты, в лице товарища Кирова приобрели стойкого, выдержанного, старого большевика-ленинца и лучшего, умелого руководителя вашей организации».

Из обращения бакинского партактива к ленинградским коммунистам. «Бакинский рабочий» от 13 января 1926 года.

V

БОРЬБА С ОППОЗИЦИЕЙ

«...Оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом. Этого ждет наша партия, этого ждет от нас рабочий класс, этого, товарищи, ждет от нас и международный пролетариат. Вот эта действительная основоположница Коминтерна, та партия, откуда родилась мировая революция, которая строит практически социализм, она должна остаться действительно единой. Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами дорога только вперед и только к победам!»

С. Киров. Из речи на XV с'езде партии.

ОН РАЗОБЛАЧАЛ, РАЗ'ЯСНЯЛ И УЧИЛ

Первый бой зиновьевцам был дан вскоре после приезда в Ленинград группы членов президиума XIV с'езда — в конце декабря 1925 года.

За решения с'езда — против оппозиции — высказались: актив Выборгского района, большинство актива Петроградского района, актив гарнизона и еще ряд коллективов. Первые собрания показали, что глубоких корней оппозиция в организации не

имеет, что она держится благодаря искусственному сочетанию работы специально подобранного оппозиционного аппарата и односторонней информации рабочих масс.

Группа свердловцев-студентов была послана в Ленинград немного раньше членов президиума с'езда.

Вся работа нас, свердловцев, проходила под непосредственным руководством Кирова. Он задушевно беседовал с нами, живо интересовался каждым, даже маленьким, штрихом в борьбе с зиновьевской оппозицией. Бывали дни, когда приходилось по пять — десять раз обращаться к нему за помощью и руководством. Страстный и непримиримый борец за ленинскую линию нашей партии, он предложил нам через голову зиновьевских аппаратчиков связаться с массой членов партии и повести решительную борьбу за освобождение партийной организации из-под разрушающего влияния оппозиционеров аппарата.

Всех свердловцев он распределил по районам так, чтобы обслужить наиболее значительные коллективы. Беседы наши с рабочими на предприятиях, в производственных партийных коллективах обычно заканчивались тем, что большинство товарищей заявляло:

— Да, действительно, нас обманули. Нас обманули зиновьевские вожаки.

Но особенно действовали на рабочих выступления Сергея Мироновича. Неумолимая логика, простота и ясность его мысли, непримиримость к идейной фальши ярко вскрывали перед гущей рабочих

всю гниль, всю порочность «теорий» оппозиционеров.

Н. Крылов

Я слышал в Париже Жореса — это был первейший оратор. Мысли его захватывали, но впечатление от речи его быстро исчезало. Когда же я услышал Кирова, то, как юноша, влюбленный в девушку, я был целиком захвачен его словами — и четкими и едкими. Я был голоден в то время, но тут я забыл про голод. Казалось, что его без устали можно слушать целые сутки. И целые дни потом я находился под впечатлением его речей.

Это происходило потому, что Киров страстно верил в то, что он говорил. Все, что он говорил, он говорил с таким большим чувством, что оно неизбежно захватывало всех слушателей.

Л. Воловик

На Путиловском заводе оппозиция была довольно сильна. Во время XIV с'езда оппозиционеры нас так информировали, что прямо чувствовалось — хотели создать злопыхательское настроение против ЦК. Лишь небольшая группа во главе с товарищем Газа вела борьбу с ними. Но беда была в том, что не все понимали эту борьбу. Я был молодым партийцем и многого еще тогда не уяснял себе.

И вот пришлось нам услышать Сергея Мироновича. И сразу почувствовали мы к нему какую-то особую симпатию. Чувствовали мы, что человек этот не подделывается под массу, а рассказывает

чистую правду, то, во что сам глубоко верит. И как только стал он произносить свои знаменитые речи и в них раз'яснять рабочим, чего хотят оппозиционеры и к чему они ведут, отшатнулись от оппозиции почти все наши рабочие.

А. Дийков

Говорил Зиновьев у нас на собрании партактива «Красного путиловца» долго и все вокруг да около; безлошадному — лошадь, по земле, мол, слышно, как кулак идет, и прочее и прочее.

Со всех концов зала слышались недовольные возгласы. Невтерпеж стало путиловцам. С разных мест закричали:

— Хватит! Пусть Киров выступит!

А Зиновьев просит продлить время.

Ему дали еще десять минут, но он и этим не ограничился.

Тогда председатель собрания товарищ Газа говорит ему:

— Что же ты не подчиняешься собранию? — И лишил Зиновьева слова.

Собрание поддержало Газа, и Зиновьев был удален с трибуны.

На трибуне появился Киров.

В зале — тишина.

С первых же слов Сергей Миронович сумел взять в свои руки собрание.

— Каким образом вы здесь очутились? — обратился Сергей Миронович к Зиновьеву. — Если мне не изменяет память, вы отца навестить ездили? Значит, партию надуть собрались?

И тут же разоблачил провокационную вылазку Зиновьева, который под предлогом поездки к больному отцу отправился в Ленинград с намерением навязать коммунистам-путиловцам свои оппозиционные идеи. Не вышел номер.

Сергей Миронович выложил перед нами всю сущность чуждых рабочему классу оппозиционных «теорий», и поняли все рабочие, что оппортунисты испугались трудностей и хотели повести нас назад.

Франц Гяч

Когда Сергей Миронович спросил у Зиновьева, зачем он обманул ЦК партии, сказав, что едет в Ленинград к больному отцу, а сам пришел на Путиловский завод, чтобы заварить здесь кашу,— тот отвечал, что он действительно был у отца и на завод попал случайно. Но меткое замечание Сергея Мироновича уже разоблачило его.

Слова Мироныча были настолько ясны, настолько просты и вместе с тем глубоки, что все его слушали, как очарованные. Аргументация его против тех положений, которые выдвигал Зиновьев, была так убедительна, так ярка, Сергей Миронович так ловко и умело разбивал доводы оппозиционеров, что от настроений некоторых рабочих, еще колебавшихся до его выступления, не осталось и следа. За оппозицию поднялись лишь две-три руки.

Вся подавляющая масса, — а было тысячи три народу, зал был набит битком, — голосовала за линию ЦК.

А ведь Зиновьев до этого пользовался на «Путиловце» немалым авторитетом. Какой же силой обладал Киров, что сразу повел за собой массы! Убежденность и ясность его мысли делали речи его такими доступными, что он сразу располагал к себе всех, кто его слушал. Он сразу внес ясность в вопросы, которые волновали всех членов партии. Новый человек для Ленинграда, Киров сразу показал, насколько он велик, насколько он силен. Этим он повернул на свою сторону всю массу, да так, что от влияния Зиновьева вскоре не осталось и следа.

Зиновьев ушел с этого собрания как заклятый наш враг.

П. Данилов

НА ВСЕ ОТВЕЧУ

Зиновьев, прерываемый путиловскими большевиками, еще лепетал что-то «о гибели страны», «о кризисе в партии» и прочей чепухе, когда со всех сторон зала стали раздаваться возгласы:

— Кирову слово! Кирову!

Где-то в последних рядах президиума виднелась скромная фигура Мироныча. По-разному встретила Кирова огромная масса собравшихся. Еще ослепленная клеветой оппозиционеров, часть собравшихся сдержанно молчала. Небольшая группа зиновьевцев пыталась шуметь и мешать Кирову. А большая часть краснопутиловских боль-

шевиков, верная партии и ее ЦК, бешено аплодировала, открыто, радостно, взволнованно приветствуя боевого соратника товарища Сталина.

Киров начал речь. Разоблачив жульнический поступок Зиновьева, обманным путем приехавшего в Ленинград, разоблачив демагогию заявлений оппортунистов, он с непередаваемой ясностью и убедительностью нарисовал обстановку, в которой живут партия, страна, изложил линию партии по преодолению трудностей и указал, какие задачи лежат на каждом из большевиков, чтобы победно завершить борьбу за торжество великих идей Маркса — Ленина — Сталина.

Огромный зал слушал напряженно, неоднократно прерывая его речь бурей аплодисментов.

А когда Мироныч кончил, политическая линия собравшихся была ясна. Долго, очень долго неслись приветственные возгласы и рукоплескания по адресу ЦК, Сталина и лучшего сталинца — Кирова.

Какими жалкими, ничтожными казались и Зиновьев и его немногочисленные сторонники. Бесстрашный Киров, вооруженный ленинизмом, разгромил зиновьевских перерожденцев.

С очень большим трудом преодолели мы яростное сопротивление оппозиционеров и все-таки подготовили партийное собрание и на заводе «Электросила». Зиновьевцы принимали все меры, чтобы сорвать и дезорганизовать это собрание. Мы побаивались за исход собрания: уж слишком нагло вели себя оппозиционеры. Но слова Кирова — простые, убедительные, мужественные — сразу до-

шли до сознания каждого большевика. Как сейчас помню его образное сравнение нашей страны с судном, отплывшим от берега проклятого капитализма, но не доплывшим еще до счастливого берега коммунизма.

Помню его боевой призыв — держать правильный курс, руководствуясь надежным компасом — ленинизмом, и беспощадно бороться с теми, кто пытается навести судно — страну — на подводные камни и опасные течения. Велика, потрясающа была речь.

Киров вырос в какого-то сказочного исполина.

Замер очарованный зал. Оппозиционеры, вначале пытавшиеся шуметь, умолкли под ударом его хлестких, правдивых, большевистских слов. А когда он кончил говорить, буря аплодисментов показала, что большевик-ленинец Киров целиком завоевал партийную организацию «Электросилы», включил ее в ряды борцов за генеральную линию ЦК, за дело Ленина—Сталина.

А. Виноградов

Бюро партколлектива «Электросилы» не разрешало нам собрания и срывало наши об'явления. Мы поставили товарищей охранять об'явления. Между членами бюро и нашими сторожами происходили даже потасовки. Те лезут срывать, сторожа не дают.

Собрание было назначено в клубе, где теперь у нас детская комната. Народу собралось очень много. Все уголки заняты. На сцене — Киров и Петровский.

Только хотим открыть собрание, как вдруг слышим:

— Товарищи! От имени бюро коллектива партии заявляю, что собрание незаконно и считается недействительным.

— Здесь ведь присутствуют члены ЦК, — отвечаем мы.

— Кто они? Мы их не знаем, — не смущаются члены бюро.

Ну, тут, конечно, поднялся хохот, а когда публика успокоилась, открыли собрание.

Первым выступает Киров.

— Товарищи! — четко и вместе с тем без окрика начал он и замолк.

И сразу замолкли все.

И тут-то Киров стал громить оппозицию.

Нельзя передать дословно его речь. С такой силой, как он говорил, ведь не скажешь. И о сложных вещах вроде говорил, а так просто, что все до капельки мы поняли.

Напомнил нам Мироныч о том, что не в первый раз изменял партии Зиновьев, что еще в октябре 1917 года Зиновьев вместе с Каменевым вели бешеную борьбу против ленинского плана и выдали буржуазии секретное решение ЦК о вооруженном восстании. А потом, когда большевики все-таки победили, Зиновьев потребовал ввести в правительство меньшевиков и эсеров, то есть отдать власть тем, кто был против большевиков. Испугались они и теперь. Где же, мол, нам строить социализм, когда мы в окружении капиталистических стран, не хватит у нас сил, если на помощь

не придет революция на Западе. И выходит, вернулись они к прежнему — к тому, что не стоило нам брать власть в октябре 1917 года.

Да, в эти сорок минут своей речи Киров разбил оппозицию окончательно, и мы абсолютным большинством осудили поведение ленинградской делегации и приветствовали обращение с'езда к ленинградской организации. Мы выразили недоверие большинству нашего бюро партколлектива и постановили немедленно его переизбрать. И послали наш пролетарский привет и обещание непоколебимой поддержки ленинскому ЦК партии.

А. Никифоров

На завод «Красный гвоздильщик» приезжает некий Бронич и начинает рассказывать, что перед ленинградской организацией закрыли двери с'езда. И масса наших рабочих под влиянием этих росказней выразила доверие ленинградской делегации и вынесла резолюцию впротивовес решениям XIV с'езда партии. Из коллектива в тысячу человек за линию ЦК оказалось только шесть человек. В их числе был и я, тогда еще молодой партиец.

Оппозиционеры взяли нас на карандаш. Честно сказать, я прямо растерялся. А со мной на одной квартире Суконкин жил, работал он в качестве технического секретаря коллектива партии в ОГПУ. Рассказываю я ему про наше собрание. А Суконкин и говорит, что XIV с'езд партии прав, что зиновьевцы не верят в построение социализма в одной стране, считают, что промышленность у нас

является капиталистической, а не социалистической. Я и прошу — нет ли брошюрки. Суконкин дает мне книжку: «О новой оппозиции».

— Где бы их несколько штук достать? — прошу я.

Он говорит:

— Приходи завтра ко мне, я тебе дам.

На следующий день принес я на завод кипу книг и по совету Суконкина разложил эту литературу в рабочие ящики. Боялся я, когда раскладывал эту литературу, и говорил Васильеву — он член партии с 1916 года:

— Что-то нам будет за то, что мы голосовали против?..

Вдруг зовут:

— Приходите на бюро ячейки.

Приходим с Васильевым, а там нас начинают ругать за распространение литературы. И выносят резолюцию—считать нужным исключить из партии Щеброва и Васильева за распространение литературы ЦК партии. Одновременно предлагают исключить Аксенова и Мусатова — районных работников — тоже за распространение литературы.

Собрались мы на квартире у Васильева. Туда пришел представитель Северозападного бюро ЦК партии.

Он говорит нам:

— Не бойтесь и боритесь дальше. Вы вполне правы.

Тогда написали мы заявление в бюро партколлектива, чтобы созвали собрание. Подписали его уже двадцать один товарищ.

...В три часа тридцать минут по телефону вызывает меня секретарь партколлектива Матикайнен и говорит:

— Я тебя снимаю с производства.

— Что, почему? Что же — сдавать инструмент?

— Нет, — говорит, — не нужно, а вымой руки и являйся сюда.

Прихожу я, а там Забелин, Щербаков и Светлов — агитпроп комсомола. Матикайнен и говорит:

— Вы требовали пригласить кого-либо из руководящих партийных работников и собрать собрание? Хорошо. Мы идем вам навстречу, посылаем делегацию из товарищей, которых вы хотели; из них четыре человека за линию ЦК и один за нашу (Светлов). Поезжайте в Смольный и просите, чтобы кто-нибудь приехал для раз'яснения. Надеюсь, что все будет без всяких прикрас.

Я говорю:

— Мы обойдемся без прикрас, но скажем насчет этой литературы.

В Смольном вошли в какое-то большое помещение, где было очень много народу. И вдруг подходит низенький такой:

— От какой организации?

— От завода «Красный гвоздильщик».

— Будем знакомы, я Киров, — сказал Сергей Миронович и сел против нас (Светлова отозвал какой-то другой товарищ).

Стал он расспрашивать о положении в партийной организации, о настроениях. А мы отвечаем, что масса в тупике, в заблуждении. И даже мы неясно представляем себе, что произошло на

XIV с'езде партии. И просим, чтобы член ЦК приехал и раз'яснил нам, что произошло.

Киров говорит:

— Хорошо. — И взял все себе на заметку. А потом говорит:

— По всей вероятности я приеду сам, но не говорите об этом. — И тут же дает честное большевистское слово, что приедет обязательно.

Собрание было организовано в помещении райкома, наверху. Зал был битком набит — около тысячи человек было, все проходы забиты людьми, дышать нечем.

Киров приехал вовремя.

Матикайнен открыл собрание. Когда председатель об'явил, что слово предоставляется Кирову, оппозиционеры закричали:

— Не давать слова, долой! Зачем нам красные песни?

А он стоит на сцене так спокойно, сложив руки. Когда же немного стихло, он спрашивает:

— Ну, что, товарищи, накричались?

Оппозиционеры еще пуще. Наконец председатель криком и звонком кое-как унял их. Но в начале речи Кирова раздавалось еще очень много реплик. Он же, попутно отвечая на них, сказал:

— Вы можете подавать тысячу реплик, я на все отвечу и докажу правоту генеральной линии партии.

Сначала он говорил потихоньку, затем повысил голос, а в зале тишина — слышно, как муха летит. И когда он кончил, долго не смолкали бурные аплодисменты. После начали выступать: один —

оппозиционер, один — за линию ЦК. Потом предлагаются две резолюции: одна резолюция за то, что поддерживаем линию ЦК, осуждаем ленинградскую оппозицию за ее поведение; во второй резолюции указывается, что линия ЦК правильна, но и наша ленинградская оппозиция права.

Начинаем голосовать. Голосуем за первую резолюцию, и она проходит большинством. Против лишь те восемьдесят один человек, которые предложили свою резолюцию. Когда же начали считать голоса за их резолюцию, так они, чтобы увеличить количество голосов, перебегали с места на место.

Рабочие кричали:

— Зачем переходите?

В заключительном слове Киров совсем распластал оппозиционеров. Предложение сделать оргвыводы и переизбрать бюро коллектива прошло большинством.

Да, Киров был такой оратор, каких не сыщешь. Никто не мог устоять против его доводов. Много раз мне потом приходилось слушать его, и всегда его доклады были самым большим праздником в ленинградской партийной организации.

И. Щебров

Здорово пришлось нам драться с зиновьевцами, но до приезда к нам членов с'езда мы вели борьбу как-то неорганизованно. Когда же приехал к нам и выступил на собрании Киров, мы все были потрясены. Вот это говорил! Начинал он тихонько,

так спокойно, как за чайным столом разговаривал, а вот где нужно, бывало, так повысит голос, что даже стекла ему подсобляли. Тут же рабочие против Зиновьева выступать начали. А ведь до этого и говорить боялись. Верхушки наши — заводские и райкомовские — почти все были зиновьевцы. Ну и приумолкли мы, хотя и большую борьбу вели внутри. А после речи Кирова все осмелели. Когда Киров сошел с трибуны, мы все окружили его, и он почти каждого рабочего спрашивал, какие у нас настроения, как работается.

Н. Журавлев

Вместе с нами он бил оппозицию и вместе с нами поднимал завод, производство, улучшал быт рабочих.

Помните, что было на окраинах? Захолустье, грязь, халупы. А теперь? Улица Стачек залита асфальтом, зелень кругом, прекрасные дома для рабочих.

А сколько понастроено в этом районе?

Дом культуры.

Универмаг.

Фабрика-кухня.

Поликлиника.

Дом советов.

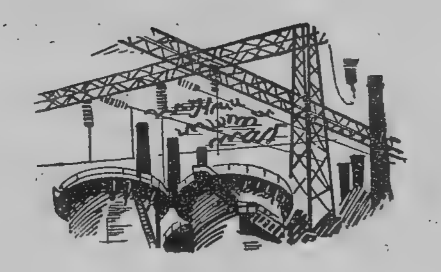
И на каждом из них можно было написать: «Имени товарища Кирова».

Услышим, бывало, что выступает Сергей Миронович, так бежим на завод ни на что не глядя. Ведь после его слов жизнь становится ясной и радостной.

На «Путиловце» был такой обычай. После собрания брали мы знамена и шли провожать Сергея Мироновича до Нарвских ворот. Мы шли пешком около трех километров и все время говорили с ним, обсуждали дела, шутили и смеялись.

Дождь, мороз — это все равно. Мы провожали нашего Кирова, а он слушал рабочих и записывал в книжечку все, что нужно сделать.

И. Глотов, Ив. Сергеев

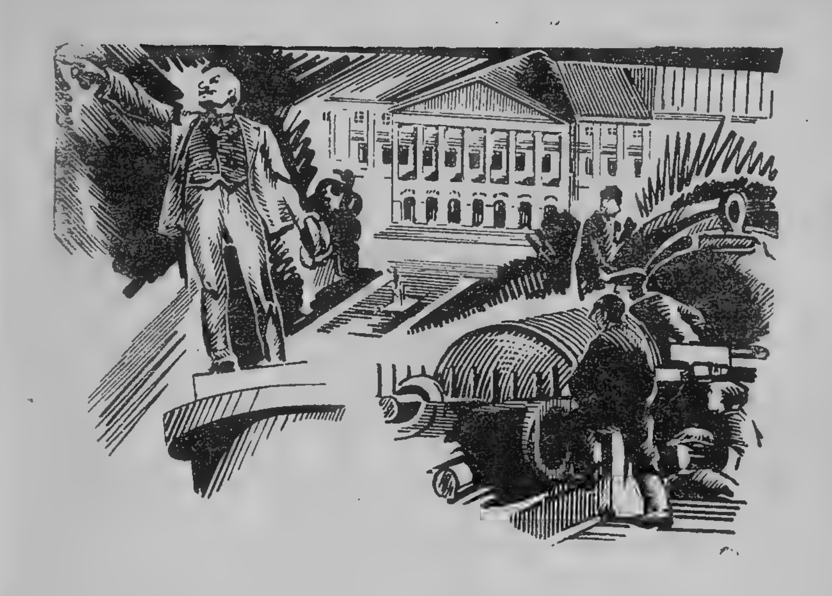
VI

В ГОРОДЕ ЛЕНИНА

«...Ленинградские рабочие говорят, что в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым.

И это, товарищи, действительно так».

С. Киров. Из речи на XVII съезде ВКП(б).

ПО-СТАЛИНСКИ

— Жили бы мы с вами на таком месте, как пустыня Сахара, — говорил Киров, — господа империалисты чувствовали бы себя спокойнее. А мы живем и работаем по Марксу и Ленину на богатейшем куске земного шара, который располагает решительно всем.

Ломоносов, — указывал он, — еще двести лет

тому назад говорил, что Северная область богата ископаемыми. И мы должны тряхнуть нашу землю...

И везде и всегда Киров подчеркивал, что нужно искать и тогда мы найдем все, что хотим. К этому звал он научные силы, всех рабочих, работниц и молодежь. Даже пионерам было дано задание: когда находишься за городом, в лагерях, собирать в лесах, в полях камешки и показывать их геологам, запоминать, где камешки найдены, ибо там могут оказаться руда или еще какие-либо полезные ископаемые. Академия наук, геологоразведочные учреждения и научно-исследовательские институты под влиянием Кирова все свое внимание обратили на изыскание богатств области.

И что же? Мы имеем теперь Хибиногорск.

Нашли уголь, шунгит, сапропелит, медь, железо, вольфрам, при строительстве Беломорского канала — золото, свинец, ртуть.

П. Данилов

С необычайной смелостью и прозорливостью поставил он вопрос о постройке металлургического завода для обеспечения металлом машиностроения в Ленинграде.

Для металлургического завода нужны в первую очередь сырье и топливо. Мысль Кирова заглядывает далеко вперед — он ставит вопрос об использовании гдовских сланцев, местных торфяных болот. Наконец, по его инициативе составляется проект газового комбината на торфе и сланцах. Этот комбинат и должен дать топливо будущему металлургическому гиганту.

Нужна руда — производятся геологические изыскания на Кольском полуострове. Там находят запасы железных руд. Обследуется Пудожское месторождение. Там обнаружены железные руды промышленного значения. Сейчас Центральный институт металлов разрабатывает методы переработки этих руд. Проблема доменного передела в Ленинграде требовала длительного срока для ее осуществления. Но можно пока использовать отходы машиностроения: железный лом и стружку. И вот по указанию Кирова был составлен проект Ленметаллургстроя, который предусматривал постройку завода начиная со второго звена металлургического цикла — со сталеплавильного, а затем и прокатного цехов.

Мы беседовали с ним о перспективах большой металлургии Ленинграда. Широкая осведомленность Кирова о всех новейших тенденциях в металлургии буквально поражала. Он был в курсе опытных работ по использованию торфа в доменной печи, по плавке на дутье, обогащенном кислородом, комбинации торфяного топлива с кислородным дутьем, прямому восстановлению железа.

Все это преломлялось в одном стремлении—подготовить техническую базу для создания ленинградской металлургии. Ленинградский же металлургический завод, по выражению Кирова, будет являться «скорой помощью» для Ленинграда при острой нужде в металле.

Советское машиностроение совершенно не имело опыта изготовления таких механизмов, как гро-

мадные клапаны Клинга, доменные под'емники для уборки коксовой мелочи, задвижки для горячего и холодного дутья, перекидные клапаны для мартеновских печей, восьмидесятитонные чугуновозные ковши, тележки для изложниц, завалочные машины, сложные железные конструкции и т. п. Все взоры были обращены на Ленинград. Его заводы могли помочь. Но надо было сломить консерватизм и упорство отдельных хозяйственников и техников, которые с пеной у рта доказывали, что заказы для металлургии не соответствуют специальности, невыполнимы на существующем оборудовании и т. д.

И вот тогда-то и выяснилась во всей полноте громадная организующая роль Кирова. На совещаниях в Облплане, в повседневной оперативной работе, ликвидируя малейшие затруднения, доказывал он возможность выполнения заданий черной металлургии.

Глубоко вникал он в технические детали, подталкивал одних и поощрял других руководителей ленинградских заводов.

По его инициативе отдельные предприятия осуществляют широкую кооперацию между собой. Ижора делает отливки, их обрабатывает Балтийский судостроительный завод, а собирает «Красный путиловец». Такое разделение функций позволило привлечь к выполнению заказов черной металлургии значительное количество предприятий, начиная от громадных судостроительных гигантов и кончая мелкими, полукустарными заводиками местной промышленности. Это был новый

и смелый эксперимент. Можно было опасаться распыления ответственности, но Киров сумел увязать всю эту разрозненную работу в один крепкий, железный узел. Несмотря на огромную перегруженность, он взял под свое личное наблюдение заказы черной металлургии, неоднократно об'езжал те заводы, где происходили неполадки, устранял личным вмешательством возникающие между отдельными предприятиями недоразумения.

Заказанные за границей десититонные электрические печи «Миге» для первой очереди Днепровского промышленного комбината — алюминиевого завода — были забракованы. Фирма, изготовлявшая основные их части, об'явила себя банкротом.

Пуск завода грозил затянуться надолго.

Казалось, что выход один — опять заказать за границей новые печи, вновь затратив на это дело сотни тысяч золотых рублей.

Возникает дерзкая мысль: нельзя ли изготовить печи «Миге» у нас, в Союзе? Вначале было немало скептиков, отнесшихся к этой идее с недоверием. Но за плечами был уже опыт Кирова — опыт широкого кооперирования ленинградских заводов для выполнения сложнейших технических задач. Заказ на печи был разбит между десятью ленинградскими заводами. Киров берет на себя наблюдение, координирует работу этих предприятий, и алюминиевый завод получает советские электропечи системы «Миге», ничем не уступающие заграничным.

Затем было начато изготовление аналогичных печей для Зестафонского завода ферросплавов.

Г. Абрамов

Этот человек, невероятно занятый напряженной партийной и государственной работой, находил время и считал нужным повышать свою техническую грамотность.

Однажды меня вызвали к нему. Сергей Миронович подробно расспросил меня, по каким учебникам, каким методом можно при наименьшей затрате времени изучить сопротивление материалов и детали машин. Тогда тяга к технической учебе хозяйственников-директоров еще не была сильна.

В Ленинграде Сергей Миронович первым взялся за учебу.

Я составлял план занятий и давал ему различные специальные указания.

При разговорах поражали редкая осведомленность Кирова в технических вопросах, знакомство с технической литературой. Он, например, расспрашивал меня о многих специальных учебниках, о технических книгах, названия которых знакомы вообще лишь специалистам.

— Для чего надо вам иметь втузовскую подготовку? — бывало, спрашивал я.

И тогда Сергей Миронович отвечал, что большевикам-руководителям знать сопротивление материалов так же необходимо, как и сопротивление классового врага.

Профессор А. Танский

ГВОЗДЬ РАБОТЫ

Когда заводы получили сложные, ответственные заказы и некоторые товарищи говорили, что справиться с ними очень трудно, Киров подчеркивал:

— Где же это можно сделать, как не у нас в Ленинграде?

И спрашивал, что делается на заводах для выполнения ответственных заказов, понимают ли коммунисты значение этой работы, доведена ли до сознания каждого рабочего необходимость высокого качества продукции.

Когда поднимался вопрос, нельзя ли получить дополнительное оборудование, Киров приходил на завод и сам с карандашом в руках у станков подсчитывал, полностью ли они используются. Он говорил с коммунистами, с мастерами, с инженерами, сам все проверял и подсчитывал. Он не сулил, не обещал, а указывал:

— Сделайте сами, используйте все, что есть.

И в то же время добивался, чтобы завод подкрепили и людьми и оборудованием.

И. Алексеев, П. Смородин и В. Соболев

В кабинете Кирова я взволнованно говорил ему о том, что шлифовальные камни — абразивы, необходимые для производства подшипников, нам приходится покупать в Америке, потому что завод имени Ильича в Ленинграде, единственный в СССР, который мог освободить нас от импорта, от нашего заказа отказывается.

— Не освоить нам, — говорили они. — Тяжело. Завод наш молодой, силенок еще мало.

Опершись локтями на письменный стол, дружески кивал Киров мне головой, прощая мою горячность.

Говорил я минут двадцать. И когда я кончил, он мягко улыбнулся и заявил:

— Ничего, не волнуйся! Ваш гигант получит нужные абразивы.

Моя речь была пересыпана техническими терминами о составе камней, о количестве зерен, об их размерах. А он великолепно понял меня. Ушел я из кабинета радостный и обнадеженный.

Через несколько дней «Шарикоподшипник» получил из города Ленина первые отечественные камни. В 1932 году от завода Ильича мы получили камней на восемьсот тысяч рублей, а в 1933 году — на миллион семьсот тысяч рублей.

Но вот завод ухудшил качество абразивов. Технические же руководители абразивного завода опять повторяли старую песенку:

— Не можем мы давать камни лучшего качества. У нас нет сырья.

Опять к Сергею Мироновичу, и опять он выслушал меня внимательно, улыбнулся и подбодрил:

— Срочно примем меры, обязательно добьемся такого качества камней, чтобы ваш гигант не имел к нам, ленинградцам, ни одной претензии.

Сергей Миронович сдержал свое слово. Спустя полмесяца наш завод уже получал абразивные камни, ничем не уступающие по своему качеству лучшим заграничным образцам.

Сейчас мы полностью отказываемся от импорта наиболее ходовых у нас абразивов, мы получим их в текущем году от завода имени Ильича не меньше чем на два миллиона триста тридцать тысяч рублей.

Н. Лапса

Мироныч отбил охоту у некоторых людей противопоставлять местные интересы всесоюзным.

Он работал в Ленинграде, но заботился обо всем Советском Союзе. Он знал и следил за тем, как изготовляются турбины для Тулы, детали для домен Магнитки, печи «Миге» для Запорожстали, пропашники для хлопковых полей, запасные части для тракторов. На всех заводах и фабриках знали: если завалил программу или выпустил негодную продукцию, то кто-кто, а Мироныч обязательно узнает и потом на активе расскажет:

— Вот овладели техникой, научились делать флейты, всем хороша флейта, только не играет!

Когда шло соревнование между путиловцами и сталинградцами, иногда по нескольку раз в сутки после каждой смены звонил Мироныч на завод:

— Сколько выпустили тракторов? В чем задержка?

Если смена отставала, то иногда Мироныч сам приезжал, приходил в цех, говорил с рабочими на отстающих деталях. Умел подбодрить одних и сказать так другим, что потом долго вспоминали: «Недоволен остался!»

После разговора с Миронычем работалось веселей и отстающие становились ведущими. Смена

становилась передовой, тянула за собой остальных. Значение этого соревнования было особенно велико тем, что Мироныч через путиловцев заставил подтянуться и Сталинградский тракторный.

Г. Пылаев

Многие сомневались в том, что путиловцы сумеют наладить массовое производство советских тракторов. Но Киров в этом был твердо уверен и сам возглавлял борьбу за советский трактор.

Он почти ежедневно приезжал на завод в тракторную мастерскую, где знакомился с ходом выполнения программы по тракторам и давал ряд ценных практических указаний по устранению недочетов.

Один раз, когда я услышал о его приезде, бросил я свое дело и пошел к нему, а он как раз на малом конвейере стоял. Подхожу и говорю:

— Здравствуй, дорогой товарищ!

Он посмотрел на меня и отвечает:

— Здравствуй!

— Что, — я говорю, — не узнаешь, товарищ?

— Нет, — говорит, — не могу что-то вспомнить.

— А помните, я вам с Путиловского передавал машину для печатания?

— Так это, — говорит, — тобой добыто?

— Да, мною...

...Это было на подпольном собрании большевиков, еще до германской войны. Меня познакомили с Сережей Маленьким из сибирской организации. И понравился же мне Сережа Маленький за речь

свою на этом собрании, да так, что, когда он кончил говорить, мне даже жалко стало. Я спросил у одного из товарищей, зачем приехал Сережа.

— За пишущими машинками, — ответил он мне.

Вечером отрезал я на чердаке веревку и — на завод.

Пришел я в мастерскую, вошел в конторку начальника, где обычно сидят счетоводы. Увидел, что пишущая машинка не закрыта. Я ее взял, завернул в тряпку, принес к себе и спрятал в кладовую за ящик.

В обеденный перерыв я ушел из мастерской с машинкой.

Парень я был шустрый, да и товарищи помогли. Они отозвали сторожа в сторонку, а я в это время побежал по бревнам через канаву к забору.

Вот тут-то мне веревочка и пригодилась. Завязал машинку, перепрыгнул сам через забор, а потом перетащил машинку и направился на Новосивковскую улицу.

Товарищи еще не расходились.

Я развернул бумагу и говорю Сереже:

— На тебе, Сережа, на память.

Взял он машинку и поглядел с доброй улыбкой. Подошел поближе и в щеку поцеловал.

— Спасибо, — сказал, — никогда не забуду...

Вспомнили мы об этом, посмеялись. А потом он и спрашивает:

— Ну, как у тебя дело здесь поставлено?

— Дело плохо, Сережа. Помогать нам надо. (Тогда нам дали первый правительственный заказ на выпуск большого количества тракторов, а мы

давали всего двенадцать-тринадцать тракторов в сутки.)

В следующий приезд он выступил на собрании. Горячо говорил, по-настоящему, понятно так, спрашивал рабочих, мастеров, начальство:

— Можно столько-то тракторов выпустить?

Они отвечают:

— Нельзя.

А он тогда и говорит:

— Таким способом нельзя, а если коммунистическим, то можно. Коммунистическим способом мы выпустим и должны выпустить столько.

И стали мы тут давать по пятидесяти семи тракторов в сутки.

В 1934 году приехал он к нам уже с новым заказом. Кончаем мы тракторы и переходим на тракторные пропашники. Это очень сложная новая машина, очень капризная. Это еще почище «Фордзона» будет.

И сказал нам тогда товарищ Киров:

— Вот, товарищи, государственное задание, правительственное задание. Мы его должны выполнить. К такому-то числу вы должны дать сто пропашников во что бы то ни стало.

— Сергей Миронович, постараемся, — отвечали мы.

В. Егоршин

Мироныч долго ходил по нашему цеху и беседовал с бригадирами, мастерами, рабочими, начальниками цеха относительно выпуска трактора-пропашника. Он внимательно присматривался к ра-

боте конвейера на сборке, и ни одна мелочь не ускользнула от его зоркого взгляда. То было время, когда производство пропашника путиловцами только осваивалось и осваивалось с большим трудом.

— Ну, как идет работа? — обратился Мироныч ко мне.

— Туго, что-то плохо выходит у нас, товарищ Киров.

— Я вижу, что плохо. А что и почему плохо, вы знаете?

— Что держит нас, Сергей Миронович, мы знаем: на освоение нового производства нужно время; тут и некомплектная подготовка, недостача оборудования, и инструмент, и заготовка...

— А по-моему, — сказал Мироныч, — ваш цех напоминает квартиру, в которую только что переехали и все вещи свалили в кучу. А раскладываете вы их, как неряшливая домохозяйка.

Нам действительно нужно было втечение месяца переставить и заново установить восемьсот пятьдесят станков, не останавливая производства, и Сергей Миронович приехал как раз в тот момент, когда в цеху был настоящий кавардак.

— Здесь еще недостаточно понимают, — продолжал Сергей Миронович, — что такое пропашник.— Вот эта машина, — указал он на собранный трактор, — не просто пропашник, это, товарищи, политика партии. Вот на этом конвейере вы вершите политику партии. Раз'ясните это рабочему, растолкуйте, что пропашник, посланный вами в Среднюю Азию, — это больше хлопка. А больше хлоп-

ка — это больше мануфактуры, это больше белья, это больше зажиточных рабочих и колхозников. Раз'ясните это да разберитесь в своих организационных неполадках, расставьте лучше свою силу — вот тогда дело несомненно пойдет...

Мы видели и чувствовали, что цех произвел на Сергея Мироновича тяжелое впечатление, и, чтобы сгладить это, чтобы «хвастнуть», мы провели его в нашу измерительную лабораторию, в которой царили образцовый порядок и чистота. Но и тут «не вышло».

При об'яснении, что наша лаборатория «ловит микроны», Сергей Миронович и здесь очень метко определил:

— Микроны-то вы ловите, а болт на сборке в дыру кувалдой загоняете!

Н. Амелюшкин

ОТ МЕЛОЧЕЙ К БОЛЬШОМУ

Трудностей при переключении на производство пропашников было очень много. Нам пришлось самостоятельно разработать проекты, технологические процессы, подготовлять инструментарий и т. д., причем все это нужно было сделать в очень короткие сроки. Сергей Миронович отчетливо представлял себе все эти трудности и предупредил нас о них резко и прямо.

— Времени мало, — говорил он, — но вы должны закончить эту работу как можно скорее. В апреле «Путиловец» должен дать первые сто пропашников.

Мы отстали. В начале июня он приехал на завод снова. Хотел проверить, насколько глубоко наше отставание, что мы делаем для того, чтобы его преодолеть.

Он крепко ругал нас за то, что станки используются неполностью, что в цехах много мусора. Мастерские ФЗУ, производящие крепежные материалы (болты, шайбы, гайки и т. п.), особенно отставали. Сергей Миронович долго говорил с директором ФЗУ Вальнесом, указывал ему на недостаточное использование возможностей и в первую очередь — на неполную загрузку станков.

— Мне сдается, — говорил Киров, — что работаете вы серьезно, но все-таки многого еще не сделали. А не сделали потому, что об этом не подумали, не предвидели. Мне кажется, что долгое время вы ходили вокруг да около и покручивали усики.

Сергей Миронович сказал это очень добродушно, но его слова заставили нас с утроенной силой взяться за работу.

Идет он по заводу. Подходит к отливке одной детали для пропашника. Внимательно ее осматривает. А потом говорит:

— Хорошая отливка. Аккуратная работа. Только почему такие толстые стенки? Посмотрите на американскую машину, насколько там все отливки тоньше, экономнее. Надо беречь металл. Наша страна нуждается в нем. Нельзя допускать ни малейшего расточительства...

И во всех указаниях, которые он давал и нам, руководителям предприятий, и цеховым работни-

кам, и рядовым рабочим, Сергей Миронович всегда делал упор на культурность в работе, на искоренение кустарщины и дедовских, допотопных приемов производства. Он всегда подчеркивал, что нам, догнавшим передовые капиталистические страны, нужно догнать и перегнать их в смысле качества и в смысле культурности в нашей работе.

К. Отс

Никто никогда не знал, когда Киров появится у нас на «Путиловце». Приезжал он как свой, иногда даже ночью. И всегда неожиданно. И все так к нему привыкли, что, когда он проходил по цеху, все оставались спокойно на местах.

Разговаривали мы с ним, продолжая свою работу.

В. Дийков

И вот идет он от одного станка к другому и вдрут остановился у одного. Обошел кругом и стал сзади фрезеровщика.

Потом улыбнулся:

— А кто этому станку хозяин?

Мимо проходит бригадир.

— Я, — говорит, — бригадир.

Сергей Миронович показал на шарошку:

— Надо что-нибудь сделать, чтобы не пищала в работе. А я бы вам посоветовал выбрать канавку зуба, тогда она пищать не будет, если и сработается зуб.

Бригадир тут же побежал и переточил все шарошки.

А то еще как-то подошел он к станку, где маховики растачивали.

Рабочий в это время выключил станок и, не дожидаясь, пока он остановится, накинул измерительную скобу. Скоба застряла и сломала рабочему палец.

Сергей Миронович подозвал мастеров и сказал им на их оправдания:

— Его обвинять нечего: он заработать хочет. А вам нужно устроить так, чтобы станок сразу останавливался. Пружину, что ли, сделать или палку ясеневую всовывать под шкив.

В. Егоршин

...Переходил я пути на заводском дворе. Вдруг слышу — кто-то кричит:

— Здорово, путиловец!

Смотрю — стоит Киров обеими ногами на рельсе и смеется.

Память у него была исключительная. Чуть ли не после второй встречи он, увидев меня и некоторых моих товарищей в одной из комнат Смольного, запросто подошел, подал руку и спросил:

— Ну, как дела, путиловцы?

Выслушал нас внимательно и дал нам несколько деловых указаний.

С 1928 года Сергей Миронович был нашим постоянным делегатом в совете и состоял членом бюро заводской партийной организации. И на строительстве железнодорожной пересечки, и в тракторном цеху при выпуске пропашников, и в электроцеху — всюду, где был Сергей Миронович, от

его глаза не ускользали самые мелкие недостатки.

Был он как-то у нас в ФЗУ. Обратил внимание директора на то, что ключи у учеников забиты. «Это, — говорит, — некультурность». Он вообще вел линию от мелочей к большому. Это была его особенность как руководителя. И еще говорил он нам: «Надо учиться и учиться, — и добавлял: — терпеливо».

Франц Гяч

ПРОШЛО ВРЕМЯ ТЯНУТЬСЯ

Однажды часов в восемь утра открывается дверь. В экспериментальную «Путиловца» входит человек. Издалека даже не разобрал, вижу только, что не из наших рабочих. Серое полупальто, шапка барашковая круглая, высокая. Подошел ко мне, смотрю — Киров!

Поздоровался он и спрашивает:

— Что это за производство у вас тут?

— Мотовозы, — говорю, — товарищ Киров.

— А куда они идут?

— На строительство, на торфоразработки, на железные дороги.

Подробно ему рассказал их устройство и принцип работы. Он внимательно так слушал, потом спрашивает:

— Какое вам дано задание?

— На этот месяц восемнадцать штук, — отвечаю я.

— Ну, смотрите, выполняйте — небось, не всегда справляетесь с программой.

Пришлось сознаться, что бывали «грехи», не выполняли, но на этот раз надеемся справиться.

— И я на это надеюсь, — просто сказал Киров.

Никогда он мимо не пройдет, остановится, всегда за руку с тобой поздоровается, начнет расспрашивать о работе. Когда он не один, как-то стесняешься, а ежели один, и свободно и легко с ним разговаривать.

Вот были мы у него в Смольном с рапортом. Приветливо, радостно встретил он нас. Положил перед нами пачку папирос. Кто-то заметил, что нас очень много и что мы надымим. Он услыхал это замечание и возражает:

— Нет, нет, ребята, курите, пожалуйста.

И стали тут мы рапорт ему отдавать по случаю выполнения программы. Все встали, и Киров встал. Нас разделяли столы: один большой. с телефонами — штук пять-шесть, другой — письменный. Отрапортовали мы и сели.

— Спасибо, товарищи, за выполнение программы. Надеюсь, и дальше будете так же работать.

Потекла тут у нас задушевная беседа о производстве и жизни нашей. Он заметил, что наше производство немного хромает в отношении качества. Мы говорили о том, что мы хотим прикрепить рабочих к станкам и думаем, что от этого и качество повысится и количество увеличится.

— Это хорошая вещь, — сказал он. — Старые производственники могут это дело наладить.

Долго очень беседовали. Потом мы заметили:

— Мы вас не затрудняем ли?

— Нет, нет, товарищи, — сказал он, — я рад такой делегации, очень рад, пожалуйста.

А на прощание сказал:

— Лучше сто штук тракторов хорошо сделать, чем двести плохо.

А. Румянцев

— Как в части качества?

Я говорю:

— Ничего, тянемся.

— Станки, я слышал, у вас, свердловцев, по точности хорошие,— говорит Киров.— Но как снаружи выглядят?

А я и говорю:

— Бояться нечего, мы свои найдем среди заграничных. По наружному виду они здорово отличаются.

Тут Мироныч на меня:

— Вот это наша беда. Наши станки должны конкурировать с заграничными и не только по точности, но и по наружному виду.

— Ясно, — отвечаю, — мы будем теперь тянуться.

Но он поправляет:

— В 1935 году нужно работать так, чтобы заграничные перегнать, а не только тянуться.

Я повторяю, что нужно сначала подтянуться, а потом перегонять. А Киров опять свое:

— Прошло время тянуться, нужно перегонять!

С. Копейкин

БЛЮМИНГИ, БАНКАБРОШИ, ТУРБИНЫ, КОРАБЛИ...

...На стенде стояло несколько банкаброшных машин. Шла приемка.

Сергей Миронович взял в руки деталь и спросил инженера Кабанова:

— Какого диаметра эта деталь?

Инженер ответил:

— Четыре миллиметра.

— Нет,— говорит Киров,— по-моему, здесь семь миллиметров. А не тонко будет?

Когда проверили, оказалось в действительности семь миллиметров.

Инструментальный цех нашего завода № 7 получил задание — изготовить ключи «Бако» типа раздвижного французского для машинно-тракторных станций.

Общественность цеха и заведующий были против этого заказа, так как он для нас был слишком прост. В нашем цеху работают самые квалифицированные рабочие, выполняющие весьма сложные работы. Этот заказ как бы засорял наше производство. Но заводоуправление настаивало на своем.

И вот однажды Сергей Миронович заходит в наш цех. Никто не говорил Миронычу, что мы недовольны работой, но он сразу обратил внимание:

— Что это за производство, куда это?

— Ключи «Бако» для машинно-тракторных станций.

Сергей Миронович покачал головой:

— Это нужно, но это не к лицу вашему цеху. Будет лучше всего этот заказ передать в ФЗУ.

И ФЗУ великолепно справилось с этой работой.

Был я в Москве как член ВЦИК на с'езде советов. А меня наш директор попросил закрепить в Наркомтяжпроме заказ на лесопильные рамы. И все никак не удается в Наркомтяжпроме толку добиться. Тогда подошел я во время перерыва на с'езде к Сергею Мироновичу и рассказал ему про свои затруднения:

— Какой заказ? — спрашивает он.

Я говорю:

— Изготовление лесопильных рам.

Он пожал плечами, дав понять, что завод может делать более сложные вещи.

— Ладно, в десять часов приходи в Наркомтяжпром, все будет сделано.

Прихожу туда, а мне и говорят:

— Все сделано. Но лесопильных рам вы не получите, для вас мы приготовили заказ получше.

Мы тогда получили заказ на банкаброши и ленточные машины для текстильных фабрик.

П. Кобозев

Приезжает как-то Киров на Ижорский завод и приходит в наш второй цех.

Цех недавно в большей своей части был на консервации и только-только раскачивался. Программы постоянной не имел. Было принято очень много рабочих — около двух с половиной тысяч человек, — почти целый завод, но впечатление от

цеха было убийственное: многие рабочие бродили взад и вперед по цеху без дела.

И вот Киров говорит:

— Нужно вам дать какое-нибудь хорошее задание, чтобы вы, техники, мастера, инженеры, это почувствовали, подумали, а то вы совсем закисли. Вам нужно хорошее задание, и тогда вы все встряхнетесь.

Оказалось, он говорил о блюминге.

И вскоре мы получили этот грандиозный заказ и приступили к созданию первого советского блюминга. И все время Киров тщательно следил за ходом этой работы и непосредственно руководил ею.

Н. Власов.

Когда начали формировать первую станину блюминга, он приехал сам.

И сразу:

— Нужно очистить мастерскую.

И действительно, грязь там была невообразимая.

Когда через два дня он приехал снова и увидел, что цех стал таким чистым, что босым ногу не наколешь, подошел он к старшему мастеру:

— Молодец, — и похлопал его по плечу. Потом меня позвал, а я секретарем цехячейки был.

— Так и нужно работать. Нужно, чтобы все было видно. Надо, чтобы ты знал, какую воду рабочие пьют. Если тебя спросят, какая вода, а ты не будешь знать — какой же ты руководитель!

А у нас воду кислят, потому что у печки большая жара, и за этим надо следить.

Когда на заводе отлили первую станину, Мироныч сказал:

— Прекрасно. Это большой плюс для вас.

Когда вынимали станину, он все беспокоился: нет ли трещин? И все сам проверял, все сам хотел посмотреть.

В станинах блюминга нужно было просверлить дыры, а у нас, на Ижорском заводе, не было подходящего станка. Мироныч страшно беспокоился, чтобы не запороли станину.

Он сказал:

— Возьмите станок с «Дизеля».

На «Русском дизеле» мы и достали специальный станок.

В. Сухарев

Как-то Киров приехал к нам на Ижорский в выходной день. Рабочих не было. Пришел ко мне в цех и заинтересовался паровой машиной для буксира. Спросил, сколько стоят первая и вторая, долго ли мы их обрабатывали, какое имеем задание.

Я сказал, что в 1934 году мы сделали десять машин.

— Мало, мало, — говорит, — нужно больше делать.

Я об'ясняю, что наш цех делает не только машины, но мы ремонтируем также весь завод, все металлургические цеха.

Но он перебил меня:

— В 1935 году нужно выпустить сорок пять машин.

— Если снимут ремонтную работу, то выпустим и больше.

А Киров:

— Нет, ты не говори насчет этого — это нужно сделать вместе с ремонтом.

Сделали мы заявку на кровельное железо, а Мироныч на нас:

— Какого чорта вы просите? Неужели не найдете какого-нибудь стана, самим его прокатать? Должны найти. Ну и катайте, а я помогу вам.

Вот после этого и начали мы делать прокатку кровельного железа. Так он чуть ли не каждый день звонил директору:

— Ну, как у тебя?

И что же? Покрыли мы на заводе своим железом несколько цехов, да и многим заводам в Ленинграде помогли.

П. Громов

В последний раз приехал он на Ижорский неожиданно, в выходной день. Он хотел узнать результаты опытно-исследовательских работ завода по новой марке стали. Вместе с директором завода Беловым Сергей Миронович обошел все цеха, ознакомился на месте с ходом работ по судостроению и с наметкой развертывания судостроения в 1935 году.

Он показался мне не весьма словоохотливым. Держал себя просто. Задавал вопросы конкретного

порядка, стараясь в мелочах уяснить интересующий его вопрос, относился ли он к технологическому процессу или к календарному плану выполнения.

Внимательно и сосредоточенно выслушал об'яснения, направляя беседу к всестороннему и подробному изложению затронутого вопроса.

Когда я закончил свое сообщение о результатах освоения новой марки стали, Сергей Миронович глубоко проанализировал материал и попросил дать по многим вопросам дополнительные раз'яснения.

— Отстаем ли мы от заграничной практики в этом производстве? — спросил он.

Получив отрицательный ответ, он спросил:

— А каким материалом мы располагаем?

Я указал на отчетные материалы командированных за границу, некоторые информации и литературные данные. По окончании об'яснения он поблагодарил за доклад.

— Ну, товарищ Булин, скоро я тоже буду металлургом.

Когда я ему сказал, что отчет ему перешлем, он взял его в руки:

— Нет, уж я его возьму с собой.

Уходя, он заметил:

— У нас специалисты так загружены, что не всегда могут сосредоточиться на тех или иных серьезных вопросах. Ты, товарищ Булин, просто выключай часа на два в день телефон и запирайся.

Н. Булин

Когда у нас, ижорцев, возникла мысль построить пару буксиров, используя для этого старый заброшенный эллинг, и мы поделились этим замыслом с Сергеем Мироновичем, его творческий ум сразу подхватил эту идею. Он уже видел целую флотилию таких буксиров и красочно обрисовал нам всю глубокую сущность задуманного дела. Он предложил нам создать мастерскую, делающую паровые машины для этих буксиров. И вскоре мы получили из Наркомтяжпрома твердое задание — дать стране в 1934 году пять буксиров, а в 1935 году — сорок.

Он часто журил нас за плохую дорогу к заводу:

— На этой дороге машину можно сломать. Ведь этак, товарищи, к вам никто не поедет...

Но сам он не смущался этим обстоятельством, и, несмотря на плохое состояние пути, каждый раз, когда завод ощущал острую нужду в его присутствии, в его авторитетной поддержке, он появлялся в цехах гиганта.

В. Соловьев

На заводе имени Сталина родилась идея о постройке крупных турбин. Когда на завод приехал Серго Орджоникидзе с Кировым, мы рассказали им об этом. Загорелся жаркий спор.

— Мы немножко горячо беремся — это дело серьезное, — сказал кто-то из окружающих.

Сергей Миронович горячо возразил:

— Дело это очень нужное для всего народного хозяйства. Делаем мы маленькие машины — этого мало. Теперь нужны крупные машины.

Товарищ Орджоникидзе также очень одобрительно отнесся к нашему предложению, и мы вскоре приступили к изготовлению первой мощной советской турбины.

Было это в 1930 году.

И. Пенкин

Критикуя на общегородском собрании работу ленинградских заводов, Сергей Миронович особенно ругал нас за вечные жалобы на отсутствие материалов, из-за чего, мол, не выполняется программа.

— Все ссылаются,— говорил он,— на то, что не хватает материалов. Это, конечно, верно. Но вот завод имени Сталина остановился, потому что навоза не хватает. Неужели, говорит, у нас в Ленинграде и навоза уж нет?

Мне было стыдно, в глаза ему не мог смотреть. А я тогда в президиуме был — решил потихоньку уйти. Сергей Миронович, увидя мое смущение, подзывает:

— Ну что, как дела на заводе?

— Да ничего дела, вот только действительно стыдно, что сталелитейная стоит из-за навоза. Не раскачались мы вовремя.

Жестоко как-то досталось от него всем, кто безобразно отнесся к изготовлению тракторных частей. Мы только что перед заседанием об'яснили ему, почему часть заказов не сможем сделать. Он нам на это ничего не сказал, а в выступлении выругал. Расстроенные и огорченные, уехали мы на завод.

А дело было уже ночью.

Вдруг звонок:

— Сергей Миронович едет!

Приехал — и прямо в цех.

— Покажите тракторные части!

И начинает расспрашивать про те тракторные части, которые мы должны были изготовлять, но считали, что не сумеем.

И тогда он сказал, что под своим личным наблюдением он проведет кооперирование заводов, чтобы ленинградские предприятия с этим заказом справились.

Так и было.

Для нас его слово, его оценка были самым ценным, самым дорогим.

Поставили мы турбину на Ниве, в Хибинах. Все было в порядке, при встрече я как-то даже похвалился Миронычу:

— Вот Ниву мы пустили, хорошо работает!

И вдруг — звонит уполномоченный Наркомтяжпрома Светиков: со станцией неблагополучно. Я говорю:

— Быть не может! По нашим сведениям, станция работает хорошо.

— Приезжайте ко мне, я устрою вам очную ставку с товарищем Кондриковым, управляющим трестом «Апатит».

Устроили эту встречу. Кондриков говорит:

— Турбина плохая, ржавая.

Я отвечаю:

— Вы перепутали, это ничего общего с действительностью не имеет.

Дело дошло до ругани. И вот, когда у меня уже не осталось ни одного довода, я говорю Кондрикову:

— Да ты пойми, ведь мы же сказали Сергею Мироновичу, что турбина хорошая. Что же он теперь скажет, если узнает, что это не так. Значит, мы его обманули! Ты понимаешь, что ты говоришь? Не могли мы его обмануть — ты что-то путаешь!

Послали мы в Хибиногорск инженера для составления акта о работе турбины. Оказалось, что турбина была с другого завода, и работники Нивастроя действительно перепутали.

И. Ицхакен

Первая наша турбина в десять тысяч киловатт была уже на стенде, как вдруг вечером, часов в одиннадцать, меня подручный зовет:

— Идите, — говорит, — Николаич, пришел Киров.

Киров влез на турбину, тщательно с трубкой ее прослушал, расспросил, долго ли она строилась, куда идет турбина, какие в ней детали и гладко ли идет испытание.

Очень прост был. Много смеялся. Никак не подумаешь, что человек этот занимает такой высокий пост.

Потом стал часто бывать у нас, у сталинцев.

Приедет всегда неожиданно и спросит по-товарищески:

— Ну, мастер, давай, чего тебе не хватает?

Скажешь ему там:

— Патрубков, клапанов.

Он все это в книжечку запишет — такая у него была красненькая, и обязательно через день-два детали появляются.

Особенно много он заботился о нуждах Невдубстроя, так что, когда станция была построена, все рабочие единогласно и от души просили присвоить ей имя товарища Кирова.

С. Тимофеев

Во время постройки Нивастроя потребовались патрубки диаметром в четыре с половиной метра. Работники Нивастроя обратились к Сергею Мироновичу за помощью. И вот получаю от него личное письмо:

«Придавая особое значение своевременному пуску Нивской гидроэлектрической станции, прошу вас взять под личное наблюдение заказ Нивастроя на изготовление стальных патрубков напорного трубопровода, баков масляного хозяйства и насосной установки в количестве сто девяносто тонн со сроком исполнения этого заказа не позднее сентября месяца этого года при обязательстве Нивастроя доставить необходимые вам материалы не позднее 1 августа сего года.

Учитывая возможные трудности сборки четырех тридцатитонных патрубков, при невозможности выполнения заказа в котельном цеху, прошу вас принять личное участие в выяснении этого вопроса и в крайнем случае прибегнуть к кооперированию по указанию ГУСП.

Секретарь Ленобкома
С. Киров».

Балтийский завод нашел материалы, выполнил эту работу и послал бригады работников в Заполярье, для того чтобы эти патрубки смонтировать. Авторитет Мироныча был так велик для нас, что мы выполнили не только производственную нашу работу, но пошли и дальше, взяв на себя монтаж.

Когда Балтийский завод досрочно закончил годовую программу 1933 года, мы пошли к Кирову с рапортом. Он был страшно рад. Об этом без слов нам говорила его щедрая улыбка. Тут же лично он начал писать приветствие балтийцам. Написал одну страничку — не понравилось, разорвал: написал другую — опять порвал, наконец, написал:

«Передайте ударникам — рабочим и работницам, инженерам и техникам — балтийцам поздравление с новой победой на фронте индустриализации.

Проводя генеральную линию нашей партии и указания вождя партии большевиков товарища Сталина, вы выполнили задание к XVI годовщине Октябрьской революции.

Обласком и горком ВКП(б) призывают весь коллектив Балтийского завода еще выше поднять знамя соцсоревнования и ударничества для выполнения дальнейших задач второй пятилетки.

Стройте корабли быстрее, дешевле, прочнее, овладевайте высотами совершеннейшей техники судостроения.

Под знаменем ВКП(б), руководимой ее славным ЦК во главе с великим организатором наших

побед товарищем Сталиным, за несокрушимость пролетарской диктатуры, вперед к новым победам!

Секретарь Ленинградского областного
и городского комитета ВКП(б).
С. Киров».

Он сам следил за ходом ремонта ледокола «Красин», который шел на помощь челюскинцам. Сам следил за сроками выполнения ремонта. А срок был короткий — восемнадцать дней.

Б. Стрельцов

Когда отремонтировали «Красина» и «Ермака», он позвонил:

— Что же не являетесь? Надо бы вам и доложить, как дела, да и о рабочем классе не забыть.

Ну, мы составили со Стрельцовым списки лучших наших рабочих и поехали в Смольный. Радостно встретил нас Сергей Миронович.

— Как это вам удалось в такие рекордные сроки отремонтировать суда? Англичанам-то нос утерли, они просили у нас два месяца и два миллиона рублей золотом.

Мы, по совести говоря, и не задумывались над этим вопросом и начали так это перед ним просто перечислять методы нашей работы. Он перебивает меня:

— А ты расскажи, как у вас соревнование было организовано.

— Конечно, — отвечаю я, — соревнование было у нас несколько необычно. Письменных договоров мы не составляли, а с каждым рабочим договари-

вались на словах о том, какие перед нами задачи стоят и что ему нужно конкретно сделать. У входа же на завод, в каждый цех и перед кораблем были щиты выставлены, на которых вывешивались сведения и показатели выполнения обязательств каждого рабочего. Ну, а потом выпускали ежедневный бюллетень.

Он опять перебил меня:

— Вы, следовательно, довели до сознания каждого рабочего политическую значимость этого дела?

Вскоре после этого разговора в одном из своих выступлений на пленуме облисткома Сергей Миронович сослался на наш опыт раз'яснительной работы и подчеркнул на нашем примере, что успешное выполнение любого дела возможно только тогда, когда каждый рабочий, участвующий в этом деле, политически осознает всю его важность и значение.

Тогда же в этой беседе он спросил нас:

— Ну, чего же вы хотите от нас? Имейте в виду, что орденов вам не дадим. Отплатить же вам за вашу работу надо, и за это я буду драться.

Мы дали ему список наших рабочих. Он тщательно проверил характеристику каждого человека и сказал:

— Я сам займусь этим делом. А, может быть, вам еще что-либо надо?

Мы воспользовались моментом:

— Как же, — говорим, — Сергей Миронович, такой большой завод, а мы даже легковой машины не имеем.

— Да неужели? — говорит. — Конечно, это неудобно.

И через некоторое время на завод прибывают две легковые машины, и Киров звонит:

— Ну как, получили машины? Если успешно,— говорит, — закончите программу 1934 года, приходите ко мне немедленно. Вот тогда-то особенно буду хлопотать за вас.

— Конечно, придем, — отвечал я. — Да и вы нас не забывайте. Приходите, у нас чисто теперь стало.

Завод у нас раньше был очень грязным. И Киров всегда этим страшно возмущался. Как-то полез он по деревянной лестнице и разорвал свой макинтош.

— Один только раз я сюда полез и то пальто разорвал. А что же делается с вашими рабочими? Рабочие тоже рвут на себе одежду?

После этого мы немедленно очистили завод.

В конце 1934 года программа выполнялась, завод был очищен от грязи, и мы мечтали о посещении Сергея Мироновича...

В. Ивашев

— Ну, как ваши успехи в сварке?

Этот вопрос не раз задавал мне Сергей Миронович.

Когда он был у нас как-то на Балтийском вместе с Серго Орджоникидзе, я сказал:

— Ну, Сергей Миронович, теперь у нас есть возможность говорить о капитальных ремонтах судов большого масштаба.

Дело в том, что мы взяли для опыта сварку ста штук пятидесятитонных цистерн. Произведена эта работа была блестяще — так признала приемочная комиссия НКПС.

Сергей Миронович улыбнулся:

— Ну что же, старайтесь! Я вам заказец дам, только работайте получше.

— Не можете ли вы сейчас сказать нам, что это за заказ? — спросил я его.

— А вот надо сварить нивастройский трубопровод,— отвечает.

И тут же спрашивает:

— У вас цистерны какого давления?

— Три атмосферы.

— Ну, а на Нивастрое давление будет посложнее.

— Война рождает героев,— ответил я, — мы попробуем свои силы.

И этот заказ мы выполнили блестяще и досрочно.

Вскоре он предложил нам наладить производство подвесных моторов.

Я согласился. Сделал первый мотор и выехал с ним на октябрьскую демонстрацию. Радости у нас было! И Сергей Миронович, видно, был тоже очень доволен, когда я проехал с мотором мимо него. Всегда узнавал он меня, когда я проходил в демонстрациях, и махал мне шапкой.

Киров решил широко поставить производство подвесных моторов.

— Раз один могли сделать, — уверенно говорил он, — значит, можете и сотни делать.

Но выпуск второй партии моторов из-за пло-

хого оборудования и ограниченного числа работников затянулся.

Как-то в числе специалистов по электросварке пригласили меня в Смольный. Только это по лестнице я подниматься начал, а Киров навстречу спускается.

Поздоровался:

— Ну, старик, как дела?

— Плохо, — говорю, — Сергей Миронович. За моторы меня изругали в газете как следует. Моторы дорогими вышли. На меня обрушились. В газете появилась критическая статья с карикатурой, что вот, мол, в АМО автомобиль дешевле стоит, чем стецуровский мотор. А ведь сколько неполадок я встретил в работе! Применял я сварные цилиндры, может быть, моторы потому еще дороже стали, но только я не считаю себя ни в чем виноватым.

А он со свойственной ему милой улыбкой и говорит:

— Ну, ничего, что тебя поругали, когда-нибудь и похвалят. — И горячо пожелал мне всякого успеха в работе.

М. Стецура

Как-то, закончив осмотр корабля, Сергей Миронович неожиданно сказал:

— А ну-ка, сведите меня в столовую.

Пошли мы в столовую, которая называлась «Баррикада». На третьем этаже столовой обедали рабочие, а на втором — инженеры. Сергей Миронович обошел оба этажа, подходил к рабочим и

спрашивал, что они взяли себе на обед, сколько стоит каждое блюдо, не дорог ли обед. Он очень ругал нас, что за один и тот же обед на третьем этаже брали дороже, чем на втором. Потом мы перешли в другую столовую. Обеденный зал здесь был довольно чист — на столах белели скатерти, были расставлены цветы, но в служебных помещениях была непролазная грязь. Отругал он нас здорово, потом пошел на кухню, сходил в мойку и заглянул в громадный чан.

— Что это у вас здесь хранится?

— Об'едки, — ответили ему.

— Это хорошо, это по-хозяйски. А как вы их используете, свиньям скармливаете?

Узнав, что на заводе нет свинарника, Сергей Миронович возмутился:

— Ведь остатки с тарелки могли пойти на корм свиньям, а свинина—это хорошее, сытное блюдо,— говорил он.— Чтобы через две недели у балтийцев был свинарник!— сказал Сергей Миронович.— Через две недели я проверю...

Свинарник мы организовали. А через две недели в коридоре Смольного остановил меня Сергей Миронович и спрашивает:

— Ну как, Лукьянов, есть свинарник на заводе?

С. Лукьянов

Он шефствовал над Металлостроем. Помню, не было у нас рельсов. И вот приедешь к Миронычу, поговоришь с ним—и через несколько дней наряд: можно получить рельсы. И сам к нам приезжал на

стройку. Подойдет к рабочим-строителям и спрашивает:

— Как дела? Как вас кормят?

Он бывал в столовой, один раз суп попробовал и сказал:

— Есть, ребята, можно.

А у нас кормили подходяще. Хорошо снабжали.

И ничего, бывало, не упустит, даже самую мелочь. Однажды во дворе он увидел гору щепы и говорит:

— Вот это нехорошо: во-первых, пожар может быть, а во-вторых, они на топливо годятся.

Мы же до него на это и внимания не обращали.

Как-то мне нужно было в Пригородный райком ехать.

В общем разговоре я сказал:

— Ну, я пойду, на поезд тороплюсь.

— Я довезу тебя до Ленинграда, — говорит Киров.

С нами поехал и Иванов, начальник Металлостроя. Дорогой во время разговора Мироныч говорит:

— У меня ваша новая стройка все время в голове сидит, сплю и то думаю: что нужно еще сделать?

А мы так дружно отвечаем:

— Спасибо, Сергей Миронович, за ваше внимание и заботу.

— Нечего благодарить, — говорит, — я как руководитель обязан больше думать, обязан вас учить, как работать.

В. Сухарев

ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ

Когда группа академика Лебедева стала работать над синтетическим каучуком, для меня как коммуниста, участника этой группы, было ясно, что дело это большое и серьезное. Но положение группы было тяжелое. Работа требовала средств, аппаратов и соответствующих приборов, а никто нас не финансировал. Кроме Лебедева работало семь человек. Работали по вечерам и по выходным дням. Темпы нас не удовлетворяли.

Я обратился за помощью в Василеостровский райком партии, где тогда работал товарищ Струппе. Он направил меня к Кирову.

Принял Сергей Миронович очень приветливо:

— Слышал я о вас, — говорит.

Я не стал посвящать его в подробности всех работ, хотя результаты были хорошие. Из осторожности сказал, что не знаю еще, что из этого выйдет. Если не жалко, то мы, мол, просим денег. Но предупреждаю, сумма нужна большая.

Киров улыбнулся:

— Очень большая?

Я говорю:

— Очень большая! Я даже боюсь назвать!

— Ну, произнесете, может быть?— снова улыбнулся он.

— Нужно тринадцать тысяч рублей, чтобы обеспечить год работы.

Он еще раз улыбнулся:

— Да, сумма громадная!

Я так смутился, что сказал:

— Ну, в крайнем случае можно и сократить, если трудно такие деньги получить.

— Я шучу, — говорит. — Это же мелочь для такого дела, если даже никакой гарантии в успехе нет. В настоящее время мы уже достаточно богаты для того, чтобы такую сумму денег дать, тем более, что во главе вашего дела стоит профессор, серьезный и теоретически подкованный исследователь, талантливые сотрудники!

Через некоторое время Лебедев получил извещение из Резинотреста, что ему отпускают тринадцать тысяч рублей.

В сентябре 1927 года Лебедев поехал в Москву к Багдатьеву — управляющему трестом. Тот поставил условие: деньги он даст в том случае, если мы откажемся от участия в об'явленном Резинотрестом конкурсе на лучший способ получения синтетического каучука. А энтузиазм всех в этой работе, которая никем не оплачивалась, в значительной степени поддерживался желанием выступить в конкурсе. Багдатьев настаивал: раз он деньги платит, почему же он еще должен будет за конкурс платить!

Лебедев категорически запротестовал, хлопнул дверью и ушел.

Поехал я опять к Кирову посоветоваться, как поступить. Сказал, что со своей стороны считаю требование Багдатьева неправильным. А он мне на это говорит:

— Не то, что неправильно, а это образец самого худшего бюрократизма. Не беспокойтесь, устраивайтесь.

Через недельку после этого приехал представитель из Резинотреста и в весьма вежливом тоне предложил деньги. В то же время был снят и Багдатьев, не знаю, правда, в связи с этим или с чем-либо другим.

К 1 января 1928 года мы уже имели два килограмма синтетического каучука. Пошли к Кирову. Я дал ему несколько колец, между ними одно из натурального каучука, а другие — из синтетического. Он попробовал их, подергал, но определить не смог.

— Я вижу, дело налажено неплохо, и «большая» сумма денег зря не пропала. Надо это дело дальше развивать.

Мы получили на конкурсе первую премию — двадцать пять тысяч рублей.

К 1930 году уже выяснилась возможность постройки опытного завода.

Сергей Миронович пригласил меня к себе и спросил, как идет работа. Я сказал ему, что опытный завод можно строить, что имеются два варианта перевода на производственный масштаб: более кустарный и более совершенный, требующий больших средств.

Он предложил:

— Вы дайте кустарный способ. Можно на нем получить материал?

— Можно, — отвечаю я.

— Вот-вот, вы так и делайте. Я уже позаботился о том, чтобы подобрать вам одного человека.

Он имел в виду Пекова.

— Важно, чтобы с Лебедевым установить контакт. Если будет затирать, приходите. Имейте в виду, что завод нужно выстроить в очень короткий срок — в десять месяцев.

Я начал торговаться:

— Я не строитель, трудно мне судить, но я думаю, что десяти месяцев маловато. Надо будет побольше дать.

— Надо будет ориентироваться на десять месяцев, а там посмотрим, — сказал он.

Когда завод уже достраивался и у нас началась стадия перехода от лаборатории к большому производству, от дивенила к каучуку, Сергей Миронович часто нам позванивал и все спрашивал, когда же будет каучук.

Вдруг он неожиданно приехал на завод. Внимательно осмотрел лабораторию, похвалил, что быстро выстроили.

А через некоторое время, когда мы стали получать каучук на заводе, он пригласил меня и Пекова к себе в обком:

— Знаете, — говорит, — есть постановление строить десять заводов.

— Да что вы? — изумились мы. — Нет, Сергей Миронович, не выйдет, не выйдет так много сразу. Жалко советской копейки. Ведь у нас еще очень много недоделок. Говорить правду мы не стесняемся. Может быть, можно нас обвинить в оппортунизме, но в данном случае нами руководит исключительно желание сохранить советскую копейку.

Мы рассказали ему, что с полимеризацией иногда идет, а иногда и не идет, что мы не можем сра-

зу рекомендовать конструкцию полимеризатора и т. п.

Он спросил:

— А уверены ли вы, что все эти недостатки можно устранить, что все эти трудности можно преодолеть?

— Мы не сомневаемся.

— Ну, раз уверены, значит, можно строить! Поймите, что у нас пятилетка. Мы сейчас за науку платим, прибегаем к помощи заграницы, платим деньги всяким заграничным фирмам. А те двадцать пять тысяч, которые вы получили за свой способ в качестве премии, и тринадцать тысяч, которые вы вначале истратили, — это же гроши! Так что важнейшая проблема, которую вы разрешили, советской власти обошлась чрезвычайно дешево. Не беспокойтесь, что будут неполадки, что придется переделывать. Мы гоним вредителей, но мы прекрасно понимаем, где вредительство, а где и необходимый производственный риск.

Тепло так к нам отнесся:

— Это не оппортунизм, что вы боитесь деньги тратить. Это настоящее коммунистическое отношение к нашему хозяйству. Но поймите, что в данном случае дело сводится не к деньгам. И думаю, что это не только мое мнение.

На другой день вызывает Пекова и меня:

— Приезжайте. Посоветовался с Москвой. Надо строить заводы.

Мы догадались, с кем он советовался.

— Теперь помните, что это не только моя директива, но и Москвы. Идите и работайте. Ясно вам?

— Очень ясно, — говорим.

— А верите вы, что сделаете?

— Очень верим, — отвечаем.

— И я, — говорит, — в вас верю. Вы народ молодой, уверенный в своей работе. А раз уверенность в том, что сделаете, есть, то сделаете! Хорошо, что вы скромны, — добавил он, — но главное во всяком новом деле — вера в себя.

С большим под'емом, как и всегда, вышли мы от него. Начали работать.

Он неоднократно помогал нам, мы же старались с мелочами не лезть к нему. Лишь время от времени информировали его о ходе работы.

Когда работа была закончена, пришли к нему. Рассказали, что проделано, о перспективах дальнейшей работы, о наших опытах по использованию побочных продуктов. Он выслушал и так по-товарищески спрашивает:

— А как вы думаете, работа по использованию отходов не будет мешать основной работе? Может быть, она будет распылять ваше внимание, а у вас силы ограничены? Цена каучука никакой роли сейчас не играет. В будущем это будет иметь значение, а сейчас важно большее количество его получить.

И всегда он так говорил с нами просто, не как руководитель, а как человек, который хочет посоветоваться.

— Вы ведь химики, вам виднее, я могу дать только общие установки, — бывало, приговаривал он, и получалось так, что принимаемое решение всегда являлось не только кировским, но и нашим,

принятым с ним совместно. Каждый из нас, выходя от него, думал: «Вот я с Кировым вместе решил этот вопрос». И чувствовалось, что каждый из нас нужный человек в Советском союзе!

Когда был пущен Ярославский завод, он прислал приветственное письмо, где еще раз подчеркивал:

«Ни в каком случае не разбрасывайтесь. Не хватайтесь за все, а сосредоточьте внимание на определенных участках. И не пугайтесь неудач. Когда нужно будет, мы вам поможем».

После смерти Лебедева все руководители заводов СК собрались у Кирова. Он одобрил нашу работу и очень хвалил за покрышки, которые в Каракумском пробеге показали хорошие результаты.

Вообще он умел так похвалить, что создавал под'ем. После этого человек думал:

«Вот меня Киров похвалил, а у меня еще столько работы недоделано! Надо работать и работать, чтобы похвалу оправдать!»

В. Краузе

В конце января 1930 года вызвал меня Сергей Миронович.

— Хочу поручить тебе, — сказал он, — строительство опытного завода для разработки в заводском масштабе способа получения синтетического каучука из спирта по методу профессора Лебедева.

Он подробно осветил мне смысл и цель этого дела и его значение для Союза и в заключение добавил:

— Я не хочу поручать тебе это дело помимо желания изобретателя. Если ты с ним сговоришься, то поручу, в противном случае — нет.

Сразу же от Сергея Мироновича я поехал в лабораторию Ленинградского университета и там встретился с Лебедевым. Он произвел на меня впечатление человека, чрезвычайно увлеченного своей работой, серьезного, прямого.

Я сказал ему:

— Я не имею никакого образования, кроме того, что получил на курсах по подготовке хозяйственников и администраторов при ВСНХ, но у меня есть практический и хозяйственный опыт.

Лебедев так раз'яснил мне это дело, что зажег меня своим энтузиазмом. Когда я ему сообщил, что Сергей Миронович в разговоре со мной указал, что партия и правительство намечают осуществить постройку опытного завода втечение десяти месяцев, лицо его осветилось радостью. Он спросил меня:

— А как вы думаете, возможно ли построить этот завод в указанный срок?

— Для меня как коммуниста постановление партии и правительства и директивы Сергея Мироновича обязательны, — ответил я.

Лебедев, человек, как видно, обычно сдержанный, встал, схватил меня за руку обеими руками и взволнованно сказал:

— Так будем строить!

Сообщил я Кирову о нашей встрече с Лебедевым, и через некоторое время он сказал мне, что с 1 фе-

враля надо приступить к строительству опытного завода.

Когда строили, увлекались мы очень рационализацией.

Однажды сидели мы у Сергея Мироновича, обсуждали одно рационализаторское мероприятие. Споры вышли — все хотели сделать лучше. А он нам приводит такой пример:

— Делала тут одна организация машины. Сделала эти машины хорошо. А потом приходит и говорит: «А вот можно сделать еще лучше». «Ну что же, делайте», — говорю я им. Сделали. «Нет, — опять говорят, — есть еще лучше проект». И все так — лучше и лучше, а машины все нет и нет. Наконец я им сказал: «Сделайте вы хотя бы эту машину, а потом по новой модели можно будет изготовить и новую». Тогда наконец-то машина была готова.

— Видите, — говорил он, — мы уже начали лучше строить, а что плохое нам попадется, мы будем отсеивать. Ведь все остается в СССР. Мы же сами — хозяева положения.

Основные цеха опытного завода были пущены 18 декабря 1930 года.

Я позвонил об этом Сергею Мироновичу. Он сказал:

— Поздравляю вас с пуском завода и с получением дивенила для каучука. Но это еще не все, мы ждем от вас каучука.

После получения дивенила последовал тяжелый период в работе опытного завода. Каучука не могли получить втечение полутора месяцев.

Первые наши неудачи очень волновали Сергея Мироновича.

Днем и ночью, по нескольку раз в сутки, звонил он мне, когда наступили волнующие напряженные дни: быть или не быть советскому каучуку. Приближался момент, когда нужно было открыть полимеризаторы, в которых рождалась первая промышленная партия синтетического каучука.

— Ну, как дела? Скоро откроете? — раздавался поздно ночью звонок Сергея Мироновича.

— Скоро, стараемся,— говорил я, хотя стараться уже было нечего, и, удивляясь, спрашивал:

— Когда же вы спите, Сергей Миронович? Уже три пробило.

— А ты когда?

— Я — когда придется.

— Ну и я тогда же.

Г. Пеков

В два часа ночи неожиданно раздался телефонный звонок.

— Как у вас там, на Охтенском заводе: собираются ли построить камфарный цех? — спрашивает меня Сергей Миронович.

Я откровенно признался, что у нас пока идут одни разговоры.

Тут же по телефону Мироныч раз'ясняет мне, что я должен делать, и дает задание подтолкнуть дело.

Через некоторое время прихожу к нему с докладом о камфарном цехе. Вооружившись сметами и расчетами, начинаю рассказывать.

Вдруг Сергей Миронович перебивает меня.

— А о пихтовом масле вы подумали? Завод построен, а как поставлять будем сырье? Пихты у нас много, надо подумать о доставке.

Своим вопросом Киров попал не в бровь, а прямо в глаз. О пихтовом масле мы, действительно, тогда и не подумали. Сергей Миронович предупредил вовремя нашу ошибку. И пока не был построен завод, Сергей Миронович каждую пятидневку спрашивал меня, как идет строительство и созданы ли хорошие бытовые условия для рабочих.

К. Терентьев

Однажды ночью звонит ко мне дежурный из обкома и просит позвонить Сергею Мироновичу. Я позвонил. Киров спрашивает: «Ты в курсе дела, как можно добывать торф круглый год?». Я сказал, что я еще не совсем в курсе дела, но завтра утром разузнаю и скажу. «Завтра, а мне бы хотелось знать сейчас».

Утром в одиннадцать-двенадцать часов звоню. Оказывается, он уже успел все узнать.

Во все детали дела вникал он досконально. Однажды он продержал меня часа полтора, расспрашивая о калькуляции торфа и о стоимости каждого сорта его. Он сравнивал калькуляцию стоимости нашего треста с другими и интересовался стоимостью торфа всего Союза.

Не проходило трех-четырех дней, чтобы он в час-два ночи не звонил мне на квартиру и не спрашивал: «Как у тебя дела?»

До приезда товарища Кирова в Ленинград вся городская промышленность жила на привозном угле.

По инициативе Сергея Мироновича начался быстрый рост торфоразработок и использование торфа предприятиями города и области.

Когда я впервые делал доклад о работе треста на бюро обкома, где председательствовал Киров, он очень внимательно слушал доклад и зорко присматривался к нам.

После доклада, обращаясь к активу, он сказал:

«Торф одному тресту не вытянуть, надо всем помогать».

Он придавал чрезвычайно большое значение механизации торфоразработок: «Возить десятки тысяч людей сюда нам не годится. Поэтому вопрос о механизации нужно разрешить немедленно», — говорил он.

На последнем бюро обкома, когда принесли общий проект резолюции — и о подготовке к сезону, и о механизации, он сказал: «Так нельзя, надо составить две резолюции, в одной из них специально поставить вопрос о том, что нужно сделать по механизации, и во главе этой комиссии поставить товарища Чудова».

Во время сезона Сергей Миронович каждые два-три дня лично справлялся о ходе торфодобычи.

И немедленно реагировал на все наши просьбы о помощи.

Как-то во время отпуска Сергея Мироновича товарищ Чудов прочитал мне выдержки из его

письма: «Получаю сводки, очень плохо у нас с торфом». Через некоторое время Чудов опять вызывает меня к себе. Говорит, опять получил письмо от Сергея Мироновича, беспокоится он: «Боюсь за торф, боюсь, что нас будут крепко ругать и мы тут подведем». Но к этому времени дела у нас уже выправились, и я сообщил об этом Чудову.

В начале 1933 года я собрался поехать на вербовку рабочих. Во время перерыва заседания пленума горкома и обкома я говорю Кирову, что хотел бы получить от него соответствующее письмо об оказании мне на месте содействия. Он предложил мне написать его, а сам обещал подписать. Я это сделал, но тут произошла некоторая задержка с перепечаткой этой бумаги. В это время мне звонит инструктор из обкома, что Киров спрашивает, готово ли письмо. Я иду в секретную часть, чтобы получить письмо,— и что же оказалось? Сергей Миронович моим текстом не воспользовался, а сам от руки написал товарищу Варейкису в Воронеж записку об оказании мне содействия по вербовке. Конечно, такая записка имела большое значение.

Закапризничал у нас как-то один директор, хотел уходить. Я сказал об этом Кирову. Он вызвал директора к себе, говорил с ним минут сорок о работе и так воодушевил, что тот прибежал ко мне на квартиру: «Остаюсь на работе дальше!»

Летом, бывало, заметит Киров из окна своего кабинета в Смольном дым, моментально звонит мне: «Где у тебя горит?» И надо признаться, часто знал о пожаре раньше, чем мы. Обычно он тут же

сам звонил командующему округом, и нам посылали войска для тушения пожара.

Кирова очень интересовала проблема фрезерного торфа, и он настойчиво требовал ее разрешения. Специалисты почти все возражали: мол, в наших условиях мы фрезерный торф и не сложим и не просушим. Когда же на 4-й государственной электростанции оборудовали топку под фрезерный торф, результаты получились блестящие.

Надо было видеть радость Сергея Мироновича, когда он узнал об этом.

А. Лейтман

Многие специалисты утверждали, что ленинградский гидроторф себя не оправдает. Тогда Сергей Миронович сам захотел посмотреть весь процесс гидроторфа.

В шесть часов утра мы выехали на болото.

Это было 24 июня 1927 года.

Мы приехали в строящийся поселок. Место для этого поселка было выбрано чрезвычайно неудобное. Сергей Миронович тут же указал, что поселок для рабочих надо строить выше, в гористом месте.

Так мы и сделали. Спасибо, что не все дома успели заложить.

По болоту была протянута труба. Это была труба огромного диаметра. И вот шагал он с нами по этой трубе и смотрел. Смотрел и насосную станцию, смотрел, как происходит разлив торфа, как производится сушка его, как подготавливаются поля для сушки торфа.

Как раз в это время на Синявино пришли два импортных фрезера. Фрезерный торф — новый вид топлива, довольно легкого, которое можно применять на любой электростанции и в очень ответственных котельных, но мы не знали тогда его производства. Две фрезерные машины были у нас, но мы ими снимали очесы. Торфяное болото имеет такое строение: внизу песок, потом начинается огромный слой (двух-трехметровый) торфа, а наверху растет мох, и при добыче торфа его нужно снять, очистить болото, чтобы торф был высококалорийный.

Сергей Миронович заинтересовался работой машин. Мы рассказали ему, что в сущности машины должны вырабатывать фрезерный торф, но мы пока не решаемся им заниматься, так как у нас не умеют его сушить и сжигать.

Он решил так:

— Вы снимайте очес, но вместе с тем попробуйте эти машины и для производства фрезерного торфа...

Когда инженер Макарьев сконструировал топку для фрезерного торфа, Киров потребовал от всех работников, чтобы они оказали максимальную помощь Макарьеву.

Теперь мы научились сжигать фрезерный торф, научились хранить его и добываем его в большом количестве.

Строительство Свирской станции мариновали вредители. Но нажим Кирова преодолел все препятствия. В 1928 году начало разворачиваться строительство Свири. Построили мы там железно-

дорожную ветку, выстроили первый рабочий поселок, поставили районную дизельную электрическую станцию, привели в порядок землечерпательный караван и приступили к очень большим изысканиям, к буровым работам.

Вокруг проектов Свири было очень много споров. Многие утверждали, что плотину надо строить не железобетонную, а обыкновенную, земляную, усилив ее булыжником, то есть насыпать горы камня через реку. Эти выдумки не удовлетворяли Сергея Мироновича. Он принял вариант академика Графтио — постройку железобетонной плотины.

Киров первый поставил вопрос о расширении у нас электросети и в первую очередь о расширении станции «Красный Октябрь». На строительстве этой большой станции в сто тысяч киловатт Сергей Миронович не раз бывал. Он указывал нам на необходимость механизации подачи торфа, потому что сама эта электростанция берет большое количество торфа, и, следовательно, нужно сделать все для того, чтобы обойтись без перегрузки торфа на станции.

Он обладал огромным умом и находчивостью. И он предложил нам:

— А вот попробуйте-ка подавать торф на крышу прямо в вагонах.

Думали мы над этим долго. Сам по себе котельный зал станции довольно высокий, а тут еще на такую высоту нагромоздить на крышу вагоны с торфом.

Месяцев шесть шли споры.

Но в конце концов был принят проект Мироныча как самый подходящий.

И он вполне себя оправдал.

М. Федоров

Летом 1934 года Киров приехал на Гдовские сланцевые рудники.

Он подробно ознакомился с работой шахты своего имени. Спускался в шахту, толковал с рабочими, был в больнице, в столовой, заглянул в общежитие, беседовал с комсомольцами, присутствовал на производственном совещании и сделал доклад на партийно-комсомольском собрании. Всюду видели его стремительную, волевую фигуру.

... В котельном отделении механического цеха кочегар Шатилов рассказал подробно о горении сланца и о способах его сжигания.

— Сланец горит хорошо. Только вы его сжигать не умеете, — сказал Киров.

Он ознакомился с работой вновь смонтированных котла системы Шухова и турбины на электрической станции. Котел как раз выбыл из строя и задерживал добычу сланца. Начальник строительства станции Сперанский заявил, что котел сегодня же будет пущен.

— Вы бы вчера, Сергей Миронович, приехали. Посмотрели бы, как сланец горит. А вот сегодня как на зло, — сказал он.

— Вот это уже не дело, — ответил Киров. — Был на Кавказе один осетин. Он всегда говорил: «Ты бы вчера приезжал — и шашлык был, и вино

было, и деньги были». Так же и у вас. Строительство приняло широкий разворот и требует полного обеспечения электроэнергией. Это не какая-нибудь кустарная мастерская, а огромное и важное строительство. Значит, и работать нужно умело.

А. Фофилов

Алюминиевый Волховский комбинат как-то попал в затяжную полосу освоения производства. «Штурмы», «походы», «авралы» вскружили многим голову. И когда начался труднейший период освоения, когда надо было работать ровно и плавно, люди растерялись.

Сергей Миронович тщательно ознакомился с положением на комбинате и решительно поставил вопрос об укреплении алюминиевого гиганта работниками. Под личным наблюдением Кирова на комбинат были переброшены работники высоких квалификаций с передовых ленинградских предприятий.

Комбинат пошел в гору.

На заседании обкома ВКП(б) Сергей Миронович сказал:

— Были люди, которые не верили в успех алюминиевого производства и нас хотели запугать, говорили, что нам не поднять этого дела. На практике же иное получается. Самое главное, что вам нужно, — это побольше организованности на производстве. Надо ликвидировать авралы, людей подтянуть. Займитесь этим делом, перестройте руководство. Много вы золотого времени потеряли. Надо наверстать потерянное.

Когда комбинат вышел из периода освоения, Сергей Миронович предложил нам оказать помощь родственным предприятиям. Мы послали лучших своих людей в помощь Днепровскому алюминиевому комбинату.

В неоднократных беседах со мной Киров неизменно спрашивал, как питаются рабочие, что нам дают и как мы работаем по самозаготовкам. И не только спрашивал, но и помогал.

С торговлей у нас было плохо, так он лично занялся магазинами нашего комбината. Он сам несколько раз звонил, напоминал, проверял. И через несколько дней в магазинах было полно товаров.

Один рабочий комбината написал Сергею Мироновичу письмо с жалобой на скверные бытовые условия. Сергей Миронович послал работника обкома на место для проверки жалобы. Материал, представленный работником, не удовлетворил Кирова.

Он вторично послал этого товарища в комбинат, поручил ему тщательно ознакомиться с семейным положением рабочего, побывать на квартире, поговорить с семьей и на месте организовать немедленную помощь.

Вызвав меня к себе через несколько дней, Сергей Миронович спросил:

— Что вы сделали для рабочего, который писал мне письмо?

И почти целый год он потом интересовался судьбой этого рабочего, его ростом.

Б. Дегтярев

ЧУЛКИ, БОТИНКИ, ДРОВА...

Когда началось расширение легкой промышленности и мы стали строить новый корпус фабрики «Красное знамя», Сергей Миронович лично десятки раз ездил на строительство. Проект составлялся иностранными специалистами, и он опасался, чтобы нас не обманули. Он много раз беседовал с начальником строительства, покойным инженером Третьяковым.

— А не надуют нас? — допытывался он у него.

Когда выстроили фабрику, пошли разговоры, что здание дало трещину. Однажды Сергей Миронович звонит мне:

— Ты слышал?

— Слышал.

— Сам видел? Как ты смотришь на это дело? Что говорят специалисты?

И предложил немедленно вместе с ним поехать на строительство. Приехали. Между первым и вторым этажами была незначительная трещина. Киров подошел к корпусу, поднял голову, приложил руку козырьком к глазам — так не рассмотреть. Увидел стоящую рядом кое-как сколоченную из досок лестницу.

— Ну-ка, подержи, — говорит мне, — я полезу.

И полез. Слез, спрашивает меня:

— А внутри как?

— Внутри, — говорю, — ничего нет.

Пошли туда. Осмотрел он все внутри, убедился, что ничего страшного нет, и тогда только успокоился.

— Чулки нам нужны. Большое это дело, — сказал он мне на прощанье.

Когда у нас возникла идея о производстве бесконечных сукон для бумажной промышленности, чтобы освободиться от импортной зависимости, Киров прямо весь загорелся. На фабрике «Красный ткач» мы начали освобождать один корпус для производства бумажных сукон. Сергей Миронович приезжал на стройку, сам осматривал ее и все торопил нас:

— Скорее, скорее! Ведь это важнейшее дело.

Он вникал даже в технические расчеты, требовал, чтобы их об'яснили ему, и все время предупреждал нас:

— Смотрите, не наделайте ошибок.

Он командировал меня за границу познакомиться с опытом производства бумажных сукон. Перед от'ездом он напутствовал меня:

— Смотри, гляди хорошенько! Там ведь все показывать не будут.

А когда я вернулся, спрашивает:

— Ну как, узнал?

— Узнал, — говорю.

— Ну, валяй! Значит, сукна будут? Ничего, здорово!

«Ничего, здорово!» — это было любимое выражение Сергея Мироновича, когда он бывал доволен.

Однажды я пришел к нему и начал жаловаться на недостаток дерева для ткацких челноков. Киров, ничего не говоря, достает из кармана ключи и открывает ящик письменного стола. Выни-

мает оттуда разные шестеренки, детали, сделанные из пластмассы.

— Вот, гляди, на любые машины ставим. Наверно годится и для вас? Валяй, пробуй.

Так по личной инициативе Кирова возникла идея о выработке ткацких челноков из пластмассы.

Начались упорная работа, опыты. Сергей Миронович неоднократно справлялся, как двигается дело, выходит ли что. Он узнал, что дело задерживает Путиловский завод, который должен изготовить прессформы для челноков. И вот однажды, после какого-то большого заседания в Смольном, он позвал к себе в кабинет меня и путиловцев.

— Надо же, ребята, сделать текстильщикам формы, — сказал он путиловцам. — Как вы этого не понимаете?

И было достаточно одного слова Кирова, чтобы обеспечить успех любого дела. С тех пор путиловцы усиленно взялись за выделку форм.

У нас на фабриках почти не было своих специалистов. Ведь до революции владельцами ленинградских текстильных фабрик были в большинстве иностранные капиталисты и мастера также были иностранцы. После революции они уехали вместе с хозяевами.

Я поставил перед Кировым вопрос о людях. Он ответил мне:

— Людей надо делать. Надо строить институты.

Ленинградский текстильный институт — детище Кирова.

М. Маркитахин

— «Скороход» в прорыве,—сказал мне Киров.— Мы не можем допустить, чтобы он не давал трудящимся обуви и с'едал без счета деньги. Вот мы и направляем туда Карасика и тебя. Идите и работайте. Покажите, что руководители ленинградской кожобувной промышленности умеют работать и на отдельном участке, в особенности на таком важном, как «Скороход».

Через некоторое время на бюро областного комитета партии стоял вопрос о тяжелом финансовом положении «Скорохода». Время было уже позднее — два часа ночи. Я побаивался, что вопрос будет скомкан. Но Киров очень внимательно выслушал наше сообщение и после подробного обсуждения помог «Скороходу» выправить финансовое положение. В этом сказалась характерная черта Сергея Мироновича — обязательно доводить до конца начатое дело. Он придавал большое значение созданию условий для работы.

И потом Киров очень внимательно следил за тем, как выправляется работа «Скорохода», и часто вызывал меня к себе в Смольный.

— Цифр мне не надо, — говорил Сергей Миронович. — Я их уже видел. Знаю, что «Скороход» программу выполняет. А как у вас с ассортиментом, с качеством, с овладением новой техникой?

Он всегда подчеркивал особенную необходимость коренным образом пересмотреть ассортимент и дать трудящемуся нужную ему обувь.

Очень заинтересовали Сергея Мироновича наши опыты по горячей вулканизации.

— Это дело имеет мировое значение, — говорил он. — Пришлите мне образцы обуви.

Секретарь Московского райкома партии Бушуев отвез Кирову образцы обуви, крепленной методом горячей вулканизации. Образцы Кирову понравились, но он указал, что необходимо тщательно проверить сделанную обувь в носке.

— «Скороход» — всесоюзное предприятие. Его марка должна стоять высоко. Она должна быть гарантией прочности обуви, — не раз говорил Сергей Миронович.

В. Бобров

— Как обстоит дело с топорами и пилами? Какие топоры и пилы вы применяете на лесосеке? — спрашивал Сергей Миронович.

Интересовался он, какими инструментами мы работаем в лесу, и просил обязательно принести показать их ему лично. Спрашивал о напильниках, об их качестве. Но больше всего Сергей Миронович заботился о механизации лесозаготовок.

— Нужно не только сократить вырубку и потребность в лесорубах и возчиках, но и облегчить труд в лесу. Сделать его более производительным, — говорил он.

Он высоко ставил экспортные возможности наших лесов. Он говорил, что при правильной разработке лесосек и при хорошей постановке лесопиления мы могли бы намного увеличить лесной экспорт области.

Как-то я случайно вместе с Кировым ехал в Москву. Он долго говорил со мной о лесе и особенно

интересовался тем, как наладить правильную эксплоатацию наших лесов, как разрядить затруднения по транспортировке леса на Мариинской системе и двинуть этот лес в Ленинград.

— Вы, трестовики, много сидите в кабинетах, а кубометры нужно заготовлять в лесу, — сказал он мне тогда.

Через несколько дней мы встретились с ним в коридоре Смольного.

Он остановил меня:

— Почему же ты не уехал в Леспромхоз? Ну-ка, расскажи, сколько работников ты отправил на лесозаготовки из треста и сколько специалистов выделил на постоянную работу в леса?

И. Мельников

И ЛЮБИЛ, И РУГАЛ, И ПОМНИЛ...

Мироныч как-то крепко ругал фабрику имени Володарского, где я тогда работала, «за плохо пришитые пуговицы».

Идем мы в октябрьскую демонстрацию мимо трибуны. Многие работницы думали, даже говорили мне:

— Знает ли товарищ Киров, что дело у нас поправилось и работаем мы лучше?

А Киров вдруг перегнулся с трибуны, отыскал нашу колонну и крикнул очень громко:

— Да здравствуют товарищи володарцы!

Был у нашей фабрики юбилей. Вдруг секретаря нашего райкома вызывает по телефону Смольный.

Говорил Киров. Он справлялся, не забыл ли секретарь насчет юбилея «Володарки».

Он нас и любил, и ругал, и помнил.

М. Александрова

Кирова я знал, когда он был еще секретарем ЦК партии Азербайджана и вместе с товарищем Орджоникидзе возглавлял Закавказский крайком.

Моя первая встреча с ним в Ленинграде состоялась через два-три дня после моего вступления на работу начальника политотдела дороги.

Он с веселой улыбкой обратился ко мне:

— Здравствуй, Чаплин! Приехал? Ну как, выйдет у тебя?

— Приехал, — говорю я, — но не знаю, как у меня «выйдет». Это дело для меня новое.

— Ну, брось! Должно выйти, — ободряюще сказал Мироныч.

Первые его слова о том, как нужно приступить к работе, особенно четко запомнились.

Он сказал:

— Вы новые люди на транспорте. Вы большевики, но техники транспорта вы не знаете, и поэтому нельзя думать, что задачу эту вы можете разрешить снаскока. На транспорте есть ряд специфических трудностей, и поэтому основное условие ваших успехов состоит в организации, серьезной организации дела овладения техникой транспорта.

— Но, — говорил он далее, — политотделы не должны приспособляться к железнодорожным привычкам. Вы сразу решительно должны показать,

что на транспорте начинается новая эпоха, что старым, гнилым традициям приходит конец.

И еще:

— Лучше, если новых мероприятий будет немного, но они будут так хорошо подготовлены, что сразу повернут весь железнодорожный аппарат на другие рельсы.

Я ему тут сказал:

— Сергей Миронович, по пустякам я беспокоить не буду, но если будут у меня трудные вопросы, то буду обращаться.

На это он мне ответил:

— Звони, когда нужно. Я, — говорит, — сижу для того, чтобы вы меня беспокоили.

Не имея еще правильного представления о Мурманской дороге, я как-то сказал Кирову, что дорога эта глухая. Он горячо возразил:

— Глухая? Нет, она не глухая — такие времена уже прошли! Край другим стал, и дорога изменилась.

Мурманку Киров знал детально.

Он большое внимание уделял электрификации дороги и ее общей реконструкции. Горячо поддерживал предложение — дать выход Мурманской дороге в Ленинград. Он считал, что это значительно увеличит пропускную способность дороги.

Но в НКПС тормозили отпуск средств на это предприятие. Когда я сказал ему об этом, он решительным образом заявил, что срывать реконструкцию железной дороги никому не позволит.

— Плохо вы деретесь с аппаратом НКПС, — говорил он мне.

И сам отстоял это дело: на 1935 год нам отпустили двадцать миллионов рублей на электрификацию.

— Особое внимание на Мурманской, — говорил он, — надо обратить на жилье. Ведь есть такие участки, на которых даже будок нет. Конечно, на таких участках невозможно работать.

Он не раз подчеркивал важность организации жилищ и всегда вспоминал о большой работе, проделанной в этой области Арнольдовым, бывшим директором дороги.

— Нужно это продолжать, это решит задачу закрепления кадров на дороге.

И действительно, работа в этом направлении позволила нам закрепить за дорогой нужные кадры.

Когда в Ленинграде возникло движение помощи заводов транспорту, Сергей Миронович очень решительно это дело поддержал. И все зашевелились. Было организовано специальное совещание при горкоме партии. Заводы имени Марти, имени Энгельса, «Севкабель» взяли шефство над теми депо и станциями, которые он указал, и крепко им помогли. На транспорт был перенесен опыт заводского планирования.

Эта социалистическая поддержка сыграла большую роль.

В сентябре или октябре 1934 года происходило в обкоме партии совещание редакторов районных газет. Некоторые наши газеты ошибок натворили. Мы здорово их взгрели, на некоторых редакторов наложили взыскания.

Присутствовавший на совещании Мироныч выслушал всех, просмотрел проект резолюций, а потом вдруг обращается ко мне:

— Неужели так плохо? Не может быть, чтобы так уж было плохо.

Я ему на это говорю:

— Что значит плохо? Вообще газеты сделали много по реализации большевистской самокритики, но слабые места есть.

— Вот, я же вижу, — говорит он, — что не так плохо. Поэтому нужно к таким вещам осторожнее подходить. Надо людей учить и воспитывать, а вы целую кучу выговоров вынесли.

Когда у нас некоторые работники политотдела крепко «подрались» с хозяйственниками, он заявил:

— Если у вас будет взаимная самокритика, это неплохо. Главное, чтобы не было разрозненности действий. Ведь вы решаете одну задачу.

Он часто говорил:

— Легче сказать, чем сделать. Надо помочь людям.

Это был его обычный стиль работы.

Он любил во всем разобраться. Вот прижмет к стенке: «Сколько вагонов, сколько тонн овощей в вагоне?». И пойдет экзаменовать до деталей, до мельчайших подробностей. Практически же он устанавливал, чем можно помочь, как этот вопрос разрешить — и не только путем общих указаний, а найдя прежде всего корень зла, причины неудач.

Н. Чаплин

ТАМ, ГДЕ БОЛЬШЕ ТРЯСЕТ

Когда мы асфальтировали Московское шоссе, он бывал у нас буквально ежедневно. Иногда даже по два раза в день. Часто приходил пешком.

— Сколько вы кладете асфальтобетона в день? — спросил он. — Какова производительность машины?

Мы клали в те дни четыре тысячи квадратных метров — коэфициент использования машин у нас был недостаточен. Когда он узнал об этом, он тщательно расспросил нас о процессе производства и тут же дал ряд практических указаний, как использовать рабочую силу и как организовать предварительную подвозку материалов к смесителям.

Раз Сергей Миронович увидел, что стоит импортная машина «Бомаг».

— Почему стоит? — спрашивает.

— Топка ломается, — отвечаем мы.

— А вы обращались в Научно-исследовательский институт по печам?

— Нет, — говорим.

На другой день смотрим — пришли работники из института. Оказывается, Сергей Миронович, как только вернулся к себе, тут же позвонил в институт. Через два-три дня наш «Бомаг» стал работать уже без перебоев. А нам, практикам, и в голову не приходило обратиться туда.

Уже поздно осенью он как-то звонит управляющему трестом:

— Ты возьмешься сделать еще одну улицу?

— Какую? — спрашивает тот.

— Нет, — отвечает Сергей Миронович, — ты мне прямо скажи: возьмешься сделать еще одну улицу или нет? — И указывает при этом точное количество метров улицы, которую надо заасфальтировать.

Когда мы позвонили о том, что беремся, оказалось, что это была улица имени Степана Халтурина. Сергей Мироныч упрекнул тут управляющего:

— Вот вас всегда упрашивать надо!

По его же инициативе мы вне плана заасфальтировали площадь у Исаакиевского собора. Так как было уже позднее время и мы очень торопились, то спрофилировали площадь неправильно. И не заметили этого.

Он же, проехав по площади, тут же сказал:

— У вас нехорошо площадь сделана, здесь будут лужи стоять.

И крепко тогда нас ругал:

— Зачем так делать, лучше бы совсем не делали!

В. Моргенштейн

•

Однажды он поехал за город. Дорога была ужасная. Приехал и звонит заместителю председателя Исполнительного комитета.

— Ездил за город?

— Ездил.

— Давно?

— Не так давно.

— А машина цела?

— Да, цела.

— Шею не сломал?

— Нет.

— Жаль!

Это действовало вернее самой жестокой ругани.

Алексеев, Соболев и Смородин

...Звонок телефона. Слышу, как всегда, в упор поставленный, но на этот раз довольно неожиданный вопрос Кирова:

— Ты по улицам ходишь?

Отвечаю, разумеется, утвердительно.

— А куда смотришь?

Пытаюсь уверить, что на все попадающиеся навстречу предметы.

А Киров продолжает журить:

— А на проспекте 25 Октября сегодня был?

Оказалось, что Киров обратил внимание, что на центральной нашей магистрали, у канала Грибоедова, расшатанная мостовая угрожает трамвайному движению.

Вечером снова звонок Кирова:

— На канал Грибоедова с'ездил?

К счастью для меня ремонтные работы были к тому времени уже закончены.

Внимательно, любовно он следил за своим городом. Стоило ему увидеть неопрятный трамвай, как нам, работникам городского транспорта, буквально «не было житья».

— Что за вагоны у тебя ходят? — возмущался он. — Грязные, некрашеные, поручни рваные, вместо стекла фанера...

И из блокнота обязательно извлекался номер трамвая, попавшегося Кирову на улице в скверном виде.

Именно он первый заговорил о поезде большой емкости, о крупном, четырехосном, комфортабельном трамвайном вагоне.

Эти вагоны строились на ремонтном заводе Лентрамвая.

Киров буквально принимал от нас эти вагоны. Он интересовался вентиляцией.

— Позор, — говорил он, — что в наших вагонах бывает так душно, что хоть маску надевай.

Он проверял сиденья. Заметил, что высока подножка. Указал, что удобнее для пассажира вагон с тремя дверьми, двухдверные вагоны выпускать не надо. Просил научить кондукторов управлять механически закрывающимися дверьми. «Люди не привыкли, как бы кого не придавило». Внимательно рассмотрел варианты окраски.

У нас тогда были готовы первые два вагона.

— А дальше как? — спросил он.

Мы обещали через два месяца дать еще четыре вагона. Он на минутку задумался:

— По рукам — четыре вагона через два месяца!

Горячо следил он и за автобусами, и за речным транспортом, и за грузовым.

По его заданию мы освоили два новых типа автобусов. Привезли их к Смольному, чтобы показать работникам горкома партии. Об этом узнал Киров и вышел к нам. Осмотрел автобусы, но осмотром не удовлетворился и предложил проехаться на них.

— Только поедем обязательно по булыге, по труднейшей дороге, — добавил он.

Мы сели на передние сиденья. Через несколько минут Киров пересел назад:

— Надо проверять на тех местах, где больше трясет...

Киров остался машиной доволен. Он одобрил наши планы расширения автобусного парка машинами новой конструкции.

А. Клемм

МИРОНЫЧ САМ СМОТРЕЛ

Погода была — лучше не надо! День тихий, светлый. Работали мы тогда по озеленению лесного проспекта на Выборгской стороне.

Подходит ко мне прораб и говорит:

— Смотри, сегодня Киров к нам приедет!

Хожу я, наблюдаю за работой, а сам то и дело гляжу в даль проспекта, стараясь угадать, на какой машине он приедет. Не мог угадать. Пошел от Батенинской улицы к первому Муринскому переулку, а в это время на другой стороне остановилась машина, и выходит из нее Сергей Миронович. Поглядел кругом и пошел тихонько тоже к первому Муринскому. Я иду по левой стороне газона, а он — по правой. Идет. Смотрит на кусты. Остановится, потрогает их и опять идет. И все улыбается. Так дошли до самого Муринского. Я остановился около рабочих, а Мироныч уже перешел на нашу сторону и идет к нам. Веселый

такой, довольный. Подходит, здоровается. Спрашивает:

— Это общественность работает?

— Она самая.

Он ко мне:

— А вы кто?

Отвечаю:

— Бригадир общественного поста, член совета.

Посмотрел на нас, на кусты, на улицу, засмеялся. Долго я думал: чему Мироныч радуется? Тому ли, что много общественности работает? Или тому, что грязная, неровная булыжная мостовая стала ровной и гладкой, словно зеркало? Или домам, большим, новым, только отстроенным? А может быть, глядел он на зеленые кусты, которые мы сажали, и видел их уже выросшими?

Здорово улица изменилась! И улица и люди. Долго я глядел вслед уходившему Миронычу. И мне было весело, работать хотелось, как никогда.

А то еще работали мы в жилмассиве «Красной зари». Внутри двора был щебень. Я еще не успел раздать всего инструмента, как вижу — бежит какой-то рабочий, сияющий. Запыхался и прямо ко мне:

— Товарищ Алексеев, Киров приехал!

Смотрим — и верно: идет Киров с Лесного и прямо во двор. Ходил, осматривал все. Долго осматривал.

Потом, уже недели за три до октябрьских праздников, опять приехал на Лесной. То к одной группе рабочих подойдет, то к другой. Подошел ко мне,

рядом лежат кусты — их только что привезли, спрашивает садовника:

— Это что за деревья? Яблони?

— Дикая яблоня, — говорит садовник.

— Так... так, — а сам все улыбается и, не торопясь, идет вдоль Лесного. Через некоторое время и я пошел, осматривая только что посаженные кусты. Смотрю, вроде бы в одном месте кусты немного неровно посажены и земля крупновата. Говорю работницам:

— Слушайте! Вы это место садили?

— Мы, а что?

— Как будто неладно немного посажено. Вроде бы криво, да и земля того...

Как загалдели они, набросились на меня:

— Ах, какой глазастый! Увидел — земля крупная! Мироныч тут сейчас сам смотрел и то ничего не сказал.

Ну, что ты скажешь тут?

Вскоре Сергей Миронович опять приехал на Лесной, осматривал Бабуринский массив. Там как раз асфальтом заливали камень. Посмотрел, как его варят, поговорил что-то. Отошел, где землю ровняют, видим — машет и руками разводит: должно быть, показывает, что надо лучше ровнять землю. Заботился он, чтобы окраина была не хуже центра: красивая, просторная, в деревьях.

Ив. Алексеев

22 октября 1934 года было пасмурно, но сухо. Часов около пяти вечера я сопровождал комиссию, присланную начальником дороги, чтобы опреде-

лить причины, задерживающие стройку Пущинской пересечки.

Пущинская пересечка (пересечение городских путей сообщения с железной дорогой) создавала пробку на главной улице Нарвской заставы, рабочие теряли там много времени и требовали ликвидировать пересечку.

Сергей Миронович поддержал их.

Я шел впереди и увидел вдали группу людей, а среди них знакомые макинтош, фуражку и сапоги. Еще не доверяя себе, я вскрикнул:

— Сергей Миронович здесь! — и побежал.

Правда, не было дня, чтобы мы, строители Пущинской пересечки, не слыхали его телефонного звонка, но тут приехал он сам. С ним был товарищ Алексеев [1].

Сергей Миронович был недоволен, и это заметно сказалось в беседе с заместителем начальника дороги Молчановым, конец которой я слышал:

— Цемента нет, — оправдывался Молчанов.

— Кто цемент делает? Люди.

— Балласта мало...

— Балласт сами делайте. Когда вы намерены кончить?

— К 1 января.

— Ну, черти, — уже шутливо говорит Сергей Миронович, — из-за вас на старости лет к оппортунистам причислят. Нужно кончить раньше... Надо кончить к 20 декабря, я сам приду на открытие.

---

[1] Алексеев — секретарь Кировского райкома ВКП(б),

После от'езда Сергея Мироновича мы удесятерили свою энергию. Стали работать круглые сутки.

Пересечка вошла в эксплоатацию не 20, а 18 декабря.

М. Глезеров

«СМЕЛЕЕ, ПРОФЕССОР!»

Когда возник смелый проект — преградить наводнениям путь в Ленинград, Киров немедленно заинтересовался этим делом.

Он с большим интересом выслушал первый доклад о дамбе через Финский залив, который был сделан мною у председателя Ленсовета Кодацкого.

С улыбкой, так располагающей к себе, Сергей Миронович обратился ко мне с рядом вопросов. Из них я сразу понял, что он является сторонником нашей идеи и прекрасно учитывает ее исключительное значение. Тут же, на заседании, нам ассигновали суммы на составление схематического проекта. Но больше всего нас радовала уверенность, что в лице Сергея Мироновича мы нашли покровителя и защитника предпринимаемого нами дела.

На расширенном заседании горкома обсуждался схематический проект с участием крупных специалистов. В прениях некоторые специалисты выступали против нашей схемы. Один из выступавших предложил подсыпку всего города. Мне в заключительном слове пришлось жестко раскритиковать

всю нецелесообразность этого предложения. Подвижное, живое лицо Сергея Мироновича отражало колоссальный интерес к развернувшимся дебатам. Прения еще продолжались, когда Киров отозвал к окну Кодацкого, представителей Балтфлота и ЛВО и начал тихо с ними о чем-то совещаться.

После заседания я стоял, окруженный группой товарищей. Вдруг Киров быстро подошел ко мне:

— Смелей, смелей, профессор, действуйте смелей, как начали! Ведь всех противников не переубедишь. Докажем дальнейшей работой! Наводнение, еще наводнение и — от нас, пожалуй, ничего не останется? — шутливо добавил он.

Услышав, что мы нуждаемся в лаборатории, Сергей Миронович тут же обратился к заместителю председателя Ленсовета:

— Тебе поручаю заботиться об их нуждах.

Художественно оформленную нами схему проекта Киров распорядился повесить в своем кабинете.

Насколько важное значение он придавал защите нашего города от наводнения, можно судить уже по тому, что в 1933 году, когда в Ленинград приезжал товарищ Сталин во время своей поездки на Беломорско-Балтийский канал, мы получили специальное распоряжение Кирова срочно составить подробную докладную записку о защитной дамбе.

Во время наводнения 1934 года меня вызвали в Чрезвычайную тройку по борьбе с наводнением для консультации. Был угрожающий под'ем воды.

Когда опасность уже миновала, из Москвы раздался звонок. Мы услышали тревожный вопрос

Кирова о наших делах. Председатель Чрезвычайной тройки успокоил Сергея Мироновича и, сославшись на меня, сказал, что присутствующий здесь профессор Советов заявил, что пока опасности нет, но к следующему дню можно ждать нового под'ема (действительно, к вечеру вода стала снова подниматься). Впоследствии я слышал, что, когда Кирова кто-то спросил в Москве, почему он так спешит в Ленинград, он ответил: «Как же не спешить, там у меня наводнение».

С. Советов

Он бывал на всех работах по благоустройству Ленинграда. Его можно было видеть всюду. По каждому проекту он тщательно знакомился с деталями.

— Основное, — говорил Сергей Миронович при просмотре проектов, — заключается в том, чтобы обратить особое внимание на улучшение рабочих жилищ. Надо отказаться от стандарта.

Сергей Миронович требовал, чтобы больше не строили коробок казарменного вида. Он протестовал против серых, скучных и однообразных домов.

— Нужно, — говорил он, — чтобы везде: на улицах, площадях, в театрах — рабочего окружала красота.

Мы осматривали строящееся здание Выборгского райсовета. Вдруг Киров поворачивается к Кодацкому и говорит:

— Помнишь, какие здания строили? А разве мы не можем строить так же?

Потом оборачивается к архитекторам:

— Можно ли надстроить, чтобы здание было выше?

А архитекторы:

— Нельзя две головы создавать.

Замолчал он.

А потом все-таки переделали проект, и дом вышел гораздо лучше.

Очень часто он мне по телефону звонил:

— Послушай, на Каменноостровском дом строят. Ты посмотри за ним.

— Это не наш, там другие строят.

— А ты все-таки понаблюдай!

Я как-то ему сказал:

— Сергей Миронович, а ты все-таки еще мало внимания уделяешь планировке города!

— Знаешь, — говорит он, — если я обращу много внимания, то не порадуешься, замучаю тебя.

Как-то звонит:

— Возьмите хороших архитекторов, приготовьте краску. Приду к Охтенскому мосту, когда кончится пленум.

Он хотел еще раз посоветоваться с нами и с рабочими, в какой цвет окрасить мост.

Ждем. Он пришел туда пешком, так, запросто, в рубашке, очень усталый, ворот расстегнут.

— Ну, архитекторы, учите меня архитектуре.

Мы долго обсуждали, как окрасить мост — ведь это стоило больших денег, да и покрасивее хотелось сделать. Прежде чем высказать свое мнение, Киров спросил всех присутствующих, какой тон устойчивее в отношении выцветания, а уж потом утвердил

окончательно тон окраски моста. Я был против его цвета и говорю ему:

— Через пять лет посмотрим; если плохо окрасили, в мою краску окрасим.

Он засмеялся:

— Ладно, ладно.

М. Хаджи-Касумов

ДЕРЗАЙТЕ!

«Не обедначивать» — это было его характерное выражение.

Он говорил: «Дело не в том, чтобы свой особый стиль выдумать. Нам нужно хорошо использовать наследие прошлого, но делать так, чтобы наше было несравненно лучше».

С увлечением, с азартом говорил он о тех больших задачах, которые стоят перед архитекторами: архитектора должны проявить все свои творческие возможности, чтобы создать произведения, достойные эпохи социализма. Он говорил: разве может быть, чтобы наше искусство было хуже буржуазного? Овладевайте наследством прошлого, его нужно использовать, но использовать мастерски, чтобы наше выходило несравненно лучше. Больше размаха, перспективы в строительстве! Думайте о будущем.

Он покорял нас тем, что с необыкновенной обаятельностью, простотой и знанием дела разрешал самые сложные вопросы архитектуры нового Ленинграда. Обсуждение вопросов реконструкции и строи-

тельства никогда не проходило без его участия Разрешая крупнейшие вопросы реконструкции Ленинграда, он вмешивался и в самые детальные вопросы строительства города.

Жестоко критиковал он жилища, выстроенные на Крестовском острове, и жилмассив «Электросилы», характерные своей стандартностью. «Ну что это за казенщина: и окна, и двери, и внутренняя отделка! — говорил он. — А двери-то какие: комод не входит — и по лестнице не развернешься».

«Каменное капитальное строительство, — сказал он, — будет существовать десятки лет. Мы не можем, мы не должны строить хуже, чем строили капиталисты. Наши жилища должны быть несравненно лучше. Рабочий должен жить в уютном и красивом доме».

Он утвердил вариант перепланировки и реконструкции площади Революции, разработанный профессором Ильиным, наиболее богато и с большим размахом решающий планировочные и застроечные моменты. Он говорил: «В этом году, может быть, мы площадь и асфальтом заливать не будем. Зальем лишь те магистрали, на которых большое транспортное движение. Но надо сделать так, чтобы при первой же возможности мы смогли площадь богато украсить».

Когда я докладывал Сергею Мироновичу о благоустройстве территории около памятника Петра I, я поставил вопрос о необходимости устройства гранитного спуска на Неву и о расширении гранитного тротуара. Мироныч сразу же сказал: «Да, только гранит, с этим я согласен. Но начинайте с

малого. Устраните сейчас имеющиеся там безобразия. Удалите грязь и мусор, заасфальтируйте, а гранит мы сделаем после».

Он осматривал набережную Обводного канала, одеваемую в новую бетонную стену. Узнал, что проектируется поставить деревянные перила. «Перила нужны металлические. На этом не экономят», — заявил он. Тут же, на месте, он утвердил образцы решеток и тумб.

Он бывал сам почти на всех строительствах. Утверждал тона цветной штукатурки и указывал, как лучше ее сделать для Дома работников искусства на улице Красных зорь, Дома работников лесной промышленности на проспекте Карла Маркса и целого ряда других крупных зданий.

Но больше всего заботился он о том, чтобы рабочие имели в своих районах культурные центры. И мы создали дома культуры для «Путиловца» и «Треугольника» в Нарвском районе.

Выстроили Дом культуры для завода «Большевик». Дома культуры выстроены для текстильщиков, кожевников и для завода «Электросила». Давно работает Выборгский районный дом культуры. Строим Дом культуры для Полюстровской группы заводов в бывшем парке Дурново.

А какие фабрики-кухни построили мы: в Нарвском, Володарском, Василеостровском, Выборгском, Петроградском районах, на острове Декабристов!

Мироныч был горячим сторонником скорейшей постройки Центрального парка культуры и отдыха и грандиозного стадиона. Он поддерживал и помогал

нам повседневно. Только благодаря ему мы нашли механизм для под'ема территории Крестовского острова и для насыпки грандиозного холма.

И. Шаров

Он хотел, чтобы город стал красивее, чтобы он выглядел, как что-то целое, монументальное.

«Дерзайте!» — вот что упорно твердил он нам. Когда мы просматривали с ним главные проекты строительства города, надо было видеть его радость и гордость от того, что представленные проекты являлись яркими творческими предложениями. «Архитекторы слишком считались со всякими нормами и дешевизной постройки,— сказал он.— Архитектуру, было, загнали в тупик. Многие здания, построенные до настоящего времени, еще не отвечают требованиям социалистического строительства! Но сейчас уже все меньше и меньше можно опасаться того, что мы будем в будущем стыдиться смотреть на нашу архитектуру и что у нас будут чесаться руки, чтобы снести все это. Наша архитектура приобретает размах, который будет подстать нашему гигантскому строительству».

В. Витман

Вероятно, это было весной 1930 года.

Я зашел к Сергею Мироновичу в Смольный к концу рабочего дня. Кроме меня в приемной никого не оказалось. И он, быстро кончив несложное дело, по которому я пришел к нему, стал рассказывать мне о проектах грандиозных работ в Сибири, к которой неравнодушны все старые сибирские подпольщики.

Не помню, как от этого вопроса он перешел к музыке, заговорил со мной о Чайковском, его шестой и пятой симфониях, о «Евгении Онегине».

В юности у Сергея Мироновича был прекрасный тенор. Еще мальчиком он распевал со своими сверстниками революционные и народные песни. Эта привязанность к музыке осталась.

— К сожалению, — говорил Сергей Миронович, — наша советская музыка еще не создала прекрасных произведений, достойных социализма. А ведь в сравнении с будущей симфонией, которую должна создать наша эпоха, девятая симфония Бетховена будет лишь слабой тенью.

А. Тюшевский

Как только началось создание сценария «Встречного», я беседовал с Сергеем Мироновичем. Он прямо указал нам, что тема и сюжет фильма станут тем значимее, чем крепче они будут связаны с конкретным заводом, с конкретными людьми.

Таким заводом стал ленинградский металлический завод имени Сталина.

Режиссеры и руководство фабрики предложили создать комиссию содействия этой постановке из виднейших представителей ленинградских партийных и советских организаций.

Сергей Миронович одобрил все наши начинания, но высказался против создания комиссии.

— Помогать вашей работе все партийные и советские организации Ленинграда должны и будут. Постановка «Встречного» — такое же партийное и советское дело, как любая хозяйственная и политиче-

ская работа. Каждый из нас обязан и может хорошо разбираться в основных установках художественного произведения. Но если бы каждый из нас пытался непосредственно проводить их в жизнь, вы сами понимаете, он должен был бы превратиться в постановщика. Иначе говоря, отбросить постановщика — руководителя искусства кино — на задний план. Такая постановка неправильная, не в интересах дела.

Он считал, что нужно раздвинуть рамки устоявшихся жанров.

— Почему, — спросил он как-то нас, — на нашей Ленинградской кинофабрике вы не проведете такого опыта? Ведь народ у вас на этой фабрике передовой и весьма способный. И мы могли бы за этим нужным делом и понаблюдать и сильно вам помочь.

Сергей Миронович назвал мне несколько фамилий ленинградских писателей, которых рекомендовал привлечь для создания сценариев.

И тогда же он поставил передо мной вопрос о месте актера в фильме. Он указал, что «Чапаев» по-новому ставит этот вопрос и требует от постановщика и кинoруководства, чтобы и в будущих наших картинах давался огромнейший класс актерского мастерства, чтобы актеру давалась возможность игры.

Б. Шумяцкий

Ленинградская кинофабрика играет крупнейшую роль в советской кинематографии. Но серьезным препятствием для ее развития являлись отсталость

ее материально-технической базы, слабая оснащенность современной киноаппаратурой и оборудованием. Сергей Миронович поставил этот вопрос на обсуждение Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б). Во время моего доклада он спросил:

— А кто еще не смотрел «Чапаева»?

И когда один из участников этого многолюдного заседания сказал, что он еще не успел посмотреть картину, потому что находился в от'езде, Киров тут же пожурил его репликой из «Чапаева»: «Позор!»

Когда кто-то заметил, что предложенная резолюция «в общем ничего, принять можно», Киров немедленно откликнулся:

— Поэтому ты и предлагаешь принять резолюцию, что «ничего»? Нет, надо конкретно и точно записать, кто что должен сделать. Обязать провести конкретные мероприятия и Главное управление, и ленинградские организации, и ленинградские заводы и обязать их руководителей лично обеспечить проведение этих мероприятий и тем самым серьезно, по-настоящему помочь Ленинградской кинофабрике.

Я. Чужин

Круг интересов Кирова был необ'ятен.

Он уделял огромное внимание не только предприятиям, но и лабораториям на заводах и в научно-исследовательских институтах.

Его занимали особо вопросы о пластмассах и об электромагнитных колебаниях. Он лично

присылал для переводов наиболее ценные книги, выпущенные на Западе. Он требовал немедленного осуществления важных изданий для обогащения технической мысли нашей страны.

В последнее время он просил прислать ему книгу о митогенетическом излучении (работы профессора Гурвича), литературу об опытах Мичурина, о разведении пчел. Он предлагал готовить книжку о рыбном богатстве области и сборники изобразительной статистики. Он не только следил за каждым новым художественным произведением, но и читал целый ряд произведений в рукописях. Узнав о подготовляемой к печати книге Ильина «Перестройка природы», он потребовал рукопись и прочитал ее еще до окончательной редакции. Его указания касались конкретно отдельных книг, отдельных авторов и писателей.

Наряду с интересом к творчеству писателя и к работе ученого он нередко лично заботился об улучшении их бытовых условий.

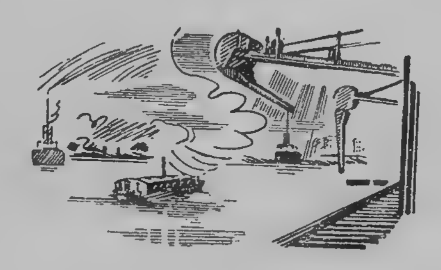
Достаточно было написать Сергею Мироновичу об идее создания «Истории Севера», чтобы через несколько дней в повестке секретариата обкома прочитать пункт: «История Северного края». На секретариате Сергей Миронович сразу поднял на огромную высоту вопрос об истории Севера, указал, что нужно отпустить соответствующие средства, подобрать лучших писателей и ученых и показать Север до и после Октябрьской революции. Он находил время прочитывать выходящие книги по «Истории заводов». Давал указания о книгах Паялина, Завьялова, о «Беломорском канале».

Особого внимания он требовал к детской книге и лично отмечал каждое новое достижение в этой области. Он по-особенному тепло восхищался конкурсом детских дарований и специально говорил об этом на последней партийной конференции. Много раз он ставил вопрос о качестве стабильных учебников для школ и личным участием помог их выпустить в срок.

В Смольный, в большой кировский кабинет, приходили запросто люди с самыми различными нуждами и по разнообразным поводам. Каждый считал, что с Миронычем можно обо всем говорить, ему можно все доверить, все рассказать. Он умел заниматься одновременно и крупнейшими государственными делами и вопросом о тонне гвоздей для новостройки. Он лично проверял не только крупные, но даже мелкие поручения.

Можно без конца писать о делах, которыми лично занимался Сергей Миронович. Его любимое выражение было: «у нас нет маленьких дел, все, что мы делаем, должно укреплять строительство социализма».

М. Рафаил

VII

НАСТУПЛЕНИЕ НА СЕВЕР

«То, что вчера казалось совершенно непробудным, куда, как говорили, «Макар телят не гонял», куда в царское время только в ссылку людей ссылали, — теперь там волей большевиков, на базе природных богатств (апатиты, железо, молибден, слюда, торий, титан и другие), в полутундре, куда до сих пор нога человеческая не ступала, создан новый, быстро растущий индустриальный центр Заполярного круга».

С. Киров. Из речи на XVII с'езде партии.

КРАЙ «НЕПУГАНЫХ ПТИЦ»

Киров был полон твердой воли и решимости создать новый промышленный центр на нашем Севере. Он вел речь не об отдельных отраслях промышленности Ленинградской области, не о меди, никеле, а о всей проблеме овладения Севером в целом.

Перед нами стоит проблема железа. Создание черной металлургии в Ленинградской области, под-

нятое по его инициативе, толкает вперед поиски и разведки. И успех, неожиданно блестящий успех, отвечает его призыву: открываются сотни миллионов тонн железной руды на горе имени Кирова и соседних холмах Мончетундры.

Найден нефелин. Киров тщательно знакомится со всем делом. Создается Карело-Мурманский комитет содействия изучению и использованию Северного края. Начинает строиться Кандалакшский комбинат.

Открыт апатит. Запасы кажутся огромными, но официальная наука не верит и отвергает кредиты. И тут помогает нам Сергей Миронович, входя во все мелочи, поддерживая и большое и малое.

Организуется хозяйственное об'единение для овладения новыми богатствами.

А. Ферсман

... 14 ноября 1929 года я получил назначение на должность управляющего трестом «Апатит». В то время еще треста не было, весь аппарат его состоял из одного управляющего. С'ездив в Хибины, я рассказал Кирову подробности своей поездки, рассказал о том, что в Хибинах ничего нет, каждую мелочь нужно создавать заново. И чтобы вытянуть новое дело, нужна его, Сергея Мироновича, поддержка, нужно ему самому на месте познакомиться с положением дела.

Сергей Миронович, всегда отличавшийся большой подвижностью, быстро согласился выехать в Хибины. И вот во мраке полярной ночи, в снежную метель мы прибыли в Хибины, тогда связанные лишь

узкой дорожкой с занесенной снегом станцией «Апатиты», представлявшей собой пять полуразрушенных вагонов.

Весь же поселок в то время состоял из двух дощатых бараков, в которых жила небольшая группа разведчиков. К баракам добрались усталые и прозябшие.

В тот же день — совещание. Из докладов было ясно, что трудиться есть над чем. Разведано уже достаточное количество апатита. Но чтобы поднять к жизни Хибинский край, нужно было огромное количество энергии и средств.

Было ясно: здесь можно делать только большое дело. Если где-нибудь в центре страны, куда уже веками вкладывались деньги и труд, где уже есть поселки, города, телеграф, железные дороги, можно заниматься добычей десяти—двадцати тысяч тонн минерала, то здесь это немыслимо. Надо заново строить железнодорожные линии, надо создавать гидростанции (паросиловая не поднимет хозяйства), наконец, надо колонизировать край. Разве может вытянуть гигантские расходы по всем этим и многим другим статьям маленькое дело, дело десятков и даже сотен тысяч тонн апатита? Только при большом деле хозяйство будет рентабельно и конкурентоспособно на внешнем рынке, только при этом условии можно будет создать здесь культурную жизнь.

Какое же дело создавать?

И Сергей Миронович дал установку на большое хозяйство, на миллионы тонн минерала, на миллионы рублей капиталовложений.

Я просил у Сергея Мироновича разрешения лично докладывать ему обо всем том, что делается в Хибинах, лично с ним разрешать все трудные и больные вопросы строительства. Он ответил:

— Я и не мыслю строить работы иначе. Непосредственно и повседневно я буду лично заниматься хибинским строительством.

Втечение всех пяти лет в любую минуту Сергей Миронович принимал нас и подробно расспрашивал и обдумывал все вопросы, которыми болело строительство.

На листке блокнота он записывал одно-два слова: «Пятакову», «Струппе», «Отсу» и т. д. И никогда не забывал, что именно нужно сказать тому или другому товарищу, и в тот же день разрешал эти вопросы. И когда потом я шел в центральные и областные организации, там уже знали, в чем дело, там уже знали установку в этом вопросе Кирова, и было во много раз легче добиваться разрешения ряда спешных, не терпящих отлагательства вопросов.

Когда я в 1930 году сделал в ЦК партии доклад о необходимости строить гидростанцию на шестьдесят тысяч киловатт (Нива), он энергично поддержал меня. А ведь даже сама постановка вопроса об этом могла показаться дикой тогда, когда еще никакой апатитовой промышленности мы не создали. Но ЦК видел огромные перспективы апатита и других богатств края, верил в них, верил Кирову, поддерживающему требования треста, и вождь партии и рабочего класса товарищ Сталин сказал:

«Апатитовую промышленность надо форсированно развивать. Нет городов — надо их строить, нет

дорот — надо их строить. Нет электроэнергии — надо строить гидростанции».

В. Кондриков

В июле 1932 года товарищ Киров второй раз приехал в Хибины, бывший край «непуганых птиц», превращаемый под его руководством в промышленный район страны. Он внимательно осмотрел рудники, интересовался всеми вопросами, даже узкотехническими, давал деловые замечания, как исправить или улучшить, усовершенствовать тот или иной участок производства.

Тогда в Кукисвумчоррском поселке стояло еще несколько палаток. Он заходил чуть ли не в каждую из них, расспрашивал рабочих, не тяжело ли им жить в палатках, чего им не хватает и т. д. Это был как раз период, когда мы по указанию Кирова ликвидировали палаточные и шалманные городки.

Он заходил во вновь построенные дома. В одном из них была неисправна плита. Он тщательно осмотрел плиту и поддержал требования домохозяек. Когда же он узнал, что этот дом занимают десятники и в основном строители, он пожурил хозяек:

— Ведь ваши мужья как раз этим и должны заниматься.

Два часа с половиной он потратил на осмотр горняцкого поселка.

Только что приехав с Беломорстроя, он рассказывал о дорогах на Беломорстрое. Дорога бережет транспорт, дорога обеспечивает четкую связь.

Уже уезжая с рудника, Киров спросил:

— А где же первые дома, в которых я был в 1929 году?

Я указал на прилепившиеся на горушке четыре дощатых домика.

Киров долго всматривался в них, потом снова оглядел поселок и наконец сказал:

— Ну, если бы меня спросили, был ли я здесь, я бы ответил: «Не был». Сильно вырос поселок, не узнать.

Он торопился, но все же прошелся по городу и внимательно от начала до конца процесса осмотрел обогатительную фабрику.

Слушая об'яснения заместителя директора обогатительной фабрики Кочеткова о технологическом процессе обогащения, он восторженно осматривал машины и радовался четкости работы организма фабрики.

Г. Гебер

В тот день и час, когда я пришел к Кирову, он был особенно занят. В его кабинете шло какое-то заседание. Но лишь оно закончилось, секретарь сообщил, что Сергей Миронович ждет меня.

Это было три года тому назад.

Киров сидел за огромным столом, такой приветливый и скромный. Он уже имел подробные сведения о новых и интересных возможностях применения хибинских апатитов в металлургии. Проблема апатитов ему была особенно близка: ведь Киров создал новый полярный «Урал» — горнохимическую и металлургическую промышленность Кольского полуострова.

Работники различных учреждений из-за своей косности мешали опытным работам по освоению новой промышленной проблемы. А он, неспециалист, тотчас же понял «способности» этого замечательного хибинского камня.

Жестко, как бы гневно Сергей Миронович порицал тех, кто этого не понимал и тем самым вредил своими скептическими «авторитетными соображениями». Я вспоминаю энергичный жест правой руки, как бы отметающий все препятствия, и слова:

«Не обращайте внимания на этих людей (при этом были названы имена некоторых специалистов, не понявших теории и практики моих работ) и продолжайте неуклонно итти намеченным вами путем».

В тот день Киров стал шефом работ по применению хибинских апатитов в металлургии.

Беседуя, он время от времени делал небольшие пометки на листках своего блокнота. Из них потом вылились решения, обязательные для хозяйственников. Они создали благоприятную обстановку для научно-исследовательских работ. Апатиты постепенно входили в обиход металлургических и литейных цехов многих советских заводов.

Я твердо помнил указание Сергея Мироновича — обращаться непосредственно к нему в случае возможных затруднений, и снова пришел в Смольный. Во время моего рассказа о перспективах новых работ с апатитом нас не раз прерывали. На столе звонил телефон. Тогда он на минуту прекращал беседу об апатитах, брал телефонную трубку

и переключался на вопросы о дровах для населения, о молоке для ребят, о хлебе, о столовых.

— Какими же только делами вам, Сергей Миронович, не приходится заниматься?

Он улыбнулся и продолжал с прежним интересом слушать о предстоящей впервые плавке металла с апатитом в керченских доменных печах.

— Итак, поезжайте в Керчь, на домны. Желаю успеха, — сказал Сергей Миронович. — Сообщайте обязательно о результатах. Приедете — решим вопрос.

...Телефонный звонок в двенадцать часов ночи. Звонит один из сотрудников товарища Кирова по его поручению. Сергей Миронович предлагает немедленно созвать специалистов по одному из вопросов, на которые я указывал в последнем докладе.

В Хибиногорске в вагоны грузился апатит для отправки в Керчь, где проводились опыты в доменных печах. Совершенно неожиданно для меня продвижению грузов были созданы исключительно благоприятные условия. Апатиты отправлялись в Керчь особыми маршрутами, по специальному графику, за погрузкой наблюдали специальные люди, за продвижением апатитов следили контрольные посты.

Это было сделано по распоряжению Кирова, не забывшего о новой поднятой проблеме среди тысячи других важных дел.

Сегодня же десятки металлургических, литейных и машиностроительных заводов Советского союза применяют апатиты в своем производстве, экономя

валюту, заменяя им дорогостоящие материалы, увеличивая экспорт томасшлака.

Л. Черников

БЕЛОМОРСТРОЙ

Энтузиаст превращения Севера в цветущий индустриальный край, он рассматривал Беломорстрой не просто как одну из крупнейших строек, но и как гидротехнический опыт, впервые практически поставленный в СССР в таком широком масштабе. Это строительство он рассматривал как начало осуществления огромных гидротехнических проблем, выдвигаемых товарищем Сталиным. Сергей Миронович всячески поощрял наши смелые технические новшества и энергично поддерживал нас, например, в вопросе широкого применения дерева. Побывав на Беломорстрое и беспокоясь, что к моменту окончания канала река Свирь не будет углублена, Киров предложил главному инженеру Жуку лично проработать вопрос о возможности постройки на Свири сооружений по типу Беломорстроя. Вся разработка этого вопроса шла при его ближайшем участии, и результаты работы докладывались ему лично.

На одном из совещаний, проходившем под его председательством, разыгрался горячий бой с противниками некоторых технических новшеств, предложенных Беломорстроем. Мироныч поддерживал нас тогда крепко. Он исходил из возможности широкого внедрения местных строительных материалов в

гидротехническое строительство по всему СССР. И хотя Свирь 2-я и строится не по предложенному Беломорстроем проекту, точка зрения Кирова о целесообразности широкого применения дерева, камня и других местных материалов на ряде гидротехнических сооружений, в частности на Урале, остается в полной силе.

Заслушивая наши доклады о Беломорстрое, Сергей Миронович всегда увязывал это строительство с перспективами Карелии, часто возвращаясь к вопросам будущего этой республики в связи с каналом и огромными экономическими возможностями, открывающимися перед Карелией.

Л. Коган

Незабываемы его приезды на строительство.

Специальный поезд. Дежурит начальник станции. На стрелке — помощник. Почетный караул. Настроение у всех невольно приподнятое, все напряжены. И вдруг — крепкая фигура. Лучезарная, обаятельная улыбка. Простые, искренние слова Сергея Мироновича сразу выводят из напряжения, в котором прошли минуты ожидания.

— У меня немного времени, а я очень хотел бы побольше посмотреть, поглубже ознакомиться с Беломорстроем. Давайте наметим план поездки по вашим основным участкам, где больше трудностей, препятствий.

Торжественности и напряжения как не бывало.

Через тридцать минут Сергей Миронович в сопровождении руководителей Беломорстроя — на Повенецком участке. Он сразу охватывает всю схе-

му, интересуется об'емом работ, месячным планом, суточной выработкой и темпами.

— Слабовата у вас механизация, товарищ Рапопорт!

— Но есть энтузиазм, товарищ Киров, — отвечаем мы ему.

— Да, это большой поправочный коэфициент.

Он глубоко интересовался методами разработки валунных грунтов; с исключительным напряжением следил за ходом борьбы с плывунами, которыми так обилен был Повенецкий участок, теперешняя красавица, семиступенчатая лестница гигантов-шлюзов.

Надвойцы, Шавань и Сосновец. Это склоны канала, где шлюзы буквально высекались в сплошной скале — крепчайшем диабазе.

Точно зачарованный, стоял Киров на бровке котлована десятого шлюза, и действительно изумительная картина представлялась нашим глазам. На двадцатипятиметровой глубине, как гномы, копошились люди, при помощи различных приспособлений справлявшиеся с глыбами скал, которых только на Надвойцком участке надо было выбросить полмиллиона кубов. Трещали перфораторные молотки, раздавался треск работавших на бровке пневматических кузниц, заправлявших тысячи буров.

— Что это за система под'емника у вас?

— Это так называемые малые формы механизации, применяемые у нас чаще всего по инициативе самих ударников-рабочих и инженеров. Этот под'емник — изобретение инженера Бакастова.

— Прекраснейший выход для выемки скалы на такой глубине при отсутствии дерриков.

Его интересовало положительно все: как развивается соревнование, каков процент ударников, как организован быт рабочих, как поставлена культурно-воспитательная работа, какие меры общественного воздействия применяются к отстающим, как поощряются передовики.

С большим интересом он рассматривал разрисованные художниками-самоучками лозунги, доски показателей, изображающие черепах, аэропланы и даже молнии.

В котловане развернулась содержательнейшая беседа, в которую постепенно втянулись все близстоящие чекисты и инженеры. Подошло несколько рядовых ударников Беломорстроя из правонарушителей. И для них засветилась кировская улыбка и для них нашлись теплые, ободряющие и вдохновляющие слова.

— Неисправимых нет, и вы будете настоящими гражданами Советского Союза. Ваша ударная работа на канале тому порукой.

Он удивлен энтузиазмом людей.

— Как вы добились этого? — интересуется Киров. И опять полное внимание к словам руководителей строительства, подробно излагающих метод перековки преступников и превращения их в граждан Советского Союза.

В этот день он об'ехал два громаднейших участка — Повенецкий и Водораздел, составляющие девять теперешних шлюзов, группу дамб и плотин.

А ночь мы провели за рассмотрением проектных материалов.

Эта первая поездка Кирова много дала строительству канала. Все заказы на оборудование, на сегментные затворы и т. п. выполнили ленинградские заводы своевременно и с чрезвычайной добросовестностью. Волной соцсоревнования, подлинного энтузиазма ответили строители канала на призыв Кирова — досрочно построить канал.

Я. Рапопорт

Однажды раздался телефонный звонок, меня просили, чтобы я позвонил Сергею Мироновичу. Звоню.

В ответ спокойный голос:

— Не можете ли вы, товарищ Самойлович, указать мне на севере месторождение цинка и олова, которые могли бы быть использованы для ленинградской промышленности?

Завязалась длительная беседа. Я был поражен познаниями и осведомленностью Кирова в этой специальной области и его практическими указаниями.

Киров всегда интересовался исследованиями Советской Арктики и неоднократно помогал нам в этом деле. При его исключительном содействии отправились в полярное плавание из Ленинграда «Челюскин», «Красин», «Ермак».

На банкете по случаю возвращения челюскинцев я подошел к Сергею Мироновичу и сказал ему:

— Я, Сергей Миронович, с вами лично до сих пор не встречался. Но так как я вас очень люблю, то

позвольте вам просто пожать руку и хотя бы этим выразить чувство уважения к вам. Я Самойлович.

С улыбкой он мне отвечал:

— Очень, очень рад! Я ведь вас прекрасно знаю. Очень рад вас встретить.

Р. Самойлович

СЕЛЬДЬ И СНЕТКИ

Научные «мужи» толковали, что сельдь в Мурмане—эпизодическое явление, что приходит она в десять лет один раз. «Была в двадцать втором году, придет в тридцать втором, а до этого не будет сельдей». Когда я доложил об этом Миронычу, он задал лишь один вопрос:

— А ты проверял лично заключение этих ученых мужей?

Я сказал, что не проверял, потому что как я могу проверять, и развел руками. А Мироныч спрашивает:

— А с рыбаками ты говорил?

— А с рыбаками-то я поговорить и не догадался.

И решил я об'ехать побережье, поговорить с рыбаками. И что же?

Выяснилась совершенно иная картина. Оказывается, сельдь приходит, но ее никто не ловит, никто ею не интересуется. А ведь сельдь о своем приходе не говорит, ее не видно, за ней нужно следить, а наблюдательных постов не ставили.

Когда я рассказал об этом Сергею Мироновичу, он улыбнулся:

— Вот видишь, нужно не только за наукой следить, но и прислушиваться к мнению рыбаков.

Сергей Миронович занимался буквально каждой деталью этого дела. Не было у нас тогда ни опыта, ни техники. Брали заграничный опыт — тралловый лов. Киров говорил, что без освоения заграничной техники мы сделать ничего не сможем. Надо поучиться ловить рыбу и строить суда, купить несколько образцов и начать строить самим. И вот заказали в разных странах десятка полтора тральщиков. С'ездили туда, посмотрели, как делают, и затем на судостроительной верфи в Ленинграде заказали тридцать шесть отечественных тральщиков. А сейчас у нас около семидесяти прекрасных больших тральщиков.

В Псковско-Чудском озере снетки хорошие ловятся. Ну, ловятся себе и ловятся. Ан нет — Мироныч и тут поставил задачу — «механизировать добычу этого снетка». Начали говорить, что нельзя, что это озеро такое, что волны там особенные и т. п. Он этому делу не поверил. С'ездил сам на Чудское озеро. А в это время я приехал в Ленинград, зашел к нему. Он и говорит:

— На Псковско-Чудское озеро надо пустить тральщиков.

Я говорю:

— Не знаю это озеро, но, судя по всему, тральщик должен брать.

Он отвечает:

— Должен брать. Они не верят — называет имена работников, — а я верю и докажу, что можно ловить. Ты дай все расчеты, все указания, как надо

сделать, помоги забросить два судна, назначь срок, вместе поедем. Будем вместе работать.

К сожалению, мне не пришлось поехать на эту операцию. Но Мироныч поехал. И добился своего. Сейчас на Псковско-Чудском озере работают пятьдесят восемь моторных судов.

Я как-то рассказал Миронычу, что с группой специалистов мы работаем над созданием наддонного трала. Он меня выслушал очень внимательно и сказал:

— Ты поедешь на место и, когда окончательно разработаешь это мероприятие, сообщи мне.

Уехал. Дело затянулось. К обещанному сроку я эту работу не провел. Но он не забыл. В указанный срок я получил от него телеграмму: «Телеграфируй результаты применения сельдяного трала».

В. Боганов

ПОЧЕТНЫЙ ВОДОЛАЗ

... Стояла глубокая осень. В Кандалакшском заливе, воюя со штормами, эпроновцы поднимали ледокол «Садко».

Киров очень интересовался всем процессом под'ема, тщательно расспрашивал о деталях работы, в особенности водолазных. Он подчеркнул необходимость освещения под'ема «Садко» в печати. По его предложению мы пригласили для этого квалифицированные писательские силы.

Неотложные дела вызвали нас в Ленинград. В Главном управлении Эпрона происходила организа-

ционная перестройка. Работали комиссии, целые дни в Эпроне шли заседания, и мы не могли найти выхода из создавшегося затруднительного положения с перестройкой.

Я решил отправиться к Кирову.

— Ну, рассказывайте, как у вас дела? Перестройка, комиссии... — сказал он. — Поднимите «Садко». Дайте стране ледокол — вот что нужно от вас. Дела требует партия. Перестройка, комиссии... Не отвлекайтесь этим! Займитесь этим после того, как поднимете «Садко».

И он стал расспрашивать о ходе операций в суровой обстановке Севера, накануне зимы.

Окрыленные, мы уходили от него.

Однажды уже по окончании работ шел я по коридорам Смольного. Вдруг слышу: сзади зовет меня кто-то. Оборачиваюсь и вижу Кирова. Он пригласил меня к себе и подробно расспросил о под'еме. Очень внимательно и сосредоточенно слушал мой рассказ и со свойственной ему конкретностью задал ряд детальных производственных вопросов.

И всегда, когда Краснознаменный Эпрон отправлялся в поход, нас воодушевлял Сергей Миронович.

Так было и перед под'емом «Малыгина».

А когда во льдах Айсфиорда после победы, после под'ема «Малыгина», мы получили первое радио, на нем стояла подпись: «Киров».

Пройдут годы, но никогда не забудется пережитое нами ни с чем не сравнимое счастье. Норвежский телеграф по неизвестной причине не доставил нам приветственной телеграммы товарищей Сталина,

Молотова, Ворошилова и Янсона. И радио товарища Кирова сообщало о величайшей чести — об оценке нашей работы Политбюро. Свое радио Киров закончил сообщением: «Ленинградский обком присоединяется к ходатайству товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова и Янсона. Киров».

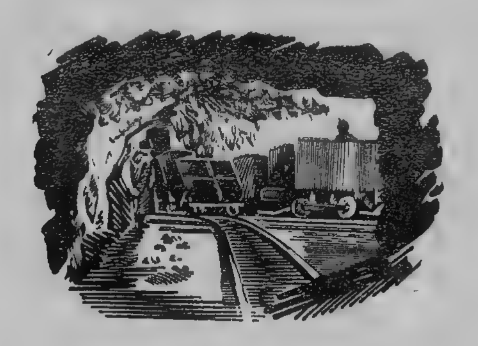
Как торжествовали мы в те дни, с каким под'емом принялись вновь за свое подводное дело, чтобы привести корабль к берегам Советского Союза, чтобы, вернувшись на родину, с открытым лицом явиться в Смольный, к Сергею Мироновичу, и сообщить:

«Партия поручила — задание партии, товарищ Киров, выполнено!»

...Мы присвоили Кирову звание почетного водолаза.

На областной партконференции наша эпроновская делегация преподнесла ему костюм и снаряжение водолаза. Он внимательно рассматривал его и все улыбался, представляя себя строителем социализма не только на земле, но и под водой.

Ф. Крылов

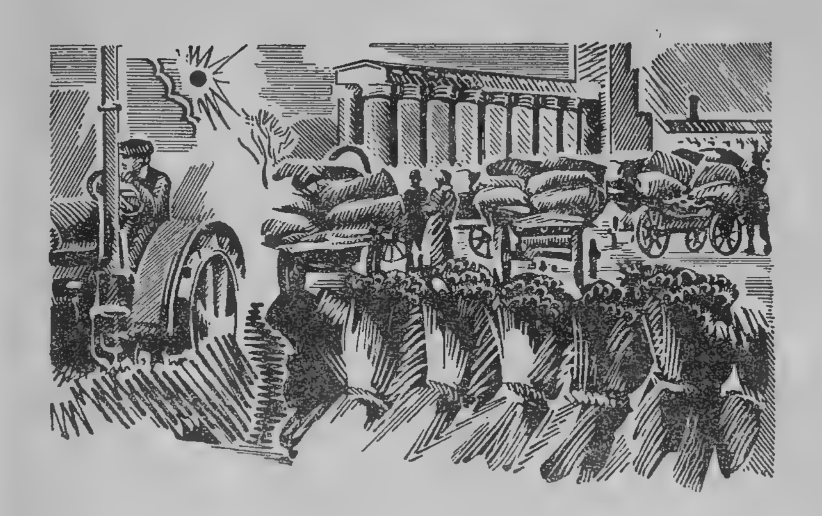

VIII

ИЗ ПОТРЕБЛЯЮЩЕЙ В ПРОИЗВОДЯЩУЮ

«Туда, где еще вчера темный и суеверный крестьянин молился на пень, где вчера еще ждал помощи только с неба, мы руками рабочих наших фабрик и заводов двинули огромное количество сельскохозяйственных машин, тракторов, послали из города в деревню тысячи и десятки тысяч наших лучших рабочих в помощь крестьянам для устройства новой, счастливой жизни».

С. Киров. Из речи на I с'езде колхозников-ударников Ленинградской области и Карелии в 1933 году.

РУЛЬ ПОВЕРНУТ

Нигде в прошлом, в царской России, не было такого отрыва промышленности от земледелия, как в Ленинградской области. Считалось аксиомой, что северное хозяйство обречено на потребительский характер.

Надо было сломить предрассудки, резко повернуть руль всего хозяйственного уклада области.

Киров был первым, кто не только ясно осознал необходимость одновременного развития промышленности и сельского хозяйства Севера, но и возглавил борьбу за создание социалистического земледелия в Ленинградской области.

Ленинградской области нужны были большие пахотные массивы. Ведь у нас возделывалось только 12 проц. всей площади. И Киров начинает энергичную борьбу за освоение северной земли. В своих призывах и обращениях к колхозникам Киров ведет энергичную борьбу за раскорчевку земель, за освоение болотистых и кустарниковых бросовых земель.

Создается специальный фонд новых земель имени товарища Кирова.

С гордостью он говорил колхозникам:

— Нашими руками Ленинградская область, которая вчера еще называлась потребительской, превращается в большую производящую сельскохозяйственную область... Мы шаг за шагом расширяем в ней посевы зерновых культур, начинаем широко разводить пшеницу. Наша ленинградская пшеница лучше южной пшеницы, — говорил он. — Укажите мне край, где можно было бы получить двести пудов с десятины, а мы это у себя получаем... Это особенная пшеница, она привыкла к нашей земле, к нашим северным условиям.

Посевы пшеницы с пятнадцати тысяч га в 1930 году осенью 1934 года дошли до ста восьмидесяти тысяч га. Колхозники обязались во вторую пятилетку довести эту цифру до четырехсот пятидесяти тысяч га.

Он был увлечен механизацией северного земледелия, постоянно следил за конструкцией северного комбайна, за успехами механизации уборки льна. Колхозники постоянно видели Кирова в своих районах. Многие колхозники могли бы рассказать о вдохновляющих встречах с ним в поле, на скотном дворе.

Н. Вавилов

Когда в 1929 году двадцать пять тысяч рабочих пошли на колхозный фронт, собрали нас, ленинградцев, в Выборгском доме культуры. Пришел Сергей Миронович, просто со всеми поздоровался, как будто знал нас несколько лет.

Начал он речь, и все будущие колхозники вытащили карандаши и блокноты. Литературы по этому вопросу в то время почти никакой не было. Правда, мы учились на месячных курсах в Доме культуры, но еще мало разбирались в этих вопросах.

А Киров так рассказал, что все сделалось ясно. И откуда только он знал психологию крестьянина, так близко ее понимал! Начал он вот с чего:

— Вот ты приехал в деревню. Как начать. как организовать крестьянина?

У него всегда так: задает как бы всей аудитории вопрос и тут же отвечает, но с глубокой критикой отвечает. А нам поэтому легко было все усвоить.

Потом он стал беседовать со старшими группы. Я стоял в это время рядом с ним, плечо к плечу. Обращаясь к старостам, Киров сказал:

— Вы познакомились втечение этого месяца друг с другом. На месте вы должны укрепить это знаком-

ство. Главное — это бдительность. Разбившись по районам, поодиночке, вы иногда не сможете всего учесть, вовремя заметить слабые места, где враг может нанести нам поражение. Поэтому старайтесь быть бдительными. Пролетариат Ленинграда всегда шел в авангарде, всегда честно выполнял свои обязательства. Я надеюсь, что и на этот раз мы сумеем с вами выполнить решение партии и правительства и оправдать доверие.

Я был назначен в Барнаульский округ, в Восточную Сибирь. Это, как известно, житница, но житница, далеко удаленная от центральной магистрали.

Я и говорю:

— Сергей Миронович, я еду в далекую Сибирь. Мне приходилось ее видеть в период гражданской войны. И знаю я, что такое зажиточный сибирский крестьянин. Трудно будет его сломить.

А он мне отвечает:

— Ту зарядку, которую ты получил здесь, сумей свезти туда. И будь с крестьянами чуток, осторожен, ласков. Надо уметь понимать крестьянина — это главное. Надо терпеливо и настойчиво раз'яснять ему, что партия хочет создать для крестьянина только хорошее. Но при этом не администрируй. И тогда должен ты будешь победить.

Здорово помогли нам его наставления и учеба. Позднее, уже в Ленинграде, если я узнавал, что будет доклад Сергея Мироновича, я не мог сидеть дома спокойно. Ведь когда услышишь его, то в жилах кровь течет уже как-то по-иному.

И. Орешенков

КАК БУДТО ОН ЖИЛ С НАМИ

Когда на с'езде ленинградских колхозников-ударников в президиуме вдруг появился плотный, коренастый человек в защитной гимнастерке с добрым, веселым лицом, все мы — тысяча пятьсот делегатов — сразу узнали его. И все, как один, мы встали и долго рукоплескали, приветствуя его. Все три дня он внимательно выслушивал нас. Он часто привставал со своего места, чтобы не проронить ни одного слова делегата.

Крепко сдружился он с нами. Вместе ходили мы слушать оперу в Мариинский театр и ездили на полигон смотреть достижения Красной армии. Но лучше всего понравилась нам его речь на с'езде. Просто, понятно говорил он о том, к чему мы идем и к чему должны притти.

— Неверно, товарищи, что наш край какой-то особо бедный, озерный, болотистый. Нет такой земли, которая бы в умелых руках при советской власти не могла быть повернута на благо человечества.

И действительно вышло так, как сказал он. Вышло так и в нашей деревне, и в других сотнях и тысячах деревень. Землю мы действительно повернули на благо человечества.

Он учил нас новой жизни. Он призывал покончить со старым, дедовским календарем.

— Нужно раз навсегда покончить с дедовскими обычаями прошлого, когда сроки сельскохозяйственных работ приноравливались к небу, к живущим на небе, а не живущим на земле. Старый календарь нужно оставить. Нужно работать по другому кален-

дарю, по большевистскому, советскому, тогда пойдут у вас дела настоящие.

М. Барковская

Слушаешь и думаешь: откуда он все это знает? Он ведь говорит о том, что мы думали, точно он наши мысли читает. И не только читает, но и угадывает вопросы и сразу на них отвечает.

— Совсем, — говорит, — еще недавно кулаки и подкулачники пугали вас большевиками и социализмом. Ведь недавно еще наши враги вам говорили: «Вот видишь — колхоз: сегодня ты будешь колхозником, а завтра тебя в большевики запишут». И тот, кто постарше, так рассуждал: «В колхоз-то я пошел бы, — особенно это женщины говорили, — ну а в большевики пойти — никак дело не выйдет: у меня дочь замужем, внучата уже есть. Как я на старости лет в большевики пойду? Если так случится, в гробу перевернемся». Боялись. В колхоз можно, а в большевики не годится. И кулак агитировал: сегодня ты пойдешь в колхоз, а завтра в социализм тебя поведут. Ну, в колхозе это понятно, это вроде кооперации, а вот к социализму — это неизвестно куда. Сижу я на земле, земля подходящая и природа хорошая и в колхоз можно, а к социализму не годится. А тут кулак свое зудит: «Ты сегодня в колхоз пошел, у тебя лошадь обобществили, завтра корову обобществят, а послезавтра бабу обобществят большевики». Было так?

— Было, было, — закричали мы ему так дружно и громко со всех сторон, что он даже уши шутливо заткнул.

— А что получилось? Никто никуда насильно не повел, женщин не «обобществили», жить в колхозе там, где с умом за дело берутся, оказалось лучше, чем в единоличном хозяйстве. Таким образом, товарищи, я еще раз должен вам сказать: тысячу раз был прав товарищ Сталин, когда он говорил, что колхозная стройка сейчас находится у нас на твердом основании — теперь все зависит от нас самих.

Тут я ясно понял многое, что раньше только чувствовал. Он подробно об'яснял, как вредят кулаки, как им помогают лодыри, прогульщики и саботажники, как надо крепить колхозы, выполнять обязательства перед государством, и многое другое.

Все делегаты с'езда, затаив дыхание, слушают. А он все говорит и так говорит, точно каким-то особенным огнем душу зажигает. Я забыл, где я живу, где мой колхоз, где я нахожусь, — так захватила меня эта речь Мироныча. И когда он в заключение призывал нас следовать во всем за партией, за великим вождем и учителем товарищем Сталиным и сошел с трибуны, я вскочил с места и закричал «ура».

П. Кузьмин

Он говорил так задушевно, так просто и ясно, что кажется, будто сам он приехал только что делегатом от колхозников.

— Раньше,—говорил Сергей Миронович,—в этом дворце заседало буржуазное правительство и обсуждало план, как лучше обогатиться и давить трудовой народ. Но теперь вот собрались вы, товарищи

колхозники-ударники, обсудить, как лучше устроить жизнь трудового крестьянина, как скорее притти к зажиточной жизни.

О многом рассказывал нам тогда Сергей Миронович, а главное, он требовал честно работать и беречь колхозное добро.

Ф. Ершов

На детском спектакле мимо того ряда, где сидел председатель колхоза «Красный рыбак» Нестеров, прошел Сергей Миронович.

— Да это товарищ Киров? — удивился Нестеров.

— Да, это товарищ Киров! — ответили ему.

А Сергей Миронович прошел в самую гущу детей, сел вместе с ними и стал оживленно разговаривать.

Как прост был весь Сергей Миронович, так же проста была и его замечательная речь на с'езде. Мы поняли ее до каждого слова. Эти слова — простые, ясные слова — точно вливали новую, свежую кровь в нас, настолько они были значительны.

А когда Киров кончил, мы невольно встали с места и крикнули:

— Да здравствует коммунистическая партия! Да здравствует товарищ Киров!

Крикнули мы это, а потом спохватились и оглянулись: не нарушили ли порядка в зале? Нет, все до одного стояли, бурно аплодируя ему.

Адамов, Нестеров, Колтышев, Козина

Киров вместе с товарищами Чудовым и Позерном осматривали сельскохозяйственную выставку на

I с'езде колхозников-ударников Ленинградской области.

В это время я как консультант отдела животноводства беседовал с колхозниками Островского района.

Чудов и Позерн задержались у каких-то экспонатов, а Киров подошел ко мне. Я говорил об уходе за молодняком. Сергей Миронович перебил меня:

— А с какого времени можно гулять телятам молочного возраста?

Выслушав ответ, он снова спросил:

— Сколько нужно выпоить молока теленку и из какого расчета?

Подойдя к диаграмме, показывающей охват сдельщиной животноводческих ферм, Сергей Миронович задал вопрос:

— Не находите ли вы эту сдельщину сложной для понимания колхозников?

Две колхозницы подтвердили, что в своем колхозе они из-за этого не могут ввести сдельщину. Услышали они о сдельщине только от зоотехника.

— У нас на ферме так и нет правильной сдельщины, — сказали они.

— Надо будет упростить сдельщину, — сказал Киров.

И продолжал расспрашивать делегаток, как они ухаживают за скотом, каков годовой удой на корову, есть ли падеж молодняка в их колхозе.

— Ухаживаем мы за скотом неплохо и падежа телят не было, а вот правление колхоза не заботится о сильных кормах. От этого коровы дают в среднем не больше тысячи литров молока в год.

— Для Островского района это очень низкий удой, надо добиться повышения, — сказал Киров.

Задавая вопросы мне и колхозницам, он то несколько обеспокоенно ждал ответа, то одобрительно кивал нам головой.

Можно было подумать, что он до этого только и делал, что ухаживал за животными.

Тут нас обступила уже большая группа делегатов. Все внимательно, стараясь не проронить ни одного слова, слушали Сергея Мироновича. На лицах колхозников цвела радостная, сердечная улыбка.

В. Амелин

ПОБОЛЬШЕ ЖИВОСТИ В РАБОТЕ

...Из запыленного автомобиля вышел коренастый, среднего роста, со следами оставленных позади тысяч километров дороги человек в простой шинели и фуражке, чуть-чуть обросший. Приветливое «здравствуйте» и короткое рукопожатие.

Это был Киров. С полей соседней Боз-Айгирской МТС 23 сентября он приехал вместе, с товарищем Мирзояном в наш совхоз.

В столицу Казакстана Алма-Ату он приехал 12 сентября 1934 года. На другой день этот неутомимый человек уже выехал в районы и области нашей республики и втечение двадцати дней об'езжал наши колхозы и совхозы.

Казакстан срывал хлебозаготовки.

Совхоз наш тоже находился в прорыве. Урожай был огромный, а совхоз сильно отставал и по хлебо-

уборке и по хлебосдаче. К приезду Кирова план хлебосдачи был выполнен лишь на девять процентов, а по косовице—на сорок пять процентов. И в подготовке и в ходе уборки было сделано немало ошибок.

В маленькой комнате дирекции завязалась беседа.

— Живости в работе у вас мало, — через ряд метких вопросов определил Киров причину нашего отставания.

Мы рассказали, как шла последние дни борьба за спасение зерна от угрожавшего ему самосгорания, как организуется искусственная его сушка, и об'яснили, что зерном засыпаны все свободные помещения центральной усадьбы (клуб, столовая, ясли, тракторный сарай, зернохранилище, летний гараж, крольчатник и другие) и что оно спасено целиком. Киров заметил:

— Раньше надо было это сделать. Нельзя ждать только хорошей погоды. Большевики должны убрать и уберут весь хлеб, невзирая ни на какую погоду.

Он проверил, как сушится зерно.

В крольчатнике топили печи. Киров осмотрел помещение и зерно и сразу подметил недостатки.

— Слой зерна слишком толст, долго сохнуть будет, тоньше надо.

Зайдя в соседнее, малое отделение крольчатника, которое не было занято зерном, он сказал уже резко:

— Там толстый слой, а здесь ничего. Нельзя так!

Закончив осмотр, он отдал распоряжение работнику из края:

— Через четыре дня проверить их работу по сушке и отправке хлеба.

Киров интересовался всем ходом уборки и хлебосдачи. С карандашом в руках он подсчитал, что может дать наш совхоз государству.

После подсчета поставил передо мной вопрос:

— Говоря по-партийному, сколько ваш совхоз может дать зерна государству?

— Пятьдесят тысяч центнеров.

— А не маловато?

Прикинув возможности совхоза, Киров нашел цифру эту минимальной. И мы, руководители хозяйства, не могли не согласиться с ним.

Приезд Кирова внес подлинный перелом во всю работу совхоза. Радиоузел понес по проводам на поля, в таборы бригад, на тока, по всему совхозу боевые указания секретаря ЦК партии. Вечером, после работы, повсюду собирались рабочие на собрания. На токах, на косовице, в автоколоннах, по инициативе рабочих, возникли ударные бригады имени товарища Кирова. Днем и ночью кипела работа. И победа была одержана.

До 23 сентября, до приезда Кирова, было сдано всего лишь девять процентов годового плана. После его приезда были дни, когда за сутки совхоз сдавал по двенадцати процентов годового плана. План был не только досрочно выполнен, но и перевыполнен втечение одного месяца на сто двадцать пять процентов. При от'езде Киров еще раз подчеркнул:

— Побольше живости в работе, товарищи! Побольше!

С. Беляев

Много работников посещало нас, но никто не сделал так много для колхоза, как он.

Когда он приехал в бригаду, молотилка не работала, колхозники бездельничали.

— Почему не работаете, товарищи?—спросил Киров.

— Хлеб сырой, — отвечали мы.

— А если такая погода будет стоять сорок дней и ночей, что вы тогда будете делать? Как вы будете выполнять обязательства перед государством? Продовольственной помощи теперь нельзя просить, сами можете продать тысячи центнеров хлеба, если хорошо его уберете. Колхоз имеет лес, сделайте навес и молотить можно круглые сутки.

На току валялось много зерна. Киров посмотрел качество обмолота, пощупал ворох пшеницы:

— Плохо, товарищи колхозники, хлеб бережете. Нехозяйственно поступаете. На ваших глазах гибнет превосходное зерно, вы его втаптываете в землю. Вы становитесь зажиточными, имеете много хлеба, но при такой работе можете растерять его.

До сих пор стыдно, как вспомним про бричку. На той бричке привезли пшеницу к молотилке, свалили пшеницу, а бричку так и оставили вверх колесами.

— Что же, — спросил Киров, — сил не хватает бричку поднять? Смотрите, под ней и вокруг нее сколько зерна валяется...

Соревнуясь на право рапорта Кирову, колхоз досрочно выполнил план хлебопоставок и продал государству две тысячи пятьсот центнеров хлеба.

Г. Параскун

СИЛА ЕГО СЛОВ

В последние четыре года Киров каждую осень приезжал в наш колхоз. Останавливался он со своими товарищами всегда в избе у Монахова. Выглядел он настоящим охотником: коренастый, в болотных сапогах выше колена, в зеленом ватнике, с двухстволкой за плечом, опоясан патронташем. Ружье у Мироныча было бескурковое, двухстволка, двенадцатого калибра. Редкая утка уходила из-под его выстрела.

У нас был заведен такой порядок: кто меньше всех принесет дичи, тому «дневалить», то есть чистить ружья. Миронычу, хотя и стрелял он с левого плеча, ни разу не приходилось «дневалить».

Держался он всегда запросто. Скажет спокойненько, слово прямо в душу ложится. Его у нас все очень любили, ухаживали за ним.

Как-то случилась неприятность. Мироныч стоял в душегубке, когда мы под'езжали к берегу. От удара о берег душегубка перевернулась, и он очутился в воде. Мы мигом пристали к берегу, развели костер, притащили шубу.

«Только бы Мироныч не простыл...»

Довелось нам вместе с Кировым и порыбачить. Как-то мы сделали новый бредень. Сергей Миронович увидел бредень и говорит:

— Давайте попробуем его!

Выехали в лодке на озеро.

Улов удался хороший.

— Попало на крепкую уху, — смеялся Сергей Миронович.

На острове все вместе чистили рыбу, варили уху. Мироныч взял первую рыбину, щуку, вычистил ее, вымыл и положил в чугун. Хороша вышла на этот раз уха! Ели ее тут же, на зеленой лужайке. Мироныч даже тогда сказал:

— Никогда такой вкусной ухи едать не приходилось.

Долго потом он шутил:

— С'ездили бы еще несколько раз на озеро, из нас вышли бы заправские рыбаки.

Любил он поиграть с жившим у нас в то время малышом-племянником Васей. Васютка наденет шубу, вывороченную мехом вверх, и бегает за «дядями».

Мироныч и его товарищи, делая вид, что боятся, убегали от него:

— Ах, с'ест!

А Вася, довольный, заливался смехом. У Сергея Мироновича всегда были приготовлены для него гостинцы — конфеты.

Когда Мироныч приехал в Горки первый раз, у нас колхоза еще не было. Часто расспрашивал он у меня, почему у нас нет колхоза. Он говорил очень просто и убедительно, умел рассеять всякие сомнения. И уже в следующий приезд мы его порадовали доброй вестью: в деревне Горки организован колхоз имени Максима Горького.

Мироныч указал на наши непорядки в колхозе. Он дал совет построить мост через речку, замостить улицу камнем, выстроить баню. Мы дали слово выполнить и уже выполнили его советы.

Федор Монахов, Михаил Рогов

Шел старик Евграф по дороге в соседнюю деревушку, работенку там надо было кое-какую справить. Лошаденки своей не было, и он решил итти пешком. Идет себе старик не спеша, попыхивая самосадным табачком в газетной бумаге. Несет с собой какие-то кузнечные инструменты. А до деревни Райково еще далековато.

Оглянулся Евграф и видит, что его нагоняет автомобиль. Машина вдруг останавливается, и оттуда вылезают два человека. Робко приближается старик к машине, его встречает ласковый открытый взгляд человека в защитной рубахе.

— Куда, дедка, бредешь?

— В Райково.

— А где это, далеко?

— Вот по этой дороге версты три осталось.

— Садись, подвезу: и ноги целы будут и времени потратишь меньше.

— Спасибо, я сам как-нибудь дотянусь.

— Ну, чего ты, садись, тесно не будет.

Уселся Евграф, слушает вопросы спутника.

А спутник разговорчивый, все спрашивает:

— Как, — говорит, — в вашем колхозе, хорошо живется? А сам, дедка, ты в колхозе?

— Нет, — отвечает Евграф.

— А почему не хочешь в колхозе жить?

До того старику понравился спутник, что не вытерпел и рассказал ему, как соседу, все подробно.

— Я стар, на седьмой десяток мне повернуло. Сколько заработаю — все мое. Нам с женой и так хватит, проживем как-нибудь.

Улыбается спутник:

— Прав ты, дедка, и неправ. Верно, трудно к новым формам привыкать на старости лет. А надо бы, и вот почему.

И стал рассказывать. Выкладывать, как на ладошке.

«Как видно, умный ты мужик», — подумал Евграф.

И у самого мелькнула мысль:

«Не посоветоваться ли со старухой насчет колхоза-то?»

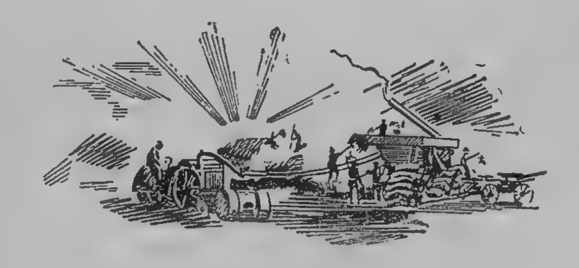
Вдруг попутчик спохватился и спрашивает:

— Ну, где же Райково?

Осмотрелся Евграф. Видит, проехали Райково. Повернули машину обратно. Сказал он «спасибо» незнакомому три раза, а машина покатила дальше.

И только вечером, когда пошел старик в сельсовет и увидел там портрет Сергея Мироновича, узнал он, с кем в машине ехал.

Н. Бебешина

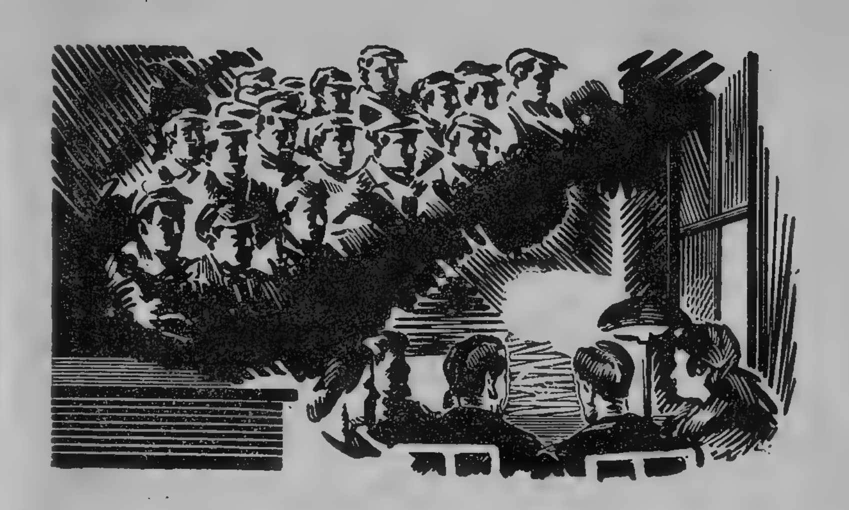

IX

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

«Мы должны правильно расставить людей, размежевать работу между ними, чтобы каждый знал, за что он отвечает, и тогда дело пойдет...»

С. Киров. Из речи на пленуме Ленинградского городского комитета ВКП(б) 26 марта 1934 года.

ОН УЧИЛ НАС РАБОТАТЬ

Мы учились у Мироныча находить главное, ведущее звено и учились тому, как ухватиться за него.

Вот, скажем, происходит несколько аварий с турбиной 2-й ГЭС. Мироныч — не специалист, тем не менее сам старается выяснить существо дела: успеет осмотреть машину на месте, поговорить с людьми.

Внимательно слушает рассказывающего. Как будто насквозь видит: знает человек или просто заливает. И тут же наведет руководителя на правильный и кардинальный метод лечения турбины: как, кого привлечь, с каким специалистом поговорить...

Когда он сталкивался с ведомственной волокитой, с пренебрежением к нуждам рабочих, а тем более с бюрократическими оправданиями, то в нем раскрывался непримиримый боец, сурово сверкали глаза, звучал твердый, полный искреннего негодования голос:

— Надо же дойти до этого! — скажет он. — И многие очень долго помнят эти, казалось бы, простые и обычные слова.

Отговорками «вообще» у Мироныча не отделаешься. За что бы ни взялся, он всегда доводил дело до конца.

Днем и ночью он разыщет и призовет к себе секретаря парткома, директора завода, мастера, инженера, расспросит, разузнает.

Уж все знали, если Мироныч спрашивает: «А выйдет?, — то сумей ответить со знанием дела, сумей рассказать, как ты это дело выполнишь.

Мироныч с уважением относился к излагаемому ему плану работ. Но если товарищ принял неправильное решение и настаивает на нем, то Мироныч скажет:

— Надо же понять, чорт тебя возьми...

И при этом умел поднимать на принципиальную высоту, казалось бы, частные вопросы.

В каждом, кто с ним говорил, он возбуждал чувство уверенности, воодушевление, хотя казалось, что он только выслушал и сделал несколько хороших замечаний. Но как радостно и бодро после этого работалось!

Г. Пылаев

Он умел и ободрить и вовремя пожурить, но притом так, что ни у кого из нас и осадка обиды не оставалось. Наоборот, когда уходил от Кирова, всегда появлялось большое желание выполнить поставленную задачу.

Б. Стрельцов

Он так за твоей речью и следил. И сразу же по глазам можно было определить, согласен он с тобой или нет. Если он в угол смотрит, значит, ему не нравится что-то, значит, обдумывает он что-то, и ты уже знай, что, вероятно, ты не то говорил, что надо. Но в нем была замечательная черта — он не прерывал тебя, давал высказаться до конца. Киров всех выслушивал очень внимательно, хотя и регламентировал выступления.

М. Хаджи-Касумов

Не чувствовалось в этом человеке ни тени властности, не чувствовалось в этом человеке ни тени превосходства. Не было в нем никакой напускной внешней важности. Нет таких слов, чтобы показать всю его лучезарную теплоту, товарищеское отношение и простоту в обращении и речи.

П. Данилов

ЧТО ОН ЦЕНИЛ В ЛЮДЯХ!

Больше всего он ценил в работнике огонь партийной страсти, большевистскую напористость и ненавидел расхлябанность, обломовщину, инертность. Если он видел, что человек хочет честно работать, бороться за партийную линию, он говорил:

— Помогите этому товарищу, присмотрите за ним, это как будто бы настоящий большевик. Если учебы не хватает, можно поучить. Учеба — дело наживное.

Он знал сотни низовых работников на заводах. Когда обсуждались кандидатуры путиловцев, представляемых к награде за победы в тракторостроении, Киров по памяти перебирал и давал характеристики десяткам людей, не только руководителям цехов, но и рядовым рабочим.

На трикотажной фабрике «Красное знамя» весь фабричный треугольник — женщины. Киров всегда помнил об этой фабрике и оказывал ей всяческое содействие. В последний раз, когда он приехал в Москву на пленум Центрального комитета, от него крепко досталось профсоюзным работникам и работникам Наркомата легкой промышленности за то, что мало внимания уделяется «Красному знамени».

— Женщины там, — убеждал он. — Помогать им надо.

Часто он звонил прямо на фабрику:

— Как дела? Чего зазнаетесь, не заходите?

Если кто-нибудь из ленинградских работников, посланных на работу, не оправдывал доверия, Ми-

роныч принимал это близко к сердцу. Когда была проведена мобилизация двадцати пяти тысяч рабочих в деревню, один из посланных ленинградской организацией в Центрально-Черноземную область был там исключен из партии. Киров отнесся к этому, как к большому и неприятному событию.

Мы не могли понять, почему он уделял этой истории столько внимания. Что удивительного в том, что из тысячи один проштрафился?

Киров же говорил:

— Это пятно на всей нашей организации. Это свидетельствует о том, что мы подходим к людям недостаточно внимательно. В каждом из тысячи людей, которых мы послали, мы должны быть уверены, как в самих себе.

Сотни рабочих посылали ему письма. Он немедленно давал им ход и обязательно проверял, что по ним сделано.

Другой раз забудешь выполнить его поручение, а потом вспомнишь: «Батюшки мои, ведь Киров же позвонит и спросит! Что ему сказать?»

Один товарищ написал Кирову, что он командирован в провинцию, а его семье не помогают, не уделяют ей достаточного внимания. Киров пишет: «Товарищ Алексеев, проверь и позвони». Он не удовлетворился общей проверкой, а заставил с'ездить на квартиру к семье товарища. Только тогда, когда все было сделано, Киров успокоился.

Не любил он, когда ему говорили неправду. Про одного видного директора завода он говорил:

— Он способен сказать неправду, ты возьми его под сомнение.

Киров нещадно бичевал бюрократическое, кабинетное руководство.

— Не сидите в кабинетах, — говорил он, — побольше времени проводите на заводах. Пусть вас не смущает то, что в приемной много народа. Как, мол, можно уйти? Ничего не случится. Заводам ждать нельзя.

И. Алексеев, В. Соболев, П. Смородин

Киров выдвинул меня на хозяйственную работу и помог мне учиться не оставляя работы.

Он говорил:

— Не бойся трудностей, перетерпи. Нам нужны грамотные большевики.

Он бывал всегда сильно занят, но не было случая, чтобы он не принял меня. Иногда он сам вызывал меня к себе, нередко я и сам напрашивался. Он подробно расспрашивал, как идут дела на заводе, есть ли какие-либо затруднения, чем нужно помочь. Я уходил от него всегда полный вдохновения и энтузиазма.

Больше всего он интересовался положением рабочих, расспрашивал, как питаются, как живут, какова заработная плата. Если этот участок хромал, он делал серьезные, а нередко и сердитые замечания. Видно было по всему, что забота о положении рабочих у него всегда на первом плане.

Несколько лет тому назад он приехал на завод «Светлана». Обошел все цеха вместе с товарищем Куйбышевым.

Когда мы были в усилительном, наиболее передовом цеху, он сказал:

— Вот путь, по которому вам нужно вести весь завод. Здесь чувствуется культура, организация. Здесь чувствуется рабочий-хозяин, его сознательное отношение к делу.

Тогда мы начали все цеха равнять по передовым, образцовым, культурным цехам.

Зашел однажды Киров в помещение нашего парткома. Комнаты были в новом здании, очень чистые и уютные. После этого Сергей Миронович многим говорил:

— Пойдите на «Светлану», в партком. Поучитесь чистоте и опрятности. И это помогает работе.

Когда мой доклад о техпромфинплане обсуждался на бюро обкома, он впервые высказал историческую мысль о том, что техпромфинплан — это кусок социализма.

Очень четко в своей речи он подчеркнул:

— Усиливая, как на «Светлане», партийную работу, мы создаем тем самым настоящую базу для всей производственно-технической работы.

По указаниям Кирова я привык крепко увязывать хозяйственную работу с партийной. Чем крепче партийная и комсомольская организация, тем легче проводить хозяйственные мероприятия.

Когда я приехал из-за границы, то сразу вместе с секретарем парткома пошел к Кирову. Беседа наша продолжалась около часа. Сергей Миронович очень интересовался техническими достижениями Америки, живо расспрашивал, в чем мы отстали. Спросил о том, как там живут рабочие, какова там культура, и сравнивал с тем, что делается у нас.

Так сама собой намечалась программа дальнейшей работы завода «Красная заря», директором которого я тогда был назначен.

— Скоро догоним мы их? Здорово отстали? — спросил он меня.

— Здорово, — признаюсь я.

— Руки опустил? — снова спрашивает Сергей Миронович и усмехается.

— Не только не опустил, но хочу в будущем году все реализовать, что видел за границей.

— Вот это здорово!

Я рассказал, что для этого нужно.

— Пустяки, мелочи. Приедет Орджоникидзе из отпуска, поговорим с ним, все будет. Давай, догоняй!

Мы ушли от него особенно воодушевленные.

М. Ясвойн

На областном партийном совещании я делал доклад о работе Пекалевской районной партийной организации, где в 1931 году я работал секретарем райкома. У нас были большие задания по лесоэкспорту и на нужды оборонного порядка. А у меня показатели неблестящие.

И вот в разгар прений приходит Сергей Миронович. Слышит, что о лесозаготовках разговаривают. Садится он на свободный стул рядом со мной и говорит:

— Товарищ секретарь, ты получил нашу директиву от 6 февраля, где мы рекомендуем по лесозаготовкам перейти немедленно на конвейерную систему?

А конвейерная система состояла в том, что один подрубает сучки, другой пилит и т. д.

— Как у тебя дела обстоят?

— Перешли, но не полностью, — сказал я. — Бригады наши из крестьян, текучие, колхозников мало — всего пятнадцать процентов.

Он помолчал, потом:

— Нужно немедленно переходить полностью па конвейер, от этого зависит весь успех.

Сидит, слушает ораторов, потом опять поворачивается ко мне:

— Товарищ Коровин, ты секретарь райкома, а знаешь ли ты, когда будет пасха?

Мне показалось, что он шутит:

— Не знаю, кажется, через три-четыре недели, — говорю.

— Ты секретарь райкома, а не знаешь, когда пасха? Плохо, а ведь крестьяне-то о ней хорошо знают и здорово готовятся. А ты, если не знаешь, попадешь врасплох.

Тут-то я сообразил, в чем дело. Пасха! Ведь это значит, что рабочая неделя из строя выходит. Крестьяне, несмотря на посевную кампанию и лесозаготовки, устроят гулянки. Эти дни к тому же почти не обходятся без драки и даже убийств. Выходит, что вопрос этот был чрезвычайно серьезный и имел политическое значение.

Приехав на место, я сразу взялся наверстывать упущенное.

Нас в то время, секретарей районных партийных организаций, было восемьдесят семь, то есть было восемьдесят семь районов. Киров всех секретарей

знал в лицо. И не было такого случая, чтобы Сергей Миронович прошел мимо секретаря райкома. Увидев его в коридорах Смольного, обязательно остановится.

— Ну, как дела?

А мы, бывало, начинаем рыться в портфеле.

— Вот сейчас скажу, какие цифры.

Не любил он этого. И всегда учил:

— Ты секретарь, если тебя ночью разбудят, ты должен сразу ответить, что работа по лесозаготовкам у тебя идет так-то, по мясозаготовкам так-то и по хлебозаготовкам так-то.

П. Коровин

Это было весной. В одном из цехов нашего завода испытывались изделия из новой марки стали, заменяющей импортную сталь.

Я был техническим руководителем этой работы.

На испытания приехал Сергей Миронович. Он детально осматривал изделия, расспрашивал окружающих об их качестве. Осмотрев все материалы, он сказал:

— Вот это очень хорошо. А кто это сделал?

Кто-то из присутствующих указал на меня. Сергей Миронович подошел ко мне, крепко пожал руку и начал расспрашивать.

Через несколько минут мне казалось, что мы уже очень давно знакомы. Разговор был непринужденный. Я подробно рассказал о работе, и Сергей Миронович от души смеялся над некоторыми комическими эпизодами. Расстались мы, как старые друзья. Сергей Миронович просил ему звонить и

сообщать о ходе дальнейших работ. С тех пор мы довольно часто встречались.

Я как-то поблагодарил его за его исключительную обо мне заботу. Он смутился и оборвал меня:

— Ну-ну... Чего там?.. Вы работаете, а меня благодарите. Не за что.

Больше всего поражал в нем разносторонний, глубокий интерес к людям. Вот помню, как однажды зимой приехал я в Смольный. Сергей Миронович встретил своей обычной теплой улыбкой и сразу же показал огромные зеленые огурцы, лежавшие на письменном столе.

— Хорошие огурцы? — спросил он.

Оказалось, что он только что вернулся из Хибиногорска, где нашел энтузиаста-мичуринца, умудрившегося зимой выращивать огурцы в полярной столице. И не только нашел, но и нашел время помогать ему, интересоваться дальнейшей работой.

Однажды поехали мы с Сергеем Мироновичем на большой ленинградский завод, где производили испытание ответственной детали. Деталь эта была сильно погнута, и ее никак не могли выправить. Собственно говоря, деталь была плоха, и ее попросту следовало выбросить, но заводские инженеры все еще старались доказать, что конструкция хороша и выпрямить ее можно без особого труда.

Сергею Мироновичу не понравилось это, он посмотрел на меня, прищурив глаза, и тихо спросил:

— Что вы думаете об этой детали?

Я подумал минуту и сердито ответил:

— Я думаю, что ее надо перевернуть и давить с другой стороны. Если лопнет, тем лучше.

Киров улыбнулся своей доброй, ласковой улыбкой, которую так хорошо знали ленинградские большевики.

— Я только что подумал об этом же самом.

Однажды вызвал меня Сергей Миронович на один завод, где не ладилось новое производство. Пришли в цех. Познакомились с мастером, начальником цеха и отдельными рабочими.

Я указал начальнику цеха и мастеру на ряд неполадок, которые легко могли быть устранены. Мастер не согласился со мной и долго спорил.

— Выгнать его надо, — произнес Сергей Миронович, когда мы вышли из цеха.

Я взглянул на него и не узнал. Лицо нахмурено. Губы сжаты.

— Вы слышали, как он разговаривает? Разве так говорят с людьми, которые приходят на помощь?

Киров заметил то, что я, к стыду своему, не заметил. Он своим тонким чутьем почувствовал враждебность и консервативное отношение к новому делу со стороны мастера.

С. Баранов

Недавно Совнарком наградил путиловского инженера Баранова орденом Ленина за работу по качественным сталям. На заседании присутствовал товарищ Сталин.

— Кто вам помогал? — спросил Иосиф Виссарионович.

— Больше всех и лучше всех помогал мне товарищ Киров, — ответил Баранов.

И. Алексеев, В. Соболев, П. Смородин

В ТЯЖЕЛЫЕ МИНУТЫ

Приходил я к нему, когда были тяжелые моменты. Иной раз так тебе начистят кости, что ты чувствуешь себя разбитым. Позвонишь ему:

— Есть минутка?

— Зачем?

— По личному делу.

— Приходи, приходи.

И вот начнешь выкладывать свои трудности... А он говорит:

— Брось, только работай хорошо.

У него к каждому был свой подход. Когда приходишь, то он как будто чувствует, с чем ты к нему пришел. Обычно начинался разговор так:

— Ну, борода (он меня так звал за мою длинную бороду), как дела?

Пришел сказать, что не могу больше работать, а как с ним поговоришь, все как-то отойдет в сторону и уже отказываешься от своих решений.

Торфяное дело у нас в Ленинграде было новое. Ошибок, конечно, много делали.

Сергей Миронович это понимал, умел там, где надо, договориться, умел доказать, что торфяное дело новое и довольно трудное, а нам говорил: «Учитесь работать, работать и добывать торф».

Он никогда не удовлетворялся сообщением одного человека. Один человек всего знать не может.

— Позови того, кто у тебя эту часть работы непосредственно выполняет.

Если он знал человека, он доверял ему. Как он знал людей! Не по анкете, не по справке учраспре-

да, а по-кировски. Он знал каждого человека, со всеми его достоинствами и недостатками. Он знал и его особенности и в каких конкретных условиях мог этот человек работать наилучше.

М. Федоров

Когда я пришел к нему, он уже знал мое дело. Меня и несколько других работников района исключили из партии за то, что мы дали неправильную сводку о ходе весеннего сева. Решение было уже утверждено облКК. И решил я пойти с Кировым поговорить. Это было в 1931 году.

Вхожу в кабинет. Он поздоровался, встав со стула. Я и говорю:

— Дела очень скверны. Мы допустили ошибку. Но наказание слишком суровое. Невозможно пережить это.

Похлопал он меня по плечу и говорит:

— Видишь, товарищ Соколов, хотя вы это совершили и не со злым умыслом, а впали в ошибку, партия должна наказать вас. Ведь вы руководители района! Но всякая ошибка исправима хорошими делами. В уныние не впадайте, а докажите свое желание работать с партией на производстве.

А я говорю:

— Мы политически сейчас расстреляны.

— Нет, так мыслить нельзя, — отвечает он нам. — Вы должны понимать одно правило: что партия воспитывает людей, что она умеет людей поощрять и наказывать.

Его слова так ободрили меня, что я как будто переродился.

Он понимал горе и радость каждого отдельного человека.

Посреди разговора он вдруг спросил:

— Как у вас с деньгами?

— Деньги есть, но, конечно, маловато. Билеты дорого стоили.

Он вызвал секретаря:

— Выдайте им денежное пособие по пятьдесят рублей.

И опять, перед тем как я уходил, он сказал:

— Помните, что вы должны пойти обратно на производство, снова завоевать доверие партии и стать в ряды нашей партии.

— Это законное требование, — сказал я. — Спасибо, что вы верите еще в нас.

Распрощались с ним за руку.

— Будем еще видеться и встречаться, — сказал он на прощанье. — Желаю вам всего хорошего. До свидания!

Восстановили меня в партии на заводе имени Казицкого в 1932 году.

Н. Соколов

Если кто-нибудь набедокурит, он бил остро. В то же время помогал.

Если вы к нему приходили, когда у вас что-либо не клеилось, он всегда говорил:

— Ну, давай вместе подумаем.

Приходишь к нему по официальному вопросу, доклад делать. Приготовишься начать, а он, вместо того чтобы слушать:

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего, — говоришь.

Он курил махорку:

— Кури, ей богу, лучше самого лучшего табака. Ну, что у тебя? Ты только с интересного начинай; что интересного ты заметил, вот с этого начинай. Погоди, погоди, ты и фамилии называй.

И была у него привычка все записывать.

Еще когда я работал в Баку, был там у нас один инженер беспартийный. Заболел он очень тяжело. Надо было его лечить. Тогда я написал Кирову письмо. Другому я, может быть, и не написал бы. А тут пишу:

«Вот едет в Ленинград такой-то, помоги ему попасть к лучшему профессору».

И что же? Он, оказывается, тут же лично позвонил профессору Федорову и устроил этого инженера в лучшую больницу.

М. Хаджи-Касумов

«УЧИТЬСЯ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО».

На собрание в Детском селе, посвященное десятилетию выпуска пропагандистов, приехал товарищ Киров. В президиуме я оказался старше всех. И вот он ко мне обращается:

— Ну, старина, а на тебя какое впечатление учеба произвела?

— Я прошел три революции, — отвечаю, — а теоретически не был подкован. Курсы мне большую пользу принесли, да и другим ребятам тоже, но все-таки наши парни от методики прятались.

— Это скверно, — говорит он. — Ведь понял же ты, что даже три революции пройти — это мало, мало и той теоретической зарядки, что ты здесь получил. Главное — это продолжать работать над собой и дальше.

За обедом публика совсем затеребила его. Кто говорит: Кирыч, ответь мне на такой-то вопрос, другой: «Ты, Мироныч, мне еще не ответил», а третий: «Сергей, сюда отвечай». Тут и шутки и серьезные разговоры были. Он ел и одновременно отвечал. Его все время дергали за рубашку и кричали: «Я же тебе задал вопрос, а ты не ответил еще!»

П. Кочергин

На XV с'езд партии мы с Кировым в одном вагоне ехали. Он очень хорошо с нами, делегатами, беседовал. По приезде в Москву он еще раз потолковал с нами, как будем жить, как питаться, какой порядок работы на с'езде, когда нужно выступать.

В один из перерывов на с'езде он подошел ко мне:

— Ты железнодорожник, расскажи-ка, как у вас работают, как живут рабочие?

Стал расспрашивать про заработок, и про быт, и про то, сколько вагонов выпускает наш завод. И тут, к слову пришлось, сказал я, что грамота дается мне туговато. А он мне посоветовал:

— А ты напиши, отойди, положи в сторону, а потом почитай еще раз, посмотри на то, что написал. Ты почитай, попиши да примерь, да подзаметь, где

чего недостает, и расспроси потом у знающих людей. Учиться никогда не поздно.

С этого момента я и стал учиться. Сейчас учусь на курсах мастеров, а раньше окончил первую ступень политшколы.

Во время с'езда он часто приходил ко мне:

— Сходи-ка, подсобери ребят, нужно потолковать .— И скажет это так просто, как твой ближайший товарищ.

Он с нами разговаривал по-нашему, по-рабочему, и всякое его задание хотелось выполнить.

Около трех лет я работал в областной КК. Бывало, собирается у нас заседание, а Киров раньше всех зайдет посмотреть, все ли готово как следует.

Придет, у одного спросит: «Как у тебя с картошкой?» У другого: «Как у тебя с дровами?»

Хватка у него была такая: встретится с тобой и первым долгом осмотрит с головы до ног, а потом расспрашивает — куда, зачем.

Он был такой человек, который воодушевлял на всю жизнь. Наедине хорошо разговаривал, а с трибуны еще лучше. Говорил он свои речи спокойно, как дома за столом, а потом все горячее и горячее и воодушевлял всех нас так, что каждый из нас потом только повторял его слова. У меня до сих пор из головы не выходит, как он сказал:

— Полюбуйтесь-ка на наших советских ребят — грамотно живут, грамотно ходят, грамотно учатся, грамотно растут!

У меня два сына, оба коммунисты, и вот старшего, члена партии с семнадцатого года, исключили за то, что стал добиваться правды против зи-

новьевских молодцов. А Мироныч бумаги после Зиновьева разбирал и видит: член партии с 1917 года, исключен, а за что — неизвестно. Тут написал он письмо моему сыну, чтобы тот зашел к нему. Приходит сын, и сразу все выяснилось. Восстановили, конечно.

П. Коновалов.

Когда мы еще в трамвае ехали на районную женскую конференцию, то поднялись среди нас разговоры о том, кого выбирать в президиум и речь говорить. А я очень бойкая была. Меня и наметили в президиум. Вот тогда-то мне и пришлось рядом с Кировым сидеть. Это было в 1929 году.

Я выступила и стала говорить о женщине, что женщина мало участия принимает в общественной и политической жизни страны. Между прочим, я сказала, что вот и я сама неграмотная совсем.

Когда я села на место, Киров мне и говорит:

— Член партии с 1920 года! Почему же не учитесь грамоте?

Я говорю:

— Потому, что недостатки материальные, да и муж болен, да и сама нервная.

А он мне на это так укоризненно замечает:

— Не учитесь! Член партии, а не учитесь! Видите, как хорошо выступаете. Вы вот прекрасно говорили речь.

Отвечаю:

— С семнадцатого года по этому делу.

— Почему в школу не ходите? Члену партии надо быть грамотным прежде всего.

— Видите ли, товарищ Киров, я очень занята, к тому же имею большую нагрузку, общественную и партийную...

Года два тому назад вызывают меня в завком.

— Мы тебя назначаем от райкома ехать на Беломорский канал и в Хибиногорск. Завтра выедешь!

Приезжаю в Смольный, вижу: там пятеро мужчин и только я одна женщина. А тут мне кто-то еще сказал, что там очень холодно.

Побежала я к Кирову и говорю ему:

— На такую стужу не поеду, ни за что не поеду!

А он:

— Ваша фамилия Ломаченкова? Помните, вы выступали хорошо на конференции, а теперь чего же побоялись? Вы ведь член партии?

Я говорю:

— Да!

Он мне:

— Нельзя отказываться, ведь тебе завод честь оказывает. Надо ехать. Надо рудники посмотреть, новые фабрики, посмотреть, какой канал мы выстроили. Да ты, — говорит, — выучилась грамоте? Помнишь, обещала мне на конференции?

— Нет, — говорю, — до сих пор не научилась, не пришлось, все времени не хватает.

— Нехорошо, нехорошо. Ты и меня обманула. Как приедешь, иди учиться.

— Нет, — говорю, — не поеду все равно.

Он стал меня уговаривать.

— Поезжай.

А я все:

— Нет, не поеду, не во что одеваться и холодно там, говорят.

— Да что ты? Не бойся,—говорит,—надень что есть потеплее и поезжай. Совсем там не так страшно. Будешь очень довольна, потом еще благодарить придешь.

— Ну, ладно, — говорю, — так убаюкиваешь, поеду. Но если плохо будет, потом уж больше никогда и никуда не пошлете.

Уж перед самым от'ездом сказал он нам всем:

— Как приедете, приходите ко мне, расскажите ваши впечатления.

И действительно, очень понравилось мне на Беломорстрое.

К нему после приезда не пришлось попасть. Но недели через две после моего приезда решила пойти я в Смольный по личному делу: сына моего арестовали. Только вхожу я к Кирову, а он уже встречает меня замечанием:

— Давно, давно пора зайти. Ведь я просил: как приедете, так и приходите с докладом.

А я ему на это:

— У меня горе с сынишкой.

Стала рассказывать о сыне. Говорила, что уделяла ему мало внимания. Попал он под влияние нехороших товарищей, не учился, убегал из школы. А теперь, говорю, сын отбывает принудительные работы. Квалификации не имеет, здоровье слабое, останется ли он жив! Я заплакала, а Киров обнял меня за плечи и говорит:

— Не плачь, все это поправимо.

И написал записку.

— Записку дам, — говорит, — положи в письмо сыну и пошли ему для передачи начальству лагерей.

Месяца через два сын написал, что лечат его там и учат на шофера.

В разговоре с Кировым я обмолвилась, что стихи сочиняю.

Он тут же заставил меня их прочесть.

— Вот видишь, — говорит, — и стихи ты хорошо складываешь, хотя совсем неграмотная. А что было бы, если бы ты грамоте выучилась? Учись, учись, я тебе говорю.

И с тех пор учусь я.

У. Ломаченкова

Он мне казался таким же простым, как и обыкновенный рабочий, но только самым умным и сознательным.

Мне всегда хотелось подойти и заговорить с ним.

За шесть лет депутатской работы в Ленинградском совете я много раз слышала его горячие, захватывающие речи.

И вот однажды он сам подошел ко мне и спросил, как я живу, где работаю, кто мой муж, есть ли дети, сколько зарабатываю. И когда я рассказала ему, что муж мой тяжело болен, он сумел так ободрить, так поднять мое настроение, что житейские неудачи и огорчения куда-то отступили на задний план.

Смерть мужа так подействовала на меня, что я надолго слегла в нервную больницу. И вот, когда я

опять пришла на президиум Ленсовета, Сергей Миронович подошел ко мне:

— Ты, говорят, больна была, товарищ Баландина?

Я сказала, что муж умер.

— Ты молодая, жить надо, работать надо; а если тяжело будет, приходи ко мне, — сказал он.

Эти теплые слова, услышанные в тяжелую минуту, я буду помнить всю жизнь...

Как-то раз я рассказала ему, что по постановлению партийного комитета меня направили в столовую «Скорохода» помощником директора.

— Это для тебя не совсем подходит, — сказал он. — Ты можешь самостоятельно управлять отдельным участком. Зайди ко мне, я пошлю тебя на хорошее дело!

Я стала отказываться. Мне не хотелось признаться прямо, в чем дело, и я стала придумывать всякие мотивы: говорила, что, мол, дети у меня, на плохое здоровье ссылалась. А он — свое. Тогда я не выдержала и призналась:

— Сергей Миронович, я ведь малограмотная.

— Ну, товарищ Баландина, это дело наживное. Пока работай там, но начни учиться во что бы то ни стало. Опыт и практика у тебя есть, а теорией овладеть мы тебе поможем.

Н. Баландина

Работница скотного двора, я мало что видела в своей жизни. И когда меня в Ленинграде в Александринском театре выбрали в президиум торжественного заседания, посвященного женскому дню, я

не помню, как заняла свое место на сцене. Рядом сидевший мужчина приветливо мне улыбнулся.

Одна работница шепнула мне: «Это товарищ Киров». Я оробела еще сильнее. А он, как видно, чтобы ободрить меня, повернулся в мою сторону и вполголоса спросил, кто я, где я работаю, какая у меня семья, где учится мой сын, сколько я получаю зарплаты, сколько в совхозе скота, как мы обслуживаем совхозный скот.

Сказала я ему, что в 1922 году мы не имели подойников, а теперь у нас из дохода построена сыроварня, и я на́училась варить сыр бакштейн. Я его чувствовала таким близким, что готова была говорить с ним без конца.

Мироныч спросил меня, как у нас работа среди женщин поставлена.

— Ведь женщине, — сказал он, — нужно много учиться и на деле доказать, что она может удержать равноправие с мужчиной, которое получила в октябре 1917 года. Ваша задача, — продолжал он, — научиться управлять государством и не только самим участвовать в управлении государством, но и воспитывать новое поколение.

И он говорил, что никто не испытывает столько невзгод, как женщина-мать, воспитывающая ребенка. Сколько она проводит бессонных ночей, сколько она прольет слез. Так кто же имеет больше права, чем она, требовать хорошего, здорового воспитания детей. А для этого нужно учиться, побольше создавать детских учреждений и детей воспитывать в коммунистическом духе.

С. Комарова

ОБОДРЯЛ, ВЫСЛУШИВАЛ, ПОМОГАЛ

Женотдел горкома партии поручил мне сделать доклад от делегации женщин Ленинграда в Мариинском театре.

Это было в 1934 году.

В президиуме был Сергей Миронович.

Я не привыкла к большим докладам, да еще не на своем заводе, не в привычной обстановке. А надо было сделать обзор всей работы женщин на ленинградских предприятиях.

Стою я впереди делегации человек в тридцать, волнуюсь ужасно. А Мироныч верно заметил это. Подходит ко мне, кладет руку на плечо и говорит: «Ну, ну, не волнуйся, говори просто».

И вспомнила я тогда, как он к нам на «Светлану» приезжал вместе с товарищем Куйбышевым и председателем нашего треста.

Время тогда было позднее — девятый час. Я сидела одна в завкоме и подбирала дела. Вот комиссия входит и ко мне, а директор рекомендует:

— Это председатель завкома!

Пожал он мне руку так по-товарищески просто и спрашивает:

— Ну, как работаешь, как у тебя с организацией дома отдыха, куда и сколько отправляешь?

Я рассказала ему, как я понимаю профсоюзную работу. Он улыбнулся так тепло. Потом мы с ним в столовую пошли.

— Как у вас в столовой, всегда бывает так чистенько или только к нашему приезду вы подобрались? — смеялся он.

Вспоминая все это, смотрела я на Мироныча, на его одобрительную улыбку, ободрилась и говорила, как видно, хорошо — аплодировали мне.

В. Матвеева

Племянница Нина приехала ко мне из Луги, она комсомолка.

— Тетя, обязательно хочу работать на заводе у вас, не нравится мне работать счетоводом.

Ну, я ее сперва уговаривала, что, мол, нельзя так, нужно работать тем, на кого ты училась. Но все-таки так она меня умоляла, что я пошла в наш завком и сказала:

— Примите девчонку.

Стала она работать, а к комсомолу что-то не прикрепляется. Из Луги ей не дали документов, секретаря якобы не было. Раза два-три она вроде за откреплением в Лугу ездила, а потом вдруг пришла бумажка на завод, что Нина самовольно уехала из Луги и что комсомольский ее билет Лужский комитет комсомола отобрал от нее, когда она ездила за откреплением. Ну, разбирали это дело. А девчонка самолюбивая, плачет и на завод перестала ходить.

Исключили ее из комсомола. Поступила она работать в Госбанк. Но вижу: тает девчонка, с ума прямо сходит. Я уже со всеми партийцами на заводе советовалась — как быть? Никто ничем помочь мне не может. Конечно, молода она, тяжело ей было одной в Луге жить, она и решилась на обман — меня обманула и комсомол обманула. Но все-таки наказание я считала слишком тяжелым для нее.

Решила пойти я поговорить о ней в главный комсомол. Попала в Смольный на третий этаж. Иду это я, а навстречу мне Мироныч с каким-то товарищем.

И как будто что толкнуло тут меня, захожу я сзади и говорю:

— Товарищ Киров, можно мне поговорить с вами?

Повернулся он, поглядел на меня и говорит:

— Можно, можно!

И товарищу, с которым шел: «Подожди меня». Затем берет это он меня за руку, подводит к окну, уперся сам руками в подоконник, а я напротив встала.

— Ну, говори!

И так улыбчиво смотрит на меня. И я рассказала ему всю эту историю. Время от времени он перебивал меня и так незаметно расспросил: с какого года я член партии, где работаю, сколько лет работаю и т. д. Когда кончила я рассказывать, он говорит:

— Ну куда это годится? Ты старый член партии, тебя обманула молодая девчонка, а ты и размякла. Нам ведь нужно воспитывать молодежь. Никуда это не годится.

И строго так говорит. Опустила я глаза вниз и думаю: «За правду ты меня ругаешь, так мне и нужно, старой дуре».

Поглядела я тут на него, а у него глаза веселые такие, хотя вид-то и строгий. Долго он пробирал меня, больше всего за то, что я не сумела племянницу как следует убедить, что работать каждому человеку нужно по своей специальности.

Потом он завел разговор, как идут дела в мастерской, какие настроения у рабочих. Минут тридцать мы с ним беседовали. В конце нашей беседы я уже уселась на подоконник. И вот я ему говорю:

— Я приехала не к тебе, Мироныч, а в главный комсомол, там хочу посоветоваться, как мне быть-то с девчонкой.

— Ты работаешь сегодня? — перебил он меня.

— Да, в вечернюю смену.

— Ну, — говорит, — иди, иди теперь на работу, а то уже три часа, ты можешь опоздать. Никуда больше не ходи, иди и работай спокойно.

Я простилась и уехала. И уже по дороге взяло меня сомнение: столько времени я выбиралась в Смольный, а в результате, выходит, ничего не сделала и Кирова загрузила, а ведь он даже ничего мне не обещал сделать. Но больше всего меня мучило, зачем я его беспокоила, занимала его время таким мелким делом.

Вдруг через несколько дней Нину вызывают в Лугу и выдают ей все документы.

Не забыл, значит, Мироныч моей просьбы и поверил мне, что Нина уже искупила свою вину и может быть членом комсомола.

Т. Лаврова

Раз Удельную улицу асфальтировали. Там девчурка молодая работала. И никак она с работой справиться не могла, все у ней не ладилось что-то. А ребята стоят около и смеются. Вот тут-то к ней Киров подошел, взял из рук инструмент и показал, как работать надо.

А потом ребят стыдить стал.

— Что же вы не помогаете? Вы опыт свой должны ей передать, а не то что смеяться.

И не ругал он их, а об'яснил, втолковал им, как надо работать по-большевистски. Собрался народ, и я подошла.

Спрашиваю:

— Товарищ Киров, а где же ваша машина?

— Я, — говорит, — на трамвае приехал.

После этого долго мы с ним шли, разговаривали. Он расспрашивал: «Где живешь, да чем занимаешься?» Я говорю:

— С десяти лет работать пошла.

— Ну, — говорит, — значит пара мне по жизни. А где работаешь?

— Да вот, — отвечаю, — на «Красной заре» как выдвиженка мастером работаю.

— Это хорошо, а вот как у вас с планом в мастерской?

И долго он меня этак расспрашивал, очень долго. И обо всем, обо всем, всеми мелочами интересовался.

На областной конференции мы еще раз встретились. Мне надо было выступать, а я боялась.

— Чего же бояться? — спросил Киров.

— Да боюсь. Сама не знаю чего, а страшно.

— А ты не волнуйся и бояться здесь некого. Тут все товарищи твои. Они тебя поймут. А то ведь нехорошо получается: актив, производственники хорошие, а ораторы плохие.

Стою я и смотрю ему в глаза.

А он продолжает:

— Надо обязательно научиться говорить. В цеху побольше высказывайся или даже дома кричи во весь голос — вот и будешь хорошим оратором.

Пригласили его на завод на перевыборное собрание.

Вот около пяти часов приезжает он к нам.

— Вы, — говорит, — что так рано собрались?

— А вы, — отвечаем, — Сергей Миронович, опоздали к началу.

— Как опоздал? Почему мне неправильно время сказали?

И здорово ругал виновных.

Такое беспокойство, что вот, мол, ждут рабочие, значит, опаздывать ни в коем случае нельзя, — очень тогда это всем понравилось.

Е. Васильева

Ехала я из Смольного на пятом номере трамвая. Вдруг он вошел и со мною рядом сел.

Я спросила:

— Кажется, товарищ Киров?

Он ответил утвердительно. И спросил в свою очередь:

— Далеко ли держишь путь?

— До Литейного.

— Я тоже.

Разговорились, и я ему сказала, что уезжаю в деревню, в колхоз, на посевную кампанию, но работы не понимаю сельскохозяйственной. Он и говорит:

— Зайди ко мне, я расскажу, как нужно работать в деревне.

И на второй день пошла я к нему в Смольный. Встретил он меня очень хорошо, как будто много лет знал. Он говорил, что нужно прежде всего проверить семена, нет ли гнилых, сырых. Затем установить план, когда закончится посевная, и все сделать в срок.

— Работы, — говорит, — бояться не надо. И ошибки могут быть, ошибешься раз, два, а потом сама поймешь, как надо делать, чтобы не повторить свою ошибку. Прислушивайся к колхозникам, особенно опытным и заслуживающим внимания. Твердо руководи порученным тебе делом.

Я с новыми силами ушла от него. Он просил, чтобы написала, если будет трудно. Я не писала, но когда приезжала в Ленинград по делам, то заходила к нему и рассказывала, что дела идут довольно хорошо. Когда закончила уборочную, то заехала опять к нему и сказала, что закончила посевную и уборочную прекрасно. У меня была бумага от правления колхоза, где это отмечалось.

Он был очень доволен и сказал:

— Рабочий не должен бояться браться за какие-либо дела. Если мы за что-нибудь возьмемся, то выполним.

Ю. Иванова

В 1927 году я работал председателем Октябрьского волисполкома. У меня была загвоздка с сельхозналогом. Общие указания по взиманию этого налога не могли быть применены у нас. Тогда пришел я к товарищу Кирову. Внимательно выслушал он

меня, терпеливо, чутко и просто раз'яснил, как поступать. Затем, улыбаясь и подавая руку, спросил меня:

— Ну, черноусый, понял?

— Дело это теперь мне ясно, как на ладони, — ответил я ему.

— Заходи всегда, если чего не понимаешь, — сказал Мироныч.

И с той поры с каждым смутным, неясным для меня вопросом и за советом неизменно шел я к нему.

По наказу избирателей задумал я соорудить в Рыбацком мостки, а касса моя была вроде турецкого барабана — пустая...

«Что ж, — думаю, — пойду к Миронычу. Может быть, он поможет получить деньги на благоустройство...»

— Эх ты, горе-хозяин, — пристыдил меня Мироныч, — неужели тебе на месте не изыскать средств? Рецептов я тебе давать не буду, как достать денег, и из облисполкома тебе никто не даст. Находи у себя...

Я и нашел.

Вспомнил, что на пристани железнодорожные узлы уже несколько лет не платят причитающихся с них взносов на местные нужды.

И раздобыл я нужные мне деньги.

Особым этаким кировским энтузиазмом, стремлением побеждать все и всякие трудности неизменно заражался я от Мироныча. Кировское слово западало в душу, пробуждало собственную мысль, разжигало инициативу, воодушевляло.

А он, вот когда бы со мною ни встретился, неизменно интересовался моими делами. Он помнил все мельчайшие подробности наших прошлых разговоров. Поэтому с полуслова понимал все:

— Ну, как, черноусый, дела идут?

И очень оставался доволен, когда я отвечал:

— Хорошо... То есть неплохо... На мази, одним словом.

Н. Клюквин

— А скажите, как рабочие живут, как едят, вообще, как идет у вас это дело? — спросил он у нас.

— Что про наш завод говорить? Мы, как бобыли, — говорю я, — что дадут, то и ладно.

— То есть, как это, как бобыли? — удивляется Сергей Миронович.

А я отвечаю:

— Да так: не имеем ни кола, ни двора. Люди на больших заводах имеют большие советские хозяйства, а мы ничего не имеем.

— Разве, — говорит, — не имеете совхоза? — И сразу же к директору Калашникову:

— Почему не имеете?

Тот оправдывается:

— Отпустили двести семьдесят пять тысяч, а совхоз стоит четыреста тысяч. А раз не использовали денег, их у нас отобрали. Во второй раз достали совхоз, который стоит пятьсот тысяч рублей, у нас было только триста пятьдесят тысяч на его покупку. Опять денег не хватало, и их отобрали.

— Жаль, жаль, — говорит Киров, — что раньше не говорили мне об этом.

А я и говорю:

— Вот у некоторых рабочих маленькие индивидуальные хозяйства есть, и то помощь какая от них, никаких забот об овощах. На весь год хватает.

— Видите, — говорит, — маленькое хозяйство и то пользу приносит, а у нас не умеют этих возможностей использовать.

— Нам только деньги нужны, а совхоз есть на примете в Кингисеппе, — сказал директор.

Сергей Миронович заметил:

— Нет, туда далеко, нужно поближе, чтобы рабочие могли пойти посмотреть, а когда и помочь. Нужно здесь где-нибудь устраиваться.

Потом он начал говорить о том, что сейчас большинство наших директоров знает свои цеха и даже самые маленькие захолустные уголки в цехах, но еще очень мало директоров знает столовые и буфеты, знает, что рабочий ест. А от этого многое зависит.

И он сказал директору, что, чем больше он будет заботиться о рабочих, тем меньше ему нужно будет заботиться о выпуске станков.

Потом мы распрощались с ним.

И только за дверь, еще ее и не прикрыли, а он уже своего секретаря Свешникова вызывает:

— Ну-ка, позови ко мне Дьяконова со всеми материалами по ОРС.

Только вышли от Кирова, а Свешников уже возвращается:

— Давай дела по ОРС завода имени Свердлова.

В десять часов утра следующего дня начальник ОРС заходит и говорит:

— Ну что, нажаловались?

— Никому не нажаловались.

— Как же, — спрашивает, — ведь были у Мироныча?

Оказывается, в тот же день Киров договорился, вызвав ЛСПО, о том, чтобы включить нас в части снабжения в группу промышленности. Потом поехали в Москву по этому вопросу со всеми материалами и получили сорок тысяч оборотных средств на ОРС. И совхоз дали нам бесплатно.

Ф. Копейкин

На нашем заводе перед изобретателями в 1934 году задачу поставили — создать советскую сетевязальную машину, чтобы отказаться от дорогостоящих импортных машин.

К Октябрю мы сделали первую модель сетевязальной машины и сообщили об этом в облисполком товарищу Зернову [1], который наблюдал за нашей работой.

Убедившись, что наше изобретение имеет цену и вес, что оно чего-то стоит, Зернов доложил Сергею Мироновичу. И 21 октября к нам пришел курьер и сообщил, что Сергей Миронович просит нас приехать к нему вместе с моделью.

Пришли мы в кабинет Зернова, там разделись, вынули модель из ящика, еще раз проверили ее работу.

[1] Заместитель председателя Ленинградского облисполкома.

Вместе с товарищем Зерновым пошли к Сергею Мироновичу. Модель довольно тяжелая была. Мы несли ее вдвоем. А кабинет у Сергея Мироновича большой, длинный. Сергей Миронович, как видно, заметил, что мы несем модель с напряжением. Выскакивает он из-за стола и так ласково предлагает нам свои услуги:

— Давайте, ребята, помогу вам донести модель!

Но мы возразили: дескать, донесем сами.

— Ставьте на стол!

Мы посмотрели на стол, покрытый синим сукном.

— Нельзя, — говорим, — модель у нас масляная, измазанная.

— Ну, давайте, ребята, на следующий стол. — И отставил стулья в сторону.

И вот начал смотреть модель. Мы сразу обратили внимание на то, что смотрит он не поверхностно — хорошо, видно, в машинах разбирается. Сравнивает он нашу модель с какой-то сельскохозяйственной машиной и так грамотно технически говорит. Осмотрел он модель со всех сторон и спрашивает:

— Можно вращать за ручку?

Начинает вращать. Когда навязал достаточное количество сетки, отрезал кусок и стал рассматривать, стал пробовать сетку на крепость, подергал узлы сетки:

— А машинка вяжет хорошо!

Когда узнал, что фамилия одного из нас Карасик, то пошутил:

— Ты, следовательно, сам для себя и сети навязал.

И, обращаясь к Чудову, сказал:

— Если мы освоим эту машину, то это будет хороший щелчок по носу капиталистам.

Мы заявили ему, что машина будет готова к областному с'езду советов, как он просил.

И стал он спрашивать о работе.

— Как же вы додумались, сами или кто-либо вам помогал?

— Никто, сами додумались.

— А кто по образованию?

— Мы, — говорим, — рабочие, но учимся.

— А где вы учитесь?

— Вечерами учимся, после работы. Карасик — в техникуме, а Семенов — в Промышленной академии, но сейчас даже пришлось бросить учебу.

На это он нам сказал:

— Плохо, надо в учебе двигаться вперед.

Потом подробно расспрашивал нас, в каких условиях мы изобретали, не мешал ли нам кто-либо, и если, дескать, будет кто мешать, то заявить ему: он всегда поможет нам.

Тут же он поставил перед Зерновым вопрос о том, что нужно скорее принять для промышленного изготовления нашу машину, что он поручает Зернову за этим делом следить.

Прощаясь, он дружески пожал нам руки и пожелал успехов в работе.

Но и после нашего свидания Киров неоднократно звонил директору нашего завода имени Карла Маркса и все спрашивал, в каком состоянии изобретение и движется ли оно дальше вперед.

В. Семенов, А. Карасик

ЗОЛОТОЙ ФОНД

На октябрьской демонстрации наша делегация несла Миронычу в подарок значок «Золотого фонда» от старых производственников «Светланы». Когда мы подошли к трибуне, конный наклонился к нам и спрашивает:

— «Светлана»?

— Да.

— Идите на трибуну.

Поднимаемся, а перед нами уже все расступаются. Кирова, как видно, предупредили. И вот уж издали машет он нам рукой: дескать, сюда идите.

Подходим. Подаю я Сергею Мироновичу значок и говорю:

— Это тебе от старых производственников «Светланы», от золотого нашего фонда.

Тепло, ласково так принял нас и взял значок. Кондрашина и говорит ему:

— На завод тебя ждем.

Пожал нам руки.

— Спасибо, большое спасибо. Постараюсь у вас быть обязательно.

И. Виноградов

Однажды на закладке малых судов четвертой серии случился у нас какой-то затор. Надо мне выйти за каким-то инструментом, а я никак пробраться вперед не могу. Народу много собралось. Вдруг Киров берет меня под руку и говорит громко так:

— Посторонитесь, товарищи! Пропустите нужного нам человека.

И никогда я про это забыть не могу. Ведь всякий другой, в особенности если в старое время, не только не помог, а еще накричал бы: не толкайся, мол, обойди подальше.

И с того дня, как видно, запомнил он меня.

И не было такого случая, чтобы, бывая у нас на Балтийском, он со мной не раскланялся.

Как-то раз шел он с директором. Начал директор меня рекомендовать, а Сергей Миронович и говорит:

— Я знаю этого старичка, знаю.

И. Никитин

Зима. Выехали мы со «стрелой» из Москвы. Не успели от'ехать километра, как перестали в машине дуть краны. Я замедлил ход, помощник выскочил и на ходу начал исправлять повреждение. Так километра три и тащились мы черепашьим шагом.

В Калинине, только остановились, лезет кто-то к нам в будку:

— Кто машинист? — спрашивает.

А ночь, метелица, не разберешь, кто на подножке стоит.

— Вы кто будете? — спрашиваю.

— А я Киров, секретарь Ленинградского обкома. Еду с вами. Хочу узнать, что случилось, почему так медленно под Москвой ехали.

Об'яснил я ему, что краны подвели, что на ходу их исправляли, чтобы не останавливаться.

— А так, с неисправными, ехать нельзя было?

— Нельзя, — отвечаю.

— А что бы случилось, если бы поехали?

Ну, рассказал я, что и дышла погнуть могли и много кой-чего другого напортить.

— А ну, покажи мне эти краны.

Вошел в будку. Сел. Мы ему и давай читать лекцию о кранах да обо всем паровозе. Так до отправления и просидел с нами.

Уж на прощанье мы его спрашиваем:

— Что же вы не спите, товарищ Киров?

— Да вот ждал остановки, чтобы узнать, что случилось у вас, не нужно ли помочь вам.

А. Басалов

Злющие морозы стояли в феврале. Снег, метель. За двадцать шагов ничего впереди не видно. Вот в одну из таких ночей принял я в Бологое «стрелу» с большим опозданием.

«Ну,—думаю,—старик, вывози! Надо опоздание нагнать». И нагнал. Вовремя в Москву приехали. Стоим на вокзале.

Осматриваю я паровоз, вдруг подходит ко мне кто-то и говорит:

— Здорово, товарищ механик, как дела?

Поднял я голову, смотрю: стоит передо мной вроде Киров.

«Он или нет?» — думаю. Спросить стесняюсь. А помощник мой Миша Какурин высунулся из будки и спрашивает:

— Товарищ Киров, откуда вы взялись?

— Да я с вами ехал. Дела-то как у вас, спрашиваю?

Не нашел я сказать что другое, а только ответил:

— Дела-то ничего, мороз вот сильный.

— Да, морозец что надо! А вы молодцы, вовремя поезд привели. А я уж думал, опоздаем, — говорит он. И так просто, хорошо мы себя с ним почувствовали.

— Ну, спасибо, — говорит, — вам, что вовремя доставили. А то я на совещание тороплюсь.

— Знали бы, что вас везем, еще больше старались бы.

Улыбнулся, пожал нам руки и пошел.

Пришел я в депо и говорю начальнику:

— Сделай такое одолжение, предупреждай ты меня, когда Киров со мной едет. А то этакий срам получился: он к машине подошел, а я и не знал, что его вез.

Много раз удостоился я чести возить Сергея Мироновича, но говорить с ним больше не приходилось. Видишь, бывало, только, как идет он по перрону. Заметит — всегда улыбнется и рукой помашет.

Ф. Издебский

Проводников, обслуживающих спальные вагоны прямого сообщения, в составе «Красной стрелы» не очень много. Каждый из нас по многу раз ездил с Сергеем Мироновичем. И он знал почти всех нас по фамилии. Войдет в вагон — обязательно поздоровается, спросит о том, как живется, как в семье дела идут.

Как-то уезжали из Ленинграда, хорошая погода была, а к Москве стали под'езжать—снег, вьюга. Киров в коридоре стоял, а я мимо прохожу. Он и говорит:

— Вот так погодка! Прямо не Москва, а вторая Арктика.

Все пассажиры, которые стояли в коридоре, засмеялись.

Чаще всего Сергей Миронович в поездах работал. Зайдешь к нему в купе, чай принесешь, а он сидит и что-нибудь пишет или читает. Вставал обыкновенно рано, задолго до прибытия поезда, и опять садился за работу. А если не работал, то выходил в коридор, шутил и разговаривал с пассажирами. Двери купе у него обычно были открыты, и заходили к нему туда потолковать ленинградские работники.

В ноябре ехал он из Москвы. Позвал меня в купе и спрашивает:

— Ну, кто же из ленинградцев с нами едет? Не видели Абрама Михайловича Иванова?

Я ответил, что Иванова не видел. Назвал ему нескольких товарищей, которые были в вагоне.

Мы старались всегда так сделать, чтобы ему удобнее ехать было. Но он не любил, когда за ним особенно ухаживали. Когда ехал он в последний раз в Москву на пленум ЦК партии, наш проводник хотел ему помочь пальто надеть. Мироныч взял пальто из рук и говорит:

— Не надо, папаша. Я ведь помоложе тебя и сам оденусь!

И. Гусев

■

Я устраивал проводы сына в Красную армию. Военный комиссариат предложил провести проводы у меня на квартире. Пришел ко мне комиссар Ерохин и говорит:

— Желаешь, чтобы у тебя был товарищ Киров?

— Что вы надо мной смеетесь? — говорю я. — Он вождь, а я что?

Но к Кирову все-таки пошел. Вынимаю конверт с приглашением, подаю ему.

— Сергей Миронович, прошу вас приехать ко мне в гости на проводы сына в Красную армию.

Он сначала взглянул на меня, потом внимательно прочел и говорит:

— Знаешь, Савватеев, я перегружен, сейчас призыв, октябрьские праздники, но все-таки на несколько минут я к тебе приду.

Семья у меня состоит из восьми человек. Никто из нас не видел Сергея Мироновича.

Но мы его ждали, ну, как бы это выразиться, как отца родного ждали. Мне сейчас пятьдесят три года, но такого момента я еще не переживал.

И вдруг получаю я с курьером специальный пакет, в котором Сергей Миронович пишет мне:

«Дорогой товарищ Савватеев!

Благодарю за твое приглашение принять участие в семейных проводах твоего сына в нашу славную Рабоче-крестьянскую Красную армию.

К великому сожалению, перегруженность в работе не позволяет мне присутствовать на вашем семейном торжестве.

Крепко уверен, что воспитанный тобою сын будет примерным бойцом Красной армии и сумеет постоять за нашу родину, когда враг осмелится напасть на границы Советского союза.

С приветом

С. Киров».

На проводах, на вечере, это письмо зачитывалось.

Сын мой, назначенный в авиочасть, на этом вечере дал обязательство — к 1 мая изучить в совершенстве мотор и совершить парашютный прыжок.

Из армии он писал, что желание учиться у него велико, что он счастлив, что будет парашютистом. Он писал, что полюбил мотор и успешно осваивает технику. «Тебе, отец, — пишет он в заключение, — не придется краснеть перед Кировым. Твой сын будет примерным бойцом».

Письмо Мироныча стало для детей знаменем борьбы. Даже десятилетняя девочка и та считает, что письмо Сергея Мироновича ее ко многому обязывает.

— Я тоже должна хорошо учиться.

Брат с сестрой заключили договор, кто лучше выполнит наказ вождя.

Сын совершил уже восемнадцать прыжков с парашютом, а дочка, хотя ей только одиннадцатый год, уже перешла в пятую группу.

Н. Савватеев

На одном из военных занятий шла укладка железнодорожного полотна. Красноармеец-железнодорожник виртуозно разбивал подпиленные рельсы. Вместо шести ударов, полагающихся по норме для оценки «отлично», он, делая поразительно точные и сильные взмахи, отделял рельс в два удара. Высокий худощавый паренек работал, как совершенный автомат.

— Какой молодец! — вырвалось у Кирова. Он подошел ближе и стал внимательно следить за техникой удара, как будто стараясь познать производственный секрет.

Сергей Миронович спросил у красноармейца, кем он был по профессии до прихода в армию, и очень удивился, узнав, что тот был не железнодорожником, а резинщиком.

— Как же вы научились так метко с рельсами расправляться?

Красноармеец стал с большим увлечением рассказывать о боевой подготовке. Киров поддерживал беседу короткими вопросами. Потом он снова похвалил меткость удара. Красноармеец, смутившись от похвалы, сказал:

— У нас многие так бьют... А врагов мы бить еще метче будем.

Мироныч засмеялся своим тихим, добродушным, «свойским», как говорили потом бойцы, смехом.

М. Коханский

ДО ВСЕГО ДОХОДИЛИ РУКИ

У Сергея Мироновича до всего доходили руки.

У нас на «Красном путиловце» строился профилакторий. И вот затерли нас с материалом. Не двигается стройка. Решили ехать в Москву и выделили бригаду. Я как член секции райсовета сказал, что через голову мы прыгать не будем. Тогда поехали в Смольный. Когда я вошел в кабинет Кирова, он посмотрел на меня и говорит:

— Что скажешь?

Я отвечаю:

— Я пришел к тебе по важному вопросу, Сергей Миронович.

— А почему ты не работаешь?

— Сегодня выходной день, и вот решил использовать свой выходной на это дело.

Тогда он поздоровался за руку и говорит:

— Садись, потолкуем.

Об'ясняю:

— Володарская больница маленькая, нам нужно срочно достроить новую, но не хватает материала. Мы собирались в Москву ехать, бригада выделена, но решили сначала узнать, что ты скажешь, какие соображения у тебя будут и какая помощь.

Сергей Миронович говорит:

— Об этом беспокоиться нечего. Ездить никуда не нужно: я чем могу, тем и помогу.

И на другой же день мы получили материалы. Выстроен профилакторий и хорошо и досрочно.

А. Кожушкевич

В жакте на Новоалександровской улице, где я уже третий год работаю председателем правления, пришли в ветхость дома. А в тех домах живет много рабочих нашего завода. Нужен был неотложный капитальный ремонт. Много раз я обращался в райжилсоюз и в другие учреждения об отпуске средств на ремонт. Но все безрезультатно. Постепенно у меня накопилась целая куча отношений и заявлений, испещренных резолюциями.

И вот решил я обратиться к Кирову.

Думаю:

«Я старый рабочий. Он со мной поговорит по душам...»

Собрал я все бумаги и поехал в Смольный, к Сергею Мироновичу. И что же? Он с двух слов понял, в чем дело, и, перечеркнув все эти пустые резолюции, дал кому следует указания заняться моим делом.

На другой день я получил необходимые средства. Конец волоките был положен.

А перед уходом Мироныч сказал мне:

— У нас в аппаратах много еще шероховатостей. Иногда имеется самый настоящий бюрократизм. Ваша задача — задача всех трудящихся — любое дело, в котором чувствуешь себя правым, обязательно доводить до конца.

Только так большевики должны бороться с волокитой.

С этого приема я ушел бодрый, с поднятой головой.

Я встретился с Сергеем Мироновичем и на открытии бань на Станционной улице. Он вместе с нами радовался окончанию новой стройки, потому что знал, каким достижением является открытие новой, культурной, хорошо оборудованной бани в рабочем районе.

— Хороши ли нововведенные раздвижные шкафчики? Как удовлетворяет рабочих парная? Чего не хватает? — обо всех этих мелочах Киров подробно расспрашивал рабочих, которые были приглашены на открытие.

П. Красильников

Большая труба завода имени Радищева была расположена значительно ниже соседнего дома. Дым из трубы попадал в квартиры рабочих.

Однажды Киров выступал в театре Василеостровского района. Рабочий написал ему записку про эту трубу. Он на записку в своем выступлении не ответил. А когда был перерыв, подошел к секретарю парткома и спросил, кто это писал. Тот назвал фамилию рабочего. Киров подошел к нему и сказал:

— Напиши адрес, утром я приеду.

И действительно приехал.

Пошли к директору завода имени Радищева. Сначала тот ни в какую. Но Киров дал срок — два месяца. И сразу же стали строить новую трубу. Денег на это дали, и труба новая была готова к сроку. А эту сняли.

М. Вязанкина

Ничто не ускользало от его взгляда. Бывало, едет в район, захватит с собой. Заглянет в какой-нибудь новый дом и начинает отчитывать за недостатки: почему лестницы грязные, фонари не горят. А если начнешь оправдываться, скажет:

— Я бы тебя сюда самого переселил да посмотрел бы, как тут будешь жить!

Приехал он в только что отстроенный Дом совета, обошел все этажи, указал на неудачную электропроводку, ругал нас за плохую отделку и наконец обратил внимание на полы.

И говорит:

— Сколько же вам надо сюда полотеров будет? Армию целую. А натирать полы надо. Мы в куль-

турном веке живем. Попробуйте изобрести машину, чтобы она полы натирала. Вот хотя бы по принципу механической полировки камня.

По его указаниям была сконструирована машина. Идея оказалась блестящей. Машина эта заменяет сотни людей.

И. Алексеев, В. Соболев, П. Смородин

В столовой на Крестовском острове я заметила как-то мужчину, лицо которого мне показалось знакомым. Я была прикреплена к столовой как депутат райсовета. Но приглядеться не пришлось, официантка опрокинула поднос с тарелками.

Около кухни я опять наткнулась на этого человека, уже входившего в кухню. Тогда я попросила его удалиться, сказав, что без спецовки и без ведома администрации столовой посторонние лица на кухню не допускаются.

Улыбнувшись, он попросил спецовку. И когда ему дали, прошел в кухню. Я, наведя порядок в зале, пошла туда же. Встречаю тут заведующего столовой. Он и спрашивает меня:

— А знаешь, что за гость был у нас сейчас?

Когда я узнала, что это был Киров, меня так ошеломило, что я чуть не заплакала, оттого что мне не пришлось с ним поговорить. А Киров, оказывается, между прочим спросил:

— Кто это у тебя, что не пустила меня на кухню?

Когда заведующий об'яснил, он сказал:

— Передай ей, что она молодец, пусть и дальше так работает.

А. Васильева

ВСЕ ДЕЛА БЫЛИ ВАЖНЫЕ

Однажды мы приглашали его на партконференцию нашего завода. Нас было четверо. В кабинете народу было много, совещание было назначено. Но как только увидел он нас, привстал и говорит людям, которые лепились вокруг него.

— Отойдите на минутку, товарищи, я рабочими займусь.

Приветливо протянул нам всем руку и попросил всех садиться.

— Курите? — спросил.

— Курим, — ответили мы хором.

— Ну, так закуривайте.

Я вынул свою трубку, на заводе из-за нее и прозвище ношу «Трубка».

Киров остро так поглядел на меня при этом и улыбнулся.

Мне поручили вести с ним разговоры.

— Пришли мы, товарищ Киров, от подшефного вашего завода под'емных сооружений просить вас на нашу партийную конференцию.

— С удовольствием, — говорит он, — заеду, но, к сожалению, у меня сейчас назначено совещание, а поздно вечером уезжаю в Москву. Все-таки минут на десять постараюсь вырваться. В крайнем случае, если не приеду — позвоню.

Потом начал расспрашивать, как, мол, ваше производство двигается, хорошо ли краны строите.

— А сколько людей на заводе у вас? А как заработок? Как дома живете? У тебя, товарищ Федоров, какая семья, сколько человек?

Ведь вот прямо удивительно. Обо всем расспросил, а главное все записал. Тут мы уж так разошлись, что даже рассказали, что насилу к нему доехали — народу очень много в трамвае.

— А почему же вам машину не дали?

— Да у нас машины нет на заводе.

Когда распрощались, стали уходить, Мироныч живо вскочил так и говорит:

— Подождите, я сейчас скажу, чтобы вас отвезли.

Выходим. Только с под'езда, а к нам шофер:

— Вы, — говорит, — с завода имени Кирова? Пожалуйста, садитесь, сейчас отвезу вас.

Сели мы в машину. Только и разговоров было в автомобиле о том, как нас Киров принимал и какой он простой. Уж очень понравилась нам его постановка дела — не гордый, с улыбкой всех встречает, с улыбкой провожает. На душе так хорошо делается.

Спор тут у нас в машине начался, почему Киров интересуется так нашей жизнью. Мы потом все решили, что не из простого любопытства он нас спрашивал о наших заработках и о наших профессиях. Значит, прикидывал, нет ли больших разрывов в оплате труда, уравниловки нет ли. В общем все время спорили и разговаривали и такие радостные и на конференцию приехали. Только Сергей Миронович так и не смог попасть к нам. Позвонил и сообщил, что скоро отходит поезд, и ему нужно ехать в Москву.

С той поры, когда ходили в колоннах демонстрантов, я все стремился так в ряды стать, чтобы поближе к трибуне, услышать, как он разговаривает

с рабочими прямо с трибуны и кричит им приветствия.

Скоро случилась тут у меня неприятность. Я жил в проходной комнате. Ну, когда у нас был один жилец, то все было ничего. А вот после его смерти на шесть метров вдруг вселяют трех жильцов. А у меня семья большая, одна комната, да и та проходная. Просил, просил всех, чтобы эту маленькую комнату отдали мне, в райсовете не обратили внимания, в райкоме партии все говорили завтра, да завтра.

И решил я тогда пойти к Кирову.

Мироныч был один.

Узнал меня...

— В чем дело, рассказывай!

Я ему так быстро все рассказал, а он говорит мне:

— Живи себе спокойно, все устроится, там и будешь жить.

Ушел я и думаю: вот так да! Есть ему время заниматься такими маленькими делами. И зачем я такого большого человека беспокоил? Вдруг вызывают дней через шесть меня в райком и ругать начинают, зачем, мол, ты к Кирову ходил, мы сами все могли бы сделать.

А я говорю:

— Конечно, правильно, что товарища Кирова нечего зря беспокоить такими мелочами.

А комнату я получил. И поразило меня главным образом то, как это он умел так свое время распределить, что даже мелочами интересовался. А проще сказать, не было у него мелких дел, все были важ-

ные. Здорово это на меня повлияло, я даже стал по-другому к работе и людям относиться.

И. Федоров

Присылают мне повестку, в которой предупреждают, что я должен выехать из квартиры, так как здание принадлежит военному ведомству.

Через несколько дней — снова повестка. Я пошел к управдому. Он мне порекомендовал обратиться в заводские организации, а оттуда в райжилотдел послали.

Пошел я туда, а там говорят:

— Жилплощади сейчас нет, подождите.

А тут присылают третью повестку. И вот как-то прихожу с работы с третьей смены ночью, смотрю: стоят мои вещи в коридоре.

Много дней прошло, а я то у родных ночую, то на заводе. Вещи запечатаны. Хожу, везде добиваюсь — ничего не выходит. Тогда решил к Кирову пробраться. Правда, долго не шел, колебался — неудобно, думаю, как-то беспокоить. Но положение безвыходное создалось. И вот в один прекрасный день достал я пропуск.

— В чем дело? — встал Киров из-за стола, когда я вошел.

Я говорю, что по личным делам.

— Пожалуйста, рассказывай.

Показал я бумаги, рассказал, как и почему остался без жилплощади, куда обращался.

Берет Киров тогда трубку телефона и звонит. Потом пишет на моем заявлении: «Гражданину Тузу предоставить жилую площадь».

Иду к председателю райжилотдела Смольнинского района Кунеловскому, а он говорит:

— Ах, опять пришел? Ну, что же! Избегали всюду, нигде жилплощади нет. Придется тебе завтра зайти.

Пошел к Пичиковой — зампредседателю райсовета.

А она говорит:

— Сейчас идите в райжилбюро к Бузоянцу и возьмите у него ордер на жилплощадь.

Только это я несколько шагов сделал к двери и уже было взялся за ручку, как она ко мне:

— Товарищ Туз, о чем вы говорили там?

— Кому и где?

— А там, где вы были.

— А что вам так интересно или жарко стало?

— Жарко, — говорит. — Идите к Бузоянцу, ему еще жарче.

А. Туз

С 1929 года работала я на «Красном путиловце». Не имела комнаты, обращалась в цеховой и заводской комитеты. Измучилась я. Но везде получала отказ. И надоумил меня кто-то к товарищу Кирову пойти.

Иду это я к его кабинету, а сама думаю, как же я подойду к этому великому суровому и гордому человеку — так я рисовала его в своем воображении. Вхожу.

А он так тихо, спокойно спрашивает:

— В чем дело? И откуда приехала?

Я рассказала, что три года жила в мастерской.

— Ты не получала хлебных карточек? Что же ты кушала? Где стирала?

— Заткну дырочку в рукомойнике, да и стираю.

— До этого где ты работала, откуда попала в Ленинград, какими судьбами?

Я показала документы. Рассказала, что работала на шахте коногоном.

Киров написал записку, а потом похлопал меня по плечу.

— Вот какой ты герой, даже в шахте работала.

Комнату я получила.

Е. Мазниченко

НА ЛЕСТНИЦЕ

В 1929 году я еще училась. Заболел у меня тогда папа. Язва желудка. Взяла его скорая помощь и увезла.

Иду я по лестнице и реву в голос, а товарищ Киров догоняет меня. Мне стало совестно, хочу остановиться, не плакать, а слезы так и катятся. Знай — плачу.

Спрашивает он меня:

— Вы что плачете?

— Папа, — говорю, — заболел.

— Это такой худой, кашляет еще все? Из шестнадцатого номера, кажется?

— Да, он самый.

Подошли уже к его квартире, на четвертом этаже, а он остановился и все расспрашивает.

И после этого, как только увидит, всегда спросит:

— Как здоровье вашего отца? Лучше ему? Поправляется?

Когда узнал, что папа умер, спросил:

— Сколько ему лет?

— Сорок восемь.

— Мало, мало ваш отец пожил. Рано ему было умирать. Ну, а с кем вы теперь остались? С кем живете?

— С сестрой.

Как-то раз иду я из кооператива. В одной руке несу корзинку с продуктами, а на другой держу ребенка. Лифт, как назло, не работает. Пришлось мне подниматься по лестнице. Догоняет меня товарищ Киров и спрашивает:

— Вам ведь на пятый этаж надо?

— Да, говорю, на пятый.

— Давайте, я ребенка понесу.

Взял у меня с руки ребенка и понес. До самой квартиры донес.

А то раз иду с ребенком, а на площадке, около своей квартиры, стоит Киров и смеется, конфеты рассыпал. Ну, стали мы все трое подбирать. Подобрали, а ребенок не отдает, держит в руках. Я говорю:

— Отдай дяде Кирову!

А Борька надулся, серьезно так смотрит на него и не отдает.

Рассмеялся Киров и говорит:

— Ну, что у него, то его!

Потрепал его по щечкам и ушел.

Всегда, когда встречал маленьких детей, давал им конфеты.

Борька уже привык, как только увидит его, так и кричит:

— Дядя Кира, дай ники!

А. Петраковская

Сергей Миронович вел себя так, что совсем не выделялся среди других жильцов дома. Жилец, как жилец.

Был очень вежливый и обходительный человек. Когда придет, всегда первый поздоровается.

Уезжал из дому он очень рано, а приезжал домой почти всегда очень поздно. Мы дежурим здесь почти полные сутки, а потом по два дня отдыхаем. Так вот, дежуришь ночью, глядишь — а он с пленума или с собрания едет.

По этой же лестнице, где была квартира Кирова, жила одна старушка. Старый-старый была человек. Всегда ходила с палкой.

Другой раз пройдет она к лифту, а в это время и Мироныч тоже подходит. Я открываю старухе дверь, а она не хочет входить первой, и он тоже не хочет. Стоят и торгуются. Старуха приглашает Кирова:

— Пожалуйста, пожалуйста!

А Киров ее уговаривает:

— Входите, входите!

И всегда старуха входила первой.

Иногда бывала очередь у лифта. Подойдет Киров, встанет и ждет. Люди всегда хотели уступить ему первое место, а он всегда говорил:

— Нет, нет! Вы первые пришли, первые и садитесь, а я подожду.

Случалось, Киров не ждал лифта, а шел по лестнице.

Когда проходил, всегда здоровался первый. Приложит руку к фуражке и скажет:

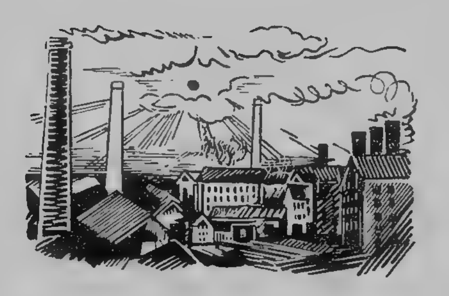
— Добрый вечер!

Или:

—Доброе утро!

Приедет другой раз из Москвы, поднимется к себе, побудет минут десять и едет скорее в Смольный.

И. Янкевич

X

ИМ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕЕ

«Ленин говорил, ...что комсомол будет настоящим, подлинным, непосредственным строителем коммунистического общества... Отсюда ВО ВСЕЙ СВОЕЙ СИЛЕ И ПОЛНОТЕ остается и та задача, которую формулировал Ленин. Эту задачу Ленина можно уложить в одно слово. Задача заключается в том, что комсомол, молодежь должна учиться. Вот если в это простое, как будто бы самое обыкновенное слово вдуматься, если понять, что хотел сказать этим словом, формулируя основные задачи комсомола, Ленин, то станет ясно, что все остальные задачи — большие и малые, сегодняшние и завтрашние, повседневные и принципиальные — все эти задачи комсомола упираются, покрываются в конечном счете одной общей задачей, задачей — учиться».

С. Киров. Из речи на торжественном заседании комсомольского актива Ленинграда 28 октября 1933 года.

ПЕРЕВЕРНИТЕ ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ

Киров любил молодежь и детей. Он видел в них большую силу, настоящее и огромное будущее. Поэтому он всегда находил время встретиться с молодежью, поговорить с ней.

В день пятилетия бакинской комсомольской организации выступал он у нас со свойственной ему простотой и задушевностью. Коротенькая его речь взволновала всех до глубины души.

— Жизнь наша, товарищи, — золотая книга. А вам, комсомольцам, молодежи, еще много осталось перевернуть золотых страниц этой замечательной книги...

С. Бродский

Великий ученый древности Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир». Такую точку опоры мы получили в учении Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, опираясь на которую, мы перевернем весь мир, — сказал в одной из своих речей Киров.

А как воспитывал Киров у нас чувство любви к товарищу Сталину! Когда он упоминал имя товарища Сталина, то говорил так, что все чувствовали величие этого титана пролетарской революции. С какой страстностью он боролся за выполнение указаний вождя! На XVII с'езде партии Киров внес предложение не принимать никакой резолюции по докладу товарища Сталина, а принять все его положения и выводы как незыблемый партийный закон.

Подчеркивая огромное значение революционной теории, Киров здорово ругал нас за пренебрежение к основам знаний. Не раз, рассказывая о своих личных наблюдениях и беседах со школьниками, он подчеркивал, что в школах ребятам забивают с первого же класса голову «борьбой классов», а писать и считать как следует не учат. Он требовал от нас, чтобы мы круто повернули внимание к пионерской организации к школе.

Он всегда предостерегал комсомольцев от фразерства, от всякого внешнего блеска и мишуры. Как-

то на собрании актива в Володарском районе выступал какой-то пустозвонный паренек. Он махал руками, декламировал. Киров, присутствовавший здесь, сразу же заинтересовался, откуда взялся такой кривляка и болтун. Узнав, что «оратор» окончил институт агитации, Киров специально занялся этим институтом.

Л. Гусев

Находясь в Москве, я узнал о том, что должен буду работать секретарем обкома комсомола. Звоню срочно Сергею Мироновичу в Ленинград.

Говорю:

— Сергей Миронович! Освободите меня от комсомольской работы. Стар я.

— Сколько тебе лет? — спрашивает Сергей Миронович.

— Двадцать восемь.

— Эх, милый мой! Если бы мне было столько лет, то я бы не на комсомольскую, а на пионерскую работу пошел.

А потом прибавил:

— Нет, ты уж поработай с молодежью.

Он, как отец, как учитель, знал, кого и когда можно послать учиться. Когда через два года работы секретарем обкома ВЛКСМ я снова пришел к нему говорить об отпуске с комсомольской работы, так как хотел учиться, он ответил мне:

— Вот теперь, пожалуй, можно, и решил ты правильно. Надо учиться.

Я просил послать меня в Промакадемию. Сергей Миронович задумался, а потом говорит:

— Я бы тебе посоветовал лучше на курсы марксизма-ленинизма итти. Но раз ты хочешь овладеть техникой, стать хозяйственником, что ж, пожалуй, иди в Промакадемию.

И он помог мне поступить в Промакадемию.

Он был враг парадности, торжественности. И когда со своих комсомольских пленумов, конференций мы делегациями приходили просить его выступить у нас, он обычно отвечал:

— Так вас, по делу, выругать бы надо. Больно уж торжественно у вас...

И все же он находил время для выступления на комсомольских конференциях, пленумах. И многие речи его останутся незабываемыми речами пламенного трибуна революции, большевика, бойца, вождя.

Г. Иванов

На конференции по политучебе в Смольном во время моего выступления в прениях вдруг раздается гром аплодисментов. Я думаю: «Наверно мне, чтобы скорее кончал». Повернулся назад, смотрю, а это Киров появился в президиуме. Все встали, я, конечно, поскорее свернулся и пошел на место. После же выступления Кирова каждый из нас прямо гореть начал. Мы клялись себе в душе, что будем работать так, как он нам говорил.

В перерыве Киров подсел к нашей делегации от Химического комбината. Тут присоединилась делегация из Смольнинского района. Начали беседовать, рассказывать. Киров спрашивал у нас, как мы живем и работаем в ФЗУ. Некоторые задавали ему вопрос, как он работает, видел ли он Сталина и как

он разговаривает со Сталиным. Киров рассказывал, что он часто говорит со Сталиным по прямому проводу.

Затем Киров говорил, как распределять свой рабочий день. Указывал, что нужно воспитывать в себе чуткость к другим людям. Нужно налечь на культуру, на культурное развитие.

Минул год. В 1934 году, в первых числах января, уже к вечеру приезжает Киров на Мясокомбинат. Утильцех только начинал работать. Утром мы заправляли аппараты. Стою это я, чищу аппарат— идет Киров. А за ним директор и все начальство комбината. И вдруг Киров подходит ко мне и говорит:

— Здорово, ударник!

Подал руку и начал расспрашивать, как идет работа, как технологический процесс. А я от удивления в себя не могу притти. Как это он меня узнал? Ведь один раз всего видел. Сел он и начал расспрашивать, что здесь делается, что там, как проходит процесс. Я об'ясняю, а они все стоят и смотрят.

Потом он спросил, как я живу, как здесь обеспечивают, учусь ли. Я сказал, что ФЗУ кончил, но сейчас приходится жить в очень населенном общежитии, учиться трудно. Он обещал помочь.

Долго после этого рабочие все расспрашивали меня, откуда меня Киров знает.

Всех особенно поразил тот факт, что он меня не забыл, сразу узнал. По всему комбинату пошли разговоры, что вот такой большой человек и не забыл. Старики особенно не унимались. Как только собрание, так и просят: «Расскажи!»

Я им рассказывал про нашу первую встречу, про его чуткость и доступность, про его отзывчивость к нуждам молодежи. Например, ребята из нашего ФЗУ написали ему письмо о том, что, когда мы стали работать на Мясокомбинате и других заводах, нас стали выселять из общежития. И дней через пять мы уже получили ответ из Смольнинского райсовета, что выселение приостановлено до тех пор, пока заводы не предоставят нам жилплощади. А вскоре после этого заводы дали нам хорошие общежития.

Б. Хейфец

НОВАЯ ЖИЗНЬ НАШЕЙ СМЕНЕ

Собрали нас, беспризорников, в трудовую колонию. Было это в 1927 году. Для беседы с нами приехал Киров.

Приход его нас сильно смутил. Когда же он, улыбаясь, сказал: «Здорово, коммунары! Знаете, зачем я пришел? Я пришел рассказать вам о новой жизни, которая принадлежит вам», — мы были поражены. Так с нами, беспризорниками, еще никто не разговаривал. А он продолжал:

— Когда-то всем трудящимся жилось плохо. Меня в тюрьму сажали за то, что я хотел вместе с вашими отцами уничтожить буржуев, за то, что под руководством Ленина хотел уничтожить царя-паразита.

Не отрываясь, слушали мы Сергея Мироновича.

— А вы знаете, кто такой был Ленин? — спросил Сергей Миронович.

— Как же! — ответили мы почти в один голос.— Нам жалко, что Ленин умер. Его знают все.

— Молодцы! — сказал Киров, потом продолжал: — Ленин учил нас новой жизни, он завещал нам, чтобы мы обратили самое серьезное внимание на воспитание вас — нашей смены.

Горячими, волнующими словами говорил он нам о пионерах, о комсомольцах, о прекрасной будущей жизни, которая принадлежит нам. Это нам-то, беспризорникам! И не верилось, и вместе с тем нельзя было не верить: уж очень по-родному звучали теплые, чуткие слова.

Для очень многих эта беседа была поворотным пунктом в жизни.

Он говорил: «Вы будете инженерами, летчиками, шоферами, музыкантами, артистами, машинистами» — и сейчас уже многие из нас стали инженерами, летчиками, машинистами и т. д. Почти все вступили в члены партии и в члены комсомола. Как будет прекрасно, когда я через пять лет крепко зажму в свои лапы диплом инженера!

В. Горбунов

Я попала в детский дом прямо с вокзала: беженцы мы были. Отца и матери не помню. Откуда родом, тоже не знаю. Возраст — и тот мне был определен доктором.

Раньше детский дом назывался приютом. Сначала мы жили на Знаменской, затем нас перевезли на Васильевский остров.

И тут об'явили, что это теперь у нас общежитие для подростков.

В доме остался только один руководитель, который даже не жил с нами, а только изредка приходил. Нам давали только кипяток, а остальное — сами приобретайте. Кто сколько заработает, тот столько и проедает. Тяжело нам было. Голодно и холодно.

И вот пятнадцать девчат пошли в Отдел народного образования. Но никто нам там не помог. Тогда нас научили: «Пойдите к товарищу Кирову». Мы его не знали. Но решили: «Пойдем».

Пошли.

В первом этаже нас остановили:

— Постойте!

— Мы идем к Кирову! — закричали мы все разом.

Позвонили туда.

Пропустили.

Поднялись мы на третий этаж. Вошли в приемную. Там оказалось много стульев. Один мужчина говорит:

— Вы здесь подождите.

Мы сели и ждем.

Кто из нас говорил:

— Выгонит!

А кто:

— Не примет! Не придет!

Вдруг входит такой веселый человек.

— Что вам, ребята?

Мы все вскочили и разом закричали, зачем и почему пришли и чего мы хотим. Все рассказали. Он нас очень внимательно слушал и потом вдруг спрашивает:

— Вы есть хотите?

Мы отвечаем:

— Хотим.

— Подождите,—говорит,—минуту.

Через несколько минут нас проводили в столовую, а он сказал нам, чтобы после обеда мы вернулись к нему.

Мы плотно пообедали. После обеда особенно много с ним говорили Нина и Шура, а в общем мы все хором говорили, что в общежитии плохо, что не хотим в таких условиях учиться. Мы рассказали даже о том, как мы ходили в детский дом воровать пальто.

— Так не нужно было делать,—сказал он нам,—надо было организованно попросить и написать заявление.

И он рассказал нам, как ему трудно было в детстве.

Он нас понимает и нам поможет, но мы должны учиться и брать пример с хороших девчат, которые хорошо работают и учатся.

Когда мы уходили, он со всеми попрощался за руку.

Через некоторое время мы получили отдельные комнаты. В одну пятидневку все это дело было сделано.

Стали нас часто от Отдела народного образования навещать, усиленно нами интересоваться. Кровати дали, постель, белье.

И, бывало, чуть что случится, мы говорили: «К Кирову пойдем».

М. Вязанкина

СРЕДИ ДЕТЕЙ

На нашем празднике в Центральном парке я стоял на трибуне сзади Кирова.

Пока раздавали премии — велосипеды, фотоаппараты и всякие другие вещи, он все время смотрел на ребят и слушал, кому какую премию дают. А потом обернулся, заметил меня и говорит:

— А ну-ка, становись передо мной — будешь за президиум.

Тут нас стали снимать.

— Давай, — говорит, — снимемся с тобой вместе.

Фотограф нас сейчас же и снял.

Потом он взял меня с собой обедать. Спросил меня, в какой школе я учусь, как учусь, а потом спрашивал: поеду ли я в лагерь, как дома время провожу, хожу ли куда-нибудь, чем интересуюсь. Я сказал, что хожу в кино, зимой — на каток. Из картин мне нравится «Абрек Заур». А потом я его спросил, как ему раньше жилось. Он и говорит:

— Приходилось по-всякому — и хорошо и плохо.

Жил он в сиротском приюте, это ведь не то что в наших детских домах. Он школу большую все-таки окончил. И был грамотный. Киров рассказал мне, когда мы гуляли, как он скрывался от полиции. Если бы он только показался, то его сразу бы схватили. Он на Северном Кавказе устраивал стачки. Руководил нефтяными промыслами в Баку. Потом он говорил, какой богатый у нас есть Кольский полуостров, там живут лопари — очень интересные и способные люди.

Он говорил·

— Вот вы живете, праздники справляете, а раньше, как выйдешь, так сразу полиция, — и раз'яснял, как мы сейчас живем и как плохо дети за границей живут. Когда мы с ним катались на лодке, так он все о школе расспрашивал. В лодке были и другие товарищи: Чудов, Угаров. Они по очереди гребли.

Коля Густов

Когда кончилась торжественная часть, мы пошли гулять. Сергей Миронович присоединился к нам. Около него собралось ребят двадцать. Там были Коля Иванов из двадцать пятой школы и еще один мальчик. Киров их обнял. Мы его обступили и ходили вместе с ним, разговаривали. Спрашивал он, как мы учимся, как закончили учебный год, как будем жить в лагерях и как бы мы там хотели жить.

У одного мальчика лет десяти из первой образцовой школы, Сергей Миронович спросил:

— Кем ты хочешь быть?

А он сказал:

— Буду профессором математики.

Сергей Миронович засмеялся: ему, как видно, это понравилось.

Многие сказали, что хотят быть летчиками.

После катания на лодках мы опять встретились с Кировым, с ним были Коля Густов, товарищи Струппе и Угаров. Сергей Миронович вместе с нами дошел до трамвая. Взрослых ребят было поменьше, маленьких больше. Они все хотели стоять рядом с Кировым, а Киров то с одним пойдет вперед, то с

другим. Тут он расспрашивал нас о пионерском досуге в школе. Мы рассказали ему, как отрядами ходим в театры и устраиваем культпоходы.

И он сказал:

— Нужно больше устраивать культпоходов в свободное время, чтобы ребята не находились на улице. Нужно не только пионеров привлекать, но и неорганизованных ребят.

Он спросил, помним ли, в какие музеи ходили. Мы сказали, что в Музей революции, Русский музей.

— Больше посещайте музеи, потому что там можно многому научиться, — сказал он.

Он даже в трамвае с нами поехал, для того чтобы провести больше времени с ребятами.

Тася Шеблыкина, Маруся Садовая

На празднике в Парке культуры и отдыха он нас сразу узнал и говорит:

— Здравствуйте, чапаевцы! Что, так же продолжаете учиться?

А ведь видел он нас один раз в Мариинском театре на пятнадцатилетии комсомола. Там наш отряд имени Чапаева рапортовал от всех пионеров Ленинграда.

Нам тогда сказали, что Киров такой плотный, в военном, невысокого роста, и волосы зачесаны назад.

Когда такой человек прошел мимо нас, то самый маленький, Толя Петров, спросил его:

— Вы будете товарищ Киров?

Он засмеялся и сказал:

— Да, малыш, я Киров, — и погладил Толю по голове.

Он с нами задержался. Спрашивал, зачем мы пришли, как учимся, много ли у нас «неудов». Мы сказали, что «неудов» у нас нет, а все больше «хорошо» и «отлично». Киров обрадовался и пошел в президиум.

Теперь мы ответили, что стали учиться еще лучше, что у нас теперь больше отличников. Он еще у нас спрашивал, как собираемся проводить лето, и советовал хорошо отдыхать и потом еще лучше учиться.

Мы так и сделали.

Миша Калинин, Ися Блазар, Вера Чжан Сисан, Вера Смирнова, Вова Завадский

Наш отряд носит его имя.

Он постоянно заботился о нас, интересовался нашими успехами.

Весной мы послали ему приглашение побывать у нас в школе на испытаниях.

«Дорогие товарищи, — ответил он нам. — Получил ваше письмо. Благодарю за приглашение на проверочные испытания. Очень жалею, что не имею времени присутствовать у вас в классе. Шлю вам горячее пожелание успешно закончить учебу. Жду от пионеров отряда завода «Металлист» перехода в следующий класс с отметками «хорошо» и «отлично».

А летом закаляйте свое здоровье в лагерях, на площадках, за городом, занимайтесь физкульту-

рой, крепите свои мускулы, свое здоровье, чтобы в будущем учебном году еще лучше учиться.

С коммунистическим приветом С. КИРОВ».

Позже, после весенних испытаний, двое — Нина Моторина и Тоня Красавцева — встретились с Сергеем Мироновичем на Елагином острове.

Он еще издали заулыбался.

Подошли, поздоровались.

— Мы из отряда, который носит ваше имя.

— Ну, как сдали испытание? Премировали у вас кого-нибудь?

Пришлось ответить, что нет среди нас премированных (премировали в тот день только вторую ступень, а мы сейчас только еще в первой).

— Жаль, жаль, что вас не премировали, — говорит Сергей Миронович, — надеюсь, что в дальнейшем вы получите знамя старых большевиков, — и тут же обещал: — Нынче осенью обязательно заеду.

Боря Либерман, Коля Кротов, Тамара Брезгунова, Тоня Красавцева, Вася Кормилицын и все ребята пионеротряда имени Кирова.

Мы собирались в лагерь, сдавали вещи. Это было 9 июня. Обратно шли пешком, обнявшись. Глядим — стоит на улице Воинова кучка людей, а впереди всех широкоплечий такой дяденька. Макинтош у него расстегнутый, форма красноармейская, только без петлиц, подмышкой портфель, свернутый напополам. Мы подошли ближе, а он спрашивает, пионеры мы или нет.

Мы сказали:

— Пионеры.

— Какого же отряда?

— Кирова.

Он улыбнулся и опять с другими заговорил.

А улицу Воинова тогда заливали асфальтом. Трамбовки гудели, ездили, рабочие камень колотили. Дорога еще теплая была — приятно было ходить по ней. Пятки прелись.

А он посмотрел на нас опять, засмеялся и говорит:

— Ну что, приятно по ровной дорожке итти?

А мы говорим:

— Хорошо итти.

И вдруг какой-то мальчишка высунулся из окна, да как закричит:

— Ма-ма! Киров идет!

Тут другие мальчишки на улице стали кричать:

— Здравствуйте, товарищ Киров!

А потом мы пришли домой, посмотрели свои пионерские памятки — там в конце его портрет. Он самый. Только сапог на портрете не видать. У него сапоги высокие с узенькими носочками.

Рассказ двух пионерок

Я занимался, когда в комнату вошел отец и сказал:

— А к вам в школу приехал Киров.

Мне было тогда тринадцать лет.

Увидел я Сергея Мироновича уже во дворе. Одет он был в военную форму. Наш секретарь партколлектива, размахивая руками, что-то рассказывал, а Сергей Миронович молча кивал головой.

Я не слышал, о чем говорил Сергей Миронович, все мое внимание в тот момент было сосредоточено на его внешности. Помню, во мне тогда появилось некоторое разочарование. «А он и не отличается ничем от других. Он такой же, как и все», — думал я, рассматривая его поцарапанные русские сапоги.

Зазевавшись, я не заметил, как все тронулись с места, и попал под ноги Сергею Мироновичу. Он остановился, и улыбка заполонила его лицо.

— Пионер? — спросил он и ласково взял меня за торчащие из-под шапки волосы.

— Нет, — ответил я. — Но я скоро комсомольцем буду.

Сергей Миронович положил мне на плечо руку и обратился к присутствующим:

— А ведь смена наша растет! Ну, ну, молодец!

А вечером в кругу своих товарищей я хвастал:

— Понимаете ли, мы долго-долго с ним разговаривали. А все стояли и ждали, когда мы кончим.

Е. Таннер

Я дядю Кирова много раз встречала и разговаривала с ним. Обо всем разговаривали. А один раз, помню, было так: я иду, и он идет. Я ему говорю:

— Здравствуйте.

И он мне отвечает:

— Здравствуйте.

А потом спрашивает:

— Ну, как ты учишься, хорошо?

Я ответила:

— Ни хорошо, ни плохо.

А он мне и говорит:

— Нужно так учиться, чтобы было хорошо.

Я теперь, конечно, учусь хорошо, только вот почерк не исправила. Добьюсь — и почерк будет хороший.

А другой раз я гуляла с Борькой — мальчишка, маленький еще, только что ходить начал, гуляла я с ним в садике около дома. Мы с Кировым в одном доме жили. Он в квартире номер двадцать, а я в шестнадцатом номере. По одной лестнице. Я только выше жила. Иду я домой, а Киров увидел и говорит:

— Что это такое? С курами он клевал, что ли? Надо нос вытереть.

Я смотрю — и верно: у Борьки нос грязный грязный!

А то еще такой случай был. Стоим мы у лифта и ждем, когда нас поднимут. Дяденька, который поднимает, и говорит мне:

— Что вы тут стоите? Идите. Нечего вам ждать.

А Киров как раз подошел и услыхал:

— Что такое? Ребятишки пойдут по лестнице, а я буду подниматься?

Дал нам дорогу, посадил с Борькой в лифт и поднялся с нами на самый верх. Выпустил нас, а сам опять спустился и вышел у своей квартиры.

Валя Жихрина, 9 лет

Был конкурс юных дарований. Я на сцене подражал звукам пилы, лаю собак и мяуканию кошек. Киров сидел в третьем ряду вместе с другими взрослыми, слушал меня и очень смеялся. А дядя Чу-

дов так хохотал, когда я изображал собачью семью, что от смеха даже ушел из зала.

В перерыве дядя Киров подошел ко мне и посадил к себе на колени.

— Как же ты научился, Володя, расскажи?

Я рассказал, что мы жили в Детском селе, я каждый день слышал, как гудели паровозы, как стучали колеса, как пищат цыплята и лают собаки. Мне захотелось подражать. Я попробовал и получилось хорошо.

Тогда Киров начал расспрашивать, как мы живем.

Я говорю:

— Живем ничего, только комната небольшая, а нас шесть человек. У меня маленькие братишки и сестричка. Вот Рита слушает, как у соседей поет радио, и потом сама поет. Ее спрашивают, что ты поешь, а она говорит: «Пою «индийского гостя». А другой брат, Алек, рисует.

А дядя Киров говорит:

— Я помогу найти квартиру побольше. Хочешь, будем жить вместе на одной лестнице?

Я говорю:

— Хочу.

— Ну, ладно, — говорит дядя Киров, — я тебе устрою такую квартиру, где ты будешь заниматься, и будет телефон и ванна [1].

В это время меня позвали из-за кулис.

Я говорю:

— До свидания, дядя Киров!

---

[1] Квартиру в том доме, где жил Сергей Миронович, семья Матусовых впоследствии получила. — Прим. ред.

— До свидания, ты не забывай меня, — ответил он.

Еще он интересовался, не голоден ли я, но я был сыт: нас очень хорошо накормили за кулисами.

И вот как-то раз мама получает от дяди Кирова открытку: он приглашает нас в Смольный. Мы приходим в Смольный к коменданту, а у него лежит пропуск. Поднялись по лестнице и прямо вошли к Кирову.

Когда он увидел нас, он улыбнулся, встал из-за стола и пошел навстречу.

— Здравствуй, Вова! Ну, вот ты у меня в гостях! Здравствуйте, Маргарита Семеновна! (это мою маму так зовут — Маргарита Семеновна).

Сергей Миронович взял меня за руку, повел к креслу и усадил к себе на колени.

— Ну, как ты теперь учишься?

Я говорю:

— Я учусь хорошо, дядя Киров.

— А я слышал, что у тебя есть один «неуд»?

— Нет у меня «неудов».

— Да как же нет, когда мне передавали, что есть, — говорит он и смеется.

А я снова:

— Нет у меня «неудов»!

— Ну, ладно. Нет, и хорошо, что нет. А теперь ты мне расскажи о себе, Вовочка, хочешь ли учиться музыке и звукоподражанию?

— Музыке я хочу учиться, — сказал я, — а подражать звукам я и сам научусь.

В это время он заговорил с мамой. Я подошел к окну и засмотрелся на Неву, а он расспрашивал

маму, сколько у нее детей, как живут и хорошо ли занимаются. Говорил с мамой о скрипаче Яше Хейфеце:

— Вот он занимался с профессорами, а этот (это он про меня) — это самородок, его нужно беречь и воспитывать.

Потом он спросил меня:

— Цирк любишь, клоуны тебя смешат?

— Нет, не смешат, я сам смешу взрослых, — сказал я.

На прощание дядя Киров еще раз обнял меня и говорит:

— Тебе, Вова, нужно поступать в художественную школу, приезжай, не забывай меня. — Похлопал по плечу и весело сказал: — Не унывай, Вова, учись!

Он был тогда очень занят, у него было много народу, и все-таки он просил меня, чтобы я изобразил семью собак, пилу и плачущего ребенка. Он слушал и смеялся.

Третий раз я видел дядю Кирова, когда мы с мамой опять поехали в Смольный.

Я хотел приехать к нему в новом белом костюме, но мама его выстирала, и он долго не высыхал.

Поднимаемся по ступенькам, чтобы войти в дверь, которая вертится, и вдруг смотрим — из нее выходит Киров.

Он был в летнем расстегнутом плаще и в фуражке защитного цвета. Из-под плаща виднелась гимнастерка.

Сразу узнал нас:

— Здравствуй, Вова! Здравствуй!

Первый вопрос дяди Кирова был, учусь ли я в художественной школе.

Я сказал, что еще нет.

— А как ты сейчас в своей школе учишься?

— Дядя Киров, да ведь у нас сейчас каникулы!

Он рассмеялся, взял меня за руку, как папа, и мы вместе с ним медленно пошли к автомобилю.

Пока шли, он спрашивал маму обо мне, спрашивал, как я веду себя, как мое здоровье и говорил маме:

— Вы тоже, Маргарита Семеновна, должны лучше питаться, вам нужно воспитывать ребятишек, они у вас талантливые.

Володя Матусов

Сергей Миронович шел рядом со мной и смотрел на нас. Как отчетливо я помню его взгляд и морщинку вместо ямочки у подбородка! Он страшно любил ребят, а Вова был его особенным любимцем. С отеческой нежностью сажал он его на колени, щупал худенькие детские ручки и все интересовался, как он питается, почему такой серьезный, говорил, что ему нужно больше веселиться. Любил он одаренных детей. «Вот каких мы можем производить на свет граждан!» — говорил Сергей Миронович.

М. Матусова

Однажды, после служебных вопросов, Киров спросил меня:

— А где твой сынишка Леонид?

Надо сказать, что я как-то вместе с сыном и Миронычем ездил из Баку на сгоревшую насосную станцию, а спросил он меня об этом одиннадцать лет спустя — в 1934 году.

— Он обещал мне стать коммунистом и инженером, — продолжал Киров.

Я ответил, что сын свое обещание выполнил. Он теперь уже инженер и коммунист и работает в Дальневосточном морском флоте во Владивостоке.

— Будешь писать, передай ему, что он молодец, выполнил свое обещание, — сказал Сергей Миронович.

Г. Илларионов

В годовщину Октября моего Колю как хорошего ученика возили с ребятами на грузовике. Вдруг к грузовику подошел Киров. Ребята не заметили даже, откуда подошел он, но сразу узнали его: точно такой же, как на портрете, у глаз морщинки.

Все ребята хорошо отвечали на вопросы Кирова, а Коля, находясь ближе всех к нему, старался кричать как можно громче, чтобы Сергей Миронович посмотрел на него.

— Он спрашивал нас, — рассказывает Коля, — кто из нас лучший ученик, как работают юные ленинцы и кем мы хотим быть, когда будем взрослыми. Говорил нам, как много надо учиться. Если бы я был художником, я бы на память зарисовал его, он такой хороший, он, как папа, только ростом немного поменьше.

Е. Артемьева

Выражение лица у него было замечательное — воодушевленное какое-то. Долго стояло перед моими глазами лицо Кирова после встречи с ним. Это было в 1924 году. Жил я в детском доме имени Луначарского в Москве. Был деткором, писал заметки в журнал «Юные строители». Редакция дала мне поручение — встретиться с товарищем Кировым, который приехал в то время из Баку в Москву. Застал я Кирова утром.

Приветливо, тепло встретил меня Сергей Миронович. Когда я рассказал ему, что за пять дней до этого я был у товарища Сталина, который подарил мне на память книжку, Сергей Миронович сказал: «Это великая награда для тебя, лучшего и пожелать нельзя». И сам с величайшим удовольствием написал свое пожелание юнкорам. Вот оно:

Приветствую дорогих
юнкоров, в полной на-
дежде, что они будут
на смену старичков,
как достойные наследники
и окончательно завершат
величайшее дело Ильича,
на заре которого они
родились.
С. Киров
1924, 25/октября, г. Москва

«Приветствую дорогих юнкоров в полной надежде, что они придут на смену старикам как достойные ленинцы и окончательно завершат величайшее дело ~~истории~~, на заре которого они родились. С. Киров».

В. Максимов

НАС НИКТО И НИЧТО НЕ ОСТАНОВИТ

«Нашу партию постигло большое несчастье. 1 декабря от руки злодея-убийцы, подосланного классовыми врагами, погиб товарищ Киров. Не только для нас—его близких друзей и товарищей, но для всех знавших его по революционной работе, знавших его как бойца, товарища и друга, смерть Кирова является ничем невознаградимой утратой. От руки врага погиб человек, который всю свою яркую жизнь отдал делу рабочего класса, делу коммунизма, делу освобождения человечества.

Товарищ Киров представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплотой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу.

Товарищ Киров работал в разных частях Союза ССР и во времена подполья и после Октябрьской революции — в Томске и Астрахани, во Владикавказе и Баку, — и всюду он высоко держал знамя партии и завоевывал для дела партии миллионы

трудящихся своей неутомимой, энергичной и плодотворной работой революционера.

Последние девять лет товарищ Киров руководил организацией нашей партии в городе Ленина и Ленинградской области. В кратком скорбном письме нет возможности дать оценку его деятельности среди трудящихся Ленинграда. Трудно было бы найти в нашей партии более подходящего руководителя для рабочего класса Ленинграда, так умело спаявшего всех партийцев и весь рабочий класс вокруг партии. Он создал во всей Ленинградской организации ту атмосферу большевистской организованности, дисциплины, любви и преданности делу революции, коими отличался сам товарищ Киров.

Ты был близок всем нам, товарищ Киров, как верный друг, любимый товарищ, надежный соратник. До последних дней своей жизни и борьбы мы будем вспоминать тебя, дорогой друг, и будем чувствовать горечь нашей утери. Ты был всегда с нами в годы тяжких боев за торжество социализма в нашей стране, ты был с нами всегда в годы колебаний и трудностей внутри нашей партии, ты пережил с нами все трудности последних лет, и мы потеряли тебя в момент, когда наша страна достигла великих побед. Во всей этой борьбе, во всех наших достижениях много твоей доли, много твоей энергии, силы и пламенной любви к делу коммунизма.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ Сергей!

И. СТАЛИН, С. ОРДЖОНИКИДЗЕ, В. МОЛОТОВ, М. КАЛИНИН, К. ВОРОШИЛОВ, Л. КАГАНОВИЧ, А. МИКОЯН, А. АНДРЕЕВ, В. ЧУБАРЬ, А. ЖДАНОВ, В. КУЙБЫШЕВ, Я. РУДЗУТАК, С. КОССИОР, П. ПОСТЫШЕВ, Г. ПЕТРОВСКИЙ, М. ШКИРЯТОВ, Е. ЯРОСЛАВСКИЙ, Н. ЕЖОВ».

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ, БОЛЬШЕВИСТСКАЯ СТРАНА ИДЕТ ВСЕ ВПЕРЕД

Мы вступили в новую полосу развития.

Мы победили!

Кому же мы этими великими победами обязаны?

Этим мы обязаны величайшему человеку, великому гению — Ленину.

Мы обязаны Ленину тем, что он организовал партию, вел ее от победы к победе, провел через Октябрьские дни, провел ее через гражданскую войну, защищая советскую власть. Мы всем этим обязаны товарищу Ленину, великому из величайших людей всех веков.

Мы обязаны тому, кто был первым помощником Ленина. Мы обязаны этим Сталину!

Когда на Востоке надо было отстоять страну от полчищ Колчака, — Ленин бросил туда своего Сталина, и Колчак был разгромлен!

Когда нужно было защищать советское государство на Юге от Деникина, — Ленин бросил туда своего Сталина, и Деникин был разгромлен!

Когда нужно было разгромить Юденича и отстоять Ленинград, — Ленин бросил туда своего Сталина, и Юденич был разгромлен!

Когда нужно было разгромить Врангеля, — Ленин бросил туда своего Сталина, и враг был разгромлен и опрокинут в Черное море благодаря гениальному руководству товарища Сталина.

После смерти Ленина, когда надо было отстоять ленинизм от троцкистов, зиновьевцев, каменевцев и других оппортунистов всех мастей, — во главе

партии стал Сталин — продолжатель Ленина, который разгромил всех врагов ленинизма и привел партию и страну к величайшим победам.

Эти мерзавцы, эти негодяи, эти разгромленные враги революции за свое поражение отомстили нам тем, что вырвали из наших рядов одного из лучших, одного из любимейших наших товарищей — товарища Кирова, но большевистские ряды не дрогнули. Пусть кровью обливается наше сердце, что Кирова нет среди нас, нет Кирова, который на XVII с'езде партии с этой трибуны говорил: «Как хочется жить и жить!»

Велика потеря, но большевистская партия, большевистская страна идет все вперед. И никто и ничто ее не остановит!

С. ОРДЖОНИКИДЗЕ. Из речи на I всесоюзном совещании стахановцев 16 ноября 1935 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга выпущена под общим руководством зав. производственным сектором Профиздата
Л. Шехтмейстера.

Ответств. за производств.-технич. процессы Г. Биксон.

*

Отпечатана и переплетена в типографии Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18.

Директор типографии И. Павлов.
Техническ. директор А. Чугунов.

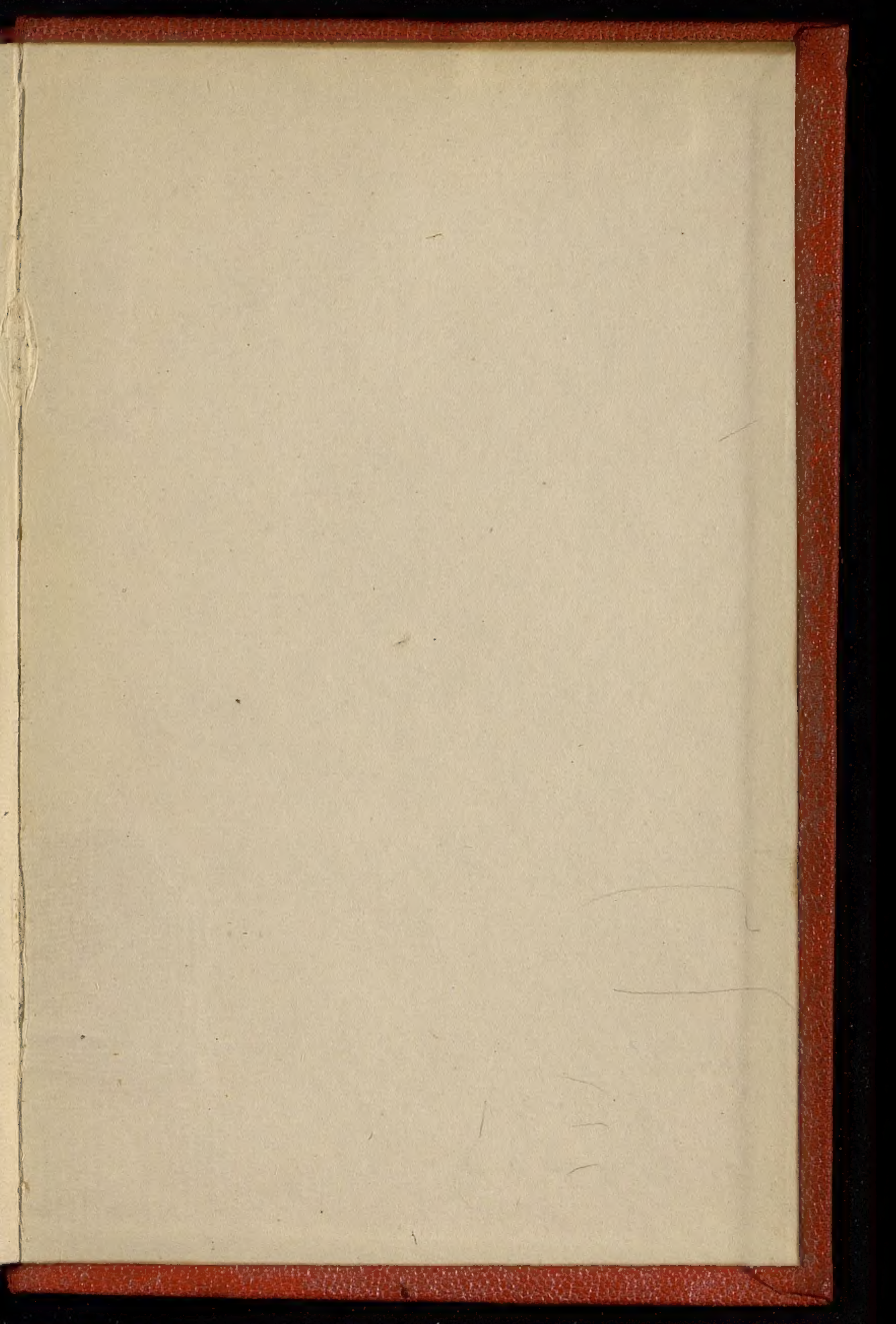
Начальники цехов:
наборного — А. Капустин,
печатного — П. Моченов,
переплетного — И. Лобов.

*

Сдана в набор 14/IX 1935 г.
Подписана к печати 23/XI 1935 г.
Уполн. Главлита № Б—13688.
Форм. бум. 82 × 110, 1/32 п. л. Об'ем 28 п. л. 24.064 зн. в п. л. Тир. 24.500.
Зак. № 997.

*

Цена 3 р. 50 к.
Переплет 1 р. 50 к.

5 р.